

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 5 (56)
май, 2021

*Ни за что не хотел бы
иметь другого Отечества!
Александр Пушкин*

S. Nikas

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

Рад представить вашему вниманию майский номер литературно-исторического журнала «Александръ». На май 2021 года, как и на май 1945-го, выпадают два великих праздника, которые живут в сердцах миллионов русских людей, – Воскресение Христово и День Победы. По этой причине темы торжества Православия и Победы советского народа звучат на страницах этого номера.

С почтением, трепетом и уважением поздравляю, уважаемые друзья, с Днём Победы и светлым праздником Пасхи! Вечная память героям, благодарность за мирное небо над головой великому советскому народу, поклон земной нашим славным дедам за право на жизнь без ужаса войны, страха и боли. Пусть ни одно поколение не узнает скорби, утрат, вражеского гнёта. Пусть подвиги, отвага, мужество вдохновляют людей, а священные праздники оставляют слёзы счастья и трогательную радость в сердцах, объединяя души!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ МОИ ДРУЗЬЯ, РОССИЯНЕ!

Сегодня я нахожусь на белорусской земле, принявшей на себя первые вражеские удары фашистских захватчиков и претерпевшей многочисленные потери своих сыновей в борьбе за свободу всех народов Советского Союза. По этой причине День Победы, этот святой для каждого советского человека день, в Беларуси празднуется по полной программе, и никакой коронавирус не помешал год назад, не может помешать и сейчас.

В Великую Отечественную войну люди не боялись смерти, смотрели ей в лицо. Нельзя, несмотря на все невзгоды, бояться и сегодня. Особенно нельзя бояться сейчас, а необходимо защищать нашу общую Победу, называть белое белым, а чёрное чёрным, преодолевать невзгоды и болезни, и тогда нас ждёт общая Победа.

Дай Бог вам доброго здоровья, дорогие мои! А подрастающему поколению хочу пожелать побед и порадовать нас, ветеранов и наше поколение.

Успехов вам!

Александр ТИХОНОВ,
четырёхкратный олимпийский чемпион,
одиннадцатикратный чемпион мира,
подполковник запаса

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Журнал издан при финансовой поддержке Ярослава Ярославовича Лойко.

Литературно-исторический журнал «Александр» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александр» № 5 (56), май 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.05.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

6 Мистер Биатлон

ПОБЕДА

10 Валентина Останина

ПАМЯТЬ

12 Валентина Коростелёва.
«Нас не забудут потому вовек...»

ПОЭЗИЯ

16 Владислав Бусов.
Поэма о без вести пропавшем

19 Александр Ившуков.
Нашим детям нужна Россия!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

22 Анатолий Труба.
В сердце русского человека

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

26 Валерий Румянцев

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

31 Татьяна Никитина.
«Бедствующих помощь и озлобленных покров...» Икона Божией Матери
«Неупиваемая Чаша»

ЮБИЛЕЙ

34 Валентина Матушкина.
Ровесник Великой Победы

СУДЬБЫ

38 Валентина Черемисина.
Героем его называли враги

41 Татьяна Хлебянкина.
Братья Калинины на Великой
Отечественной войне

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ!

43 Вадим Кулинченко.
Подводники

РАЗМЫШЛЕНИЯ

53 Наталья Адлер

НЕПОКОРЁННЫЕ

56 Виктор Семенов.
Женская доля в лихолетье войны

ДЕБЮТ

64 Наталья Меркушова.
Навеяно былым...

ИСТОРИЯ РОССИИ

67 Андрей Хазиев (Скилур).
Тамбовские ратоборцы.
Забутые герои

ПРАВОСЛАВИЕ

72 Лола Звонарёва.
Неиссякаемый родник

ЖИТЕЙСКОЕ

83 Юрий Чернов.
Шапки ушами кверху и вниз

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ

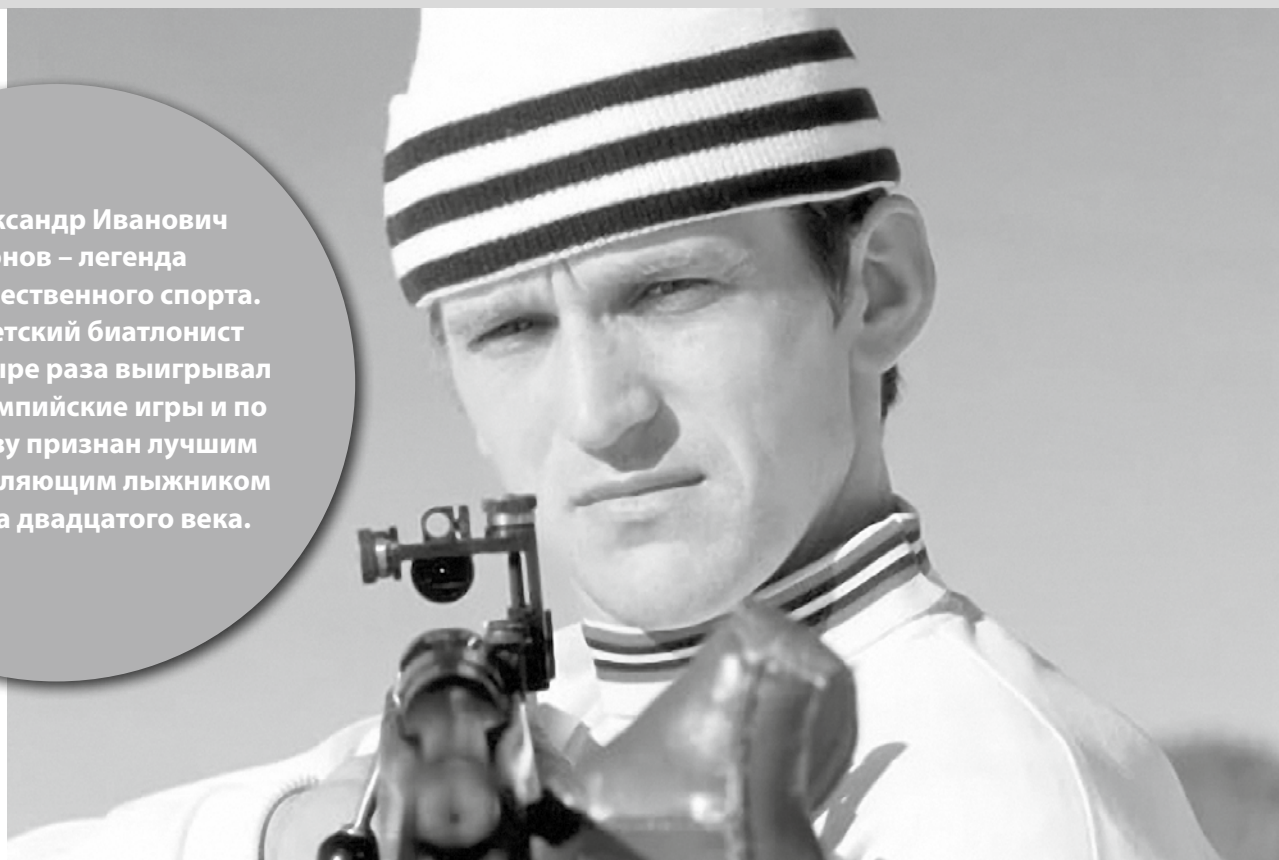
86 Тарас Турчин.
Лес Тихого Дона

ДРУЗЬЯ

92 Сады космонавтам

Александр Иванович Тихонов – легенда отечественного спорта. Советский биатлонист четыре раза выигрывал Олимпийские игры и по праву признан лучшим стреляющим лыжником мира двадцатого века.

МИСТЕР БИАТЛОН

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ТИХОНОВ

Родился 2 января 1947 года

Достижения:

Четырёхкратный олимпийский чемпион в эстафетах (Гренобль-1968, Саппоро-1972, Инсбрук-1976, Лейк-Плэсид-1980).

Серебряный призёр Олимпийских игр в Гренобле (индивидуальная гонка) в 1968 году.

Одиннадцатикратный чемпион мира (1969, 1970, 1973 – индивидуальные гонки, 1969, 1970, 1971, 1973, 1974, 1977 – эстафеты, 1976, 1977 – спринты).

Четырёхкратный серебряный призёр чемпионатов мира (1967, 1975 – эстафеты, 1971, 1979 – индивидуальные гонки).

Двукратный бронзовый призёр чемпионатов мира (1977 – индивидуальная гонка, 1979 – эстафета).

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Нередко дети начинают занятия спортом, чтобы побороть слабость или какой-то недуг. Вот и Саша Тихонов понял, что нельзя полагаться на судьбу, и решил заняться собственным здоровьем. Мальчик рос физически слабым, и только спорт мог исправить ситуацию.

Отец Александра был учителем физкультуры в сельской школе и привил сыну любовь к физическому труду. Саша стал делать зарядку, занимался закаливанием, работал с гантелями. Окончательно поверив в себя, он одновременно встаёт на лыжи и коньки.

Что такое труд, Тихонов понял рано. Он уходит из школы в седьмом классе и устраивается на работу учеником токаря. Получив разряд и ставку, Александр стал обеспечивать себя сам. Днём на работе, вечером на

тренировке – строгий распорядок сложился сам собой.

Переехав в Челябинск, Тихонов устраивается на завод и продолжает тренироваться поздними вечерами. Тем не менее тяжёлый рабочий график не мешает ему прогрессировать в спорте. Он становится рекордсменом области в беге на коньках, а в лыжных гонках идёт ещё дальше – выигрывает чемпионат СССР среди юношей.

Так молодой спортсмен определился с профильным для себя видом, в котором продолжает расти. Александр становится первым на Спартакиаде среди юниоров и по результатам вплотную подбирается к уровню взрослой сборной Союза.

Скорее всего, Тихонов добился бы успеха и в чистых лыжных гонках (с его-то характером), но однажды попался на глаза Александру Привалову – главному тренеру сборной СССР по биатлону, недавно завершившему свою карьеру. Тот предложил молодому лыжнику показать, как он стреляет, а вскоре переманил юное дарование в свой вид спорта.

МИСТЕР БИАТЛОН

Тихонов быстро осваивается в биатлоне и в течение года попадает в основную сборную. В двадцать лет он дебютирует на чемпионате мира и становится его победителем в эстафетной гонке. Аналогичный триумф ждёт его год спустя на Олимпийских играх в Гренобле. Дебютант прекрасно проявляет себя в индивидуальной гонке, показывая второй результат,

будучи лучшим на лыжне, и получает право войти в эстафетную четвёрку. Александр блестяще проходит свой стартовый этап, передаёт эстафету первым, и остальные члены команды спокойно доводят дело до конца.

После такого выступления Тихонов становится лидером команды. В первую очередь его отличает сильнейший ход – во всех гонках он лучший по скорости, и если не случается казусов на огневых рубежах, победа остаётся за Александром. Так было на чемпионатах мира 1969 и 1970 годов. Тихонов убедительно выигрывает индивидуальные гонки и добавляет к этому золотые медали в эстафетах, делая хороший запас партнёрам на своём первом этапе.

К Олимпиаде в Саппоро Александр подходит явным фаворитом. Все ждут повторения успехов чемпионатов мира, но Тихонова подводит заключительная «стойка», и он вне призового пьедестала. А в эстафете с ним приключился настоящий конфуз – провалив вторую стрельбу и отмотав штрафные круги, Александр ринулся догонять убежавших вперёд соперников и сломал лыжу. Около километра он фактически ехал на одной ноге, пока немецкий биатлонист не отдал Тихонову одну лыжу. Героически преодолев свой этап, он передал эстафету девятым. Благо друзья по команде не подвели, и Александр стал двукратным олимпийским чемпионом.

С тех пор он перестал бегать первые этапы. Так, спустя четыре года на Олимпиаде в Инсбруке Тихонов с блеском проходит четвёртый – заключительный – этап и в третий раз в своей карьере становится чемпионом Олимпийских игр. Правда, он им должен был стать за неделю до эстафеты. После трёх огневых рубежей индивидуальной гонки он имел огромное преимущество, но в итоге финишировал лишь пятым. Виной тому – провал на злополучной «стойке».

Несмотря на то, что в индивидуальных гонках на Олимпиадах Тихонов терпел неудачи, на чемпионатах мира он по-прежнему был хорош. Так, дважды подряд он становился лучшим в коротких спринтерских гонках, которые выгодны в первую очередь сильным бегунам.

В конце 70-х Александр начинает понемногу сдавать в скорости передвижения по трассе. Это и немудрено – он уже разменял четвёртый десяток. Тем не менее Тихонов по-прежнему лидер сборной и продолжает завоёвывать медали в индивидуальных гонках и эстафетах.

На свою четвёртую Олимпиаду в США Тихонов едет, будучи самым опытным в нашей команде. Более того, Александр удостоивается чести нести советский флаг на церемонии открытия игр. Понимая, что у него остался последний шанс на личное золото Олимпиад, Тихонов полон желания исправить историческое недоразумение. Но тщетно – простуда с температурой не позволили ему проявить себя.

Неудачные выступления в индивидуальной и спринтерской гонках подняли вопрос, который раньше даже не обсуждался, – ставить Тихонова в эстафету или нет. В итоге тренеры решили, что ветеран уже не тот, может испортить гонку, и объявили накануне о том, что Александр остаётся в запасе. Но тот не из робкого десятка и упрямый тренерский штаб дал ему шанс, пообещав, что не подведёт.

Каким-то чудом Тихонову удалось убедить наставников, и те доверили ему второй этап. Александр не подвёл, показав лучшее время среди всех биатлонистов, и менее чем через час вместе с Аликиным, Барнашовым и Алябьевым праздновал заслуженную победу. Есть четвёртое олимпийское золото!

МЫТАРСТВА

На красивой ноте Тихонов заканчивает свою спортивную карьеру. Александру 33, он полон сил и амбиций, но жизнь после спорта складывается не так гладко, как биатлонная карьера. Имея громадный опыт и практические знания, он был готов применять их на благо своей страны, но те люди, которые ещё вчера благодарили Александра за победы, не позволили ему работать там, где он должен был по своему призванию.

Для Тихонова начались непростые времена – некоторое время он трудился в Новосибирске в обществе «Динамо», в конце 80-х создал

экспериментальную сборную, но в 1990 году был вынужден её оставить: его спортсменов не брали в главную команду страны.

Александр Иванович, конечно, не сахар – характер у него непростой. Ещё в бытность спортсменом он мог «напихать» партнёрам по сборной, если понимал, что те халтурят и не отдаются делу. Теперь же, понимая, что и руководить биатлоном он будет с таким же азартом, ему закрыли дорогу в свой спорт.

Жизнь стала совсем тяжёлой – перестройка, работы нет, из армии проводили в запас. Дошло до того, что Тихонов продал машину – других способов прокормить свою семью тогда у него не было. В какой-то момент Александр Иванович понял, что не стоит ждать подачек судьбы и пора круто повернуть свою жизнь.

УСПЕШНЫЙ БИЗНЕСМЕН И МЕЦЕНАТ

Тихонов решает заняться бизнесом – чтобы, как и в биатлоне, полагаться только на себя.

Сначала он вместе с партнёром организует в подмосковной Коломне предприятие по выпечке хлебных изделий. Постепенно его дело растёт – в городе открываются магазины, торговые точки.

Александр Иванович встаёт на ноги и регистрирует фирму «Тихонов и Ко». Его бизнес набирает обороты – он идёт в сельское хозяйство, производя зерновые культуры в Ростовской области. Параллельно его компания занимается производством мясной и рыбной продукции.

Что важно, помимо собственного дохода, Тихонов занимается производством, параллельно открывая рабочие места для простых людей.

В начале 90-х Тихонов возвращается в спорт, но в другой. Он организует конно-спортивный клуб своего имени и вкладывается в него всей душой и материальными средствами. Пригласив на работу лучших специалистов, Александр Иванович и сам начинает заниматься конным спортом, выступая на соревнованиях.

ПРЕЗИДЕНТ СБР

Несмотря на то, что дел у него хватает, Тихонов продолжает пристально следить за биатлоном. Он искренне радуется успехам российских спортсменов и огорчается неудачам. Конечно же, когда в 1995-м его позвали спасать отечественный биатлон, он всех простил, понимая, что не может оставить в беде тех, кто ни в чём не виноват, – спортсменов.

К тому времени вся материально-техническая база пришла в негодность, с финансированием была беда, а о таком понятии, как спонсорские контракты, никто не догадывался. Александр Иванович засучил рукава и начал выстраивать процессы так, как считает нужным. При нём стали открываться новые биатлонные комплексы в Сибири, спортсмены перестали испытывать потребность в чём-либо и могли сосредоточиться только на тренировках и выступлениях.

Да, с Тихоновым было тяжело работать – он оставался таким же требовательным к остальным, как и во времена своей спортивной карьеры. Александр Иванович позволял себе вмешиваться в работу тренерского штаба сборной, что неправильно по должностным обязанностям, но верно по своей сути.

Тихонов, несмотря на менеджерскую работу, сохранил правильный взгляд на спортивную составляющую. Он понимал, как и где надо готовиться к сезону, и особо выделял тех, кому стоит дать шанс. Так, благодаря его прозорливости и настойчивости вернулся в биатлон Сергей Чепиков и заблистал Максим Чудов.

ХАРАКТЕР

В конце нулевых Тихонов отошёл от больших биатлонных дел – не сработался с командой менеджеров из бизнеса, для которых спорт – дело чужое и непонятное. Тем не менее Александр Иванович по-прежнему бодр, с интересом следит за происходящим в его родном виде спорта и не стесняется давать острые, порой даже чересчур, комментарии. Кто бы ни критиковал его за это, обязан признать – пока он был у руля российского биатлона, мы выигрывали намного чаще.

Многие его не любят, но уважают, так как понимают: всё, что говорит Тихонов, как правило, сбывается. Александр Иванович, это у него не отнять, любит говорить много, но при этом всегда по делу. Да, иногда он слишком эпатажен, где-то ведёт себя слишком вызывающе, но всё это ему можно простить – таких сильных биатлонистов, как Тихонов, в нашей стране не было и нет.

Люди, которые могут и на четырёх подряд Олимпиадах выигрывать, и лично задержать вооружённого преступника, что сделал в свое время Тихонов, возвращаясь с соревнований в поезде, – такие люди на вес золота. А его своей стране Александр Иванович принёс столько, что хватит на десятерых.

Составил Кирилл Труба

Источник: <http://sportslive.ru>

Валентина
ОСТАНИНА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ЗАХОРОНЕННЫХ НА ОСТРОВЕ ВАЛААМ

*По мотивам повести
М. Кагармановой «После Победы»¹*

Мы не в силах вернуть, изменить
Ничего погребённого в прошлом,
Только память – суровая нить –
Стянет узел на сердце тревожном.
Да ещё – ощущение вины,
Затаённой в вопросах проклятых
О судьбе инвалидов войны
В списках наших потерь безвозвратных.
Молодые и в зрелых годах
В вихрях бойни бесчеловечной
Побывали у смерти в зубах –
Отпустила с жестоким увечьем.
И они, до конца не сгорев,
Быть обузой родным отказались.
Будто павшие листья с дерев,
С долей нищенской побратались.
Не вписались они в магистраль
Мирной жизни и ритм столичный.
Приколов боевую медаль,
Пели жалостливо в электричках.
А встречавшие их на пути
Обходили и слева, и справа –
Сторонились, а эти культы
Были признаком воинской славы.
Власть метлою прошла по углам;

Из больших городов и столицы
Их на остров свезли Валаам,
Чтоб не смог ни один возвратиться.
Там их поедом ела тоска.
Ныли раны. Беспомощность. Ругань.
Ожидание хлеба куска
И рука обрётённого друга.
Лишь посильная ноша труда
Просветляла угрюмые лица.
А ночами в бреду – крик «Ура-а-а!»,
И атака всё длится и длится...
Там, почти превращённые в прах,
Обречённые, песней сплотились.
В монастырских холодных стенах
В новом братстве их души сроднились.
Победителей тех голоса
Оглашали старинные своды.
Возносились легко в небеса,
Возвращались на сушу и воды.
Слышать чудное пенье могли
Проплывавшие мимо туристы.
Им казалось: идёт от земли
Излученье над Ладогой мгlistой...

* * *

А где-то далеко – домашний быт,
И каждого ждёт старенькая мама.
Но весточка туда не долетит
С омытого водою Валаама.
А мамы будут ждать десятки лет
Своих пропавших без вести героев,
Пока глаза глядят на божий свет,
Пока земля сырая не укроет.

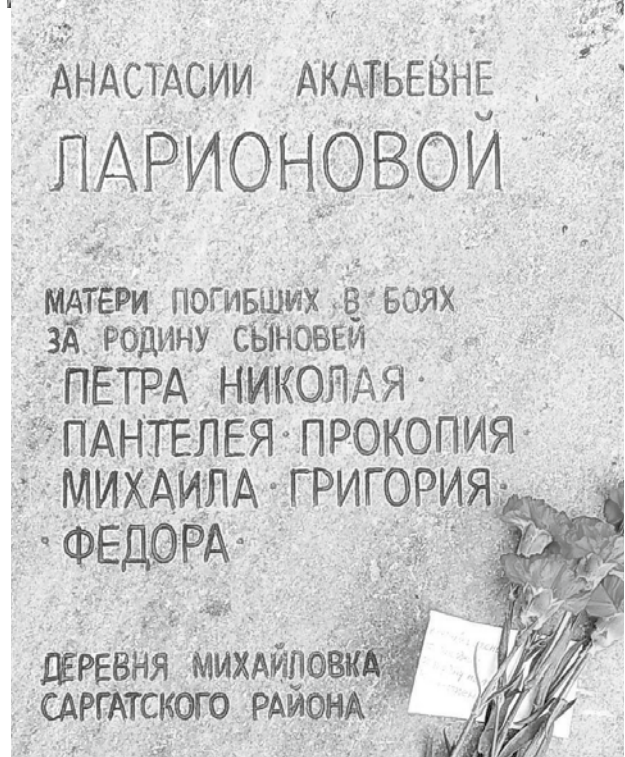
¹ Журнал «Аргмак. Татарстан» № 2 (32), 2020 г.

ЭТО БУДЕТ 9 МАЯ

*Светлой памяти Анастасии Акатъевны
Ларионовой, матери семи сыновей, отдав-
ших жизни за свободу нашего Отечества
в годы Великой Отечественной войны*

Список наших великих потерь
Остаётся неточным, неполным.
Точный – матери знали. Теперь
Эти души в селении горнем.
Есть в рабочем посёлке моём
Место главное – площадь Победы.
Здесь в платочке простом, босиком
Мать стоит, чтоб о горе поведать.
Нынче летом её создавал
К нам приехавший скульптор из Омска.
Может, внук тех, кто врос в Валаам
Далеко от родного погоста.
И стоит безутешная мать,
Молчаливая, в вечной печали.
Ей сынов дорогих не обнять,
Беззаветно сгоревших свечами.
Там, в недремлющем Вечном огне,
Что неласковый ветер тревожит,
Ей любимые лица видней,
Только сдвинуться с места не может.
И застыла, и не сосчитать
Сколько дней и ночей пролетело.
Воспитала защитников мать –
Все погибли за правое дело.
Сколько раз похоронный конверт
Разрывал сердце матери пыткой.
А надежда, дарившая свет,
Утешала: «Быть может, ошибка...»
Все страданья её сочтены
По не писанным в мире законам.
Только б не было больше войны!
Только б не было плачей и стонов!
Эти слёзы – не слабость во мне,
Затвердели они от мороза.
Будет яркий салют по весне,
Пророкочут заветные грозы.
Полк Бессмертный пройдёт перед ней.
Пронесёт, высоко поднимая,
Семь портретов её сыновей.
Это будет 9 Мая!

«НАС НЕ ЗАБУДУТ ПОТОМУ ВОВЕК...»

Их творческий багаж, как правило, невелик. Хотя некоторым из них судьба дарила возможность не подвергать себя страшной опасности быть убитым – памятуя о своём даре, зачастую уже признанном мастерами слова, – как это произошло с Николаем Майоровым. Но он отказался ехать с университетом далеко на юг в эвакуацию, а просто надел шинель и пошёл пешком из Москвы в направлении Нижнего Новгорода (тогда Горького) вместе с мобилизованными будущими солдатами...

Но и то, что дошло до нас (а в ту пору ни кабинетов, ни готовых рукописей будущих книг у них, молодых и горячих, и не могло быть), говорит о громадном творческом потенциале этих людей, о зрелости души и ума, несмотря на молодость.

*...Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового. И пусть
Не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.*

И мы говорим и учимся у них, не успевших многое, но уже состоявшихся мужчин, поэтов, патриотов, оплативших эти слова своей жизнью.

Биография Николая типичная для советского юноши тех лет. Родился в 1919 году в симбирской деревне Дуровка, которой уже нет. Сгинула, бедная, – с таким непрестижным именем. Но мы-то знаем, что человек красит место... И семья обычная, никаких особенных кровей, кроме того что отец, на все руки мастер, любил читать. То есть жила в этой семье кни-

га!.. И не случайно, видимо, переехав с семьёй в Подмоскovie, Николай учился в одной из лучших ивановских школ, а потом без больших проблем поступил в МГУ на истфак, параллельно посещая семинары в Литинституте, где и встретился со своим главным творческим наставником – Павлом Антокольским, уже достаточно известным поэтом.

А в университетской газете начал печататься всерьёз.

*...Нам ремесло далось не сразу –
Из тьмы неверья, немоты
Мы пробивались, как проказа,
К подножью нашей высоты.
Шли напролом, как входят в воду:
Жизнь не давалась, но её,
Коль не впрямую, так обходом
Мы всё же брали, как своё.
Куда ни глянь – сплошные травы,
Любая боль была горька.
Для нас, нескладных и упрямых,
Жизнь не имела потолка.*

«Брату Алексею», 1939 г.

О какой энергии, каком запасе духовных сил говорят эти строки! Какое стремление посвятить свою жизнь главному делу – творчеству, которое, конечно же, не может быть без любви к родине и той единственной, что составит счастье его жизни. Кстати, мало у кого из поэтов-фронтовиков тема личной любви, соединение её со всей судьбой занимает такое значительное место. И у неё есть имя – Ирина Пташникова, с которой он познакомился в МГУ и уже не расставался – то очно, то в письмах – до конца своих дней. Судьба подарила ему большую любовь, которая, конечно же, не могла быть только счастливой в то время, когда полмира было объято войной, когда двум самодостаточным людям (у него главное – литература, у неё – археология, и нежелание обоих предавать своё призвание в угоду тёплым, удобным отношениям) было во всех смыслах непросто сохранять свои чувства. И поэзия, и письма Николая Майорова полны драматургии, что «дарила» жизнь. И

вот стихотворение, которое буквально на свой счёт приняла Ирина и какое-то время избегала отношений, что были душевной опорой для молодого поэта.

*Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша, когда
ты надорвёшь конверт армейский белый
с «осьмушкой» похоронного листа...
Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.
Но в нём тебе не нравилась
одна лишь
для женщины обидная черта:
он был поэт, хотя и малой силы,
но был, любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла
и ни любила, –
так, как стихи, тебя он не любил...
«Тебе»*

Но душа отказывалась быть на втором месте, и вот Николай пишет: «Ирина, здравствуй! Недавно мне Н. Шеберстов передал твою открытку – спасибо, что ты ещё помнишь обо мне. Когда я находился на спецзадании, я почему-то не отчаивался получить от тебя письмо. Но представь себе, всем писали, я же почти все 2 месяца не имел ни от кого ни одного письма. И ты не догадалась. Адрес же наш всему истфаку был известен. Ну да ладно – не сетую. Чем это я заслужил от тебя письмо? Конечно, ничем.

А все-таки ждал».

В письмах к Ирине в эти немногие месяцы – фактически короткая история судьбы Николая Майорова, связанная с Великой Отечественной. И это она сохранила их и, несмотря на послевоенную, заполненную до краёв свою семейную жизнь, всё сделала, чтобы сохранить память о любимом поэте.

«22 октября 41. Здравствуй, Ирина!

Опять хочется тебе писать. Причём делаю это без надежды получить от тебя ответ: у меня нет адреса. Сейчас я в армии. Мы идем из Москвы пешком по направлению к Горькому, а

там – неизвестно куда... Сейчас направляемся к формировочному пункту, расположенному где-то около Горького. 15–16–17 октября проходила эвакуация Москвы. Университет эвакуируется в Ташкент, к тебе. Ребята вышли из Москвы пешком – эшелонов не хватило. Многие ребята с нашего курса поспешили сняться с военного учета и смыться заблаговременно из Москвы. Меня эта эвакуация прельщала не тем, что она спасала меня в случае чего от немецкого плена, а соблазняла меня тем, что я попаду в Ташкент, к тебе. В конце концов я перестал колебаться, и мы вместе с Арчилом Анджапаридзе (только вдвоем) не снялись с учета и вот сейчас уже находимся в армии».

*Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.*

*Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... и опять –
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.*

Вот так писали о любви в то военное время. Очень жаль, что, по предположению родных и друзей, пропал целый чемодан рукописей, который Николай в начале грозных лет отдал для сохранения знакомым людям. Я верю в «целый чемодан», знаю не только по себе, как именно в этом возрасте (20–22 года) всё существо творческого человека способно на очень многое, о чём говорит сама история искусства. Известно, что среди утерянного есть две поэмы – «Ваятель» и «Семья», и даже одни названия говорят о глубоком замысле и большой работе Майорова. А зная о его таланте, можно только догадываться, что мы потеряли. И надо в очередной раз отдать должное издательству «Молодая гвардия», которое, что называется, «по сусекам» собрало сохранившиеся стихи поэта-фронтовика, для которого самым главным подарком судьбы было творчество. Именно так и называется одно из его стихотворений:

*Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звёзд и падать на колени.*

*Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.*

*...А жизнь научит правде и терпенью,
Принудит жить, и прежде чем стареть,
Она заставит выжать всё уменье,
Какое ты обязан был иметь.*

1940 г.

И не случайны стихи, посвящённые Рембрандту, Гоголю, другу-художнику Шеберстову.

Майоров верил, надеялся, что война не всё разрушит, что ему предстоит пройти сложный и прекрасный путь поэта, ради чего он появился на этой земле.

И это его слова: «Мне двадцать лет. А Родина такая, что в целых сто её не обойти». Поэзия и Родина в его ощущении были неразрывны. И потому он в первые же дни войны просил в военкомате о направлении на фронт. Ведь это он заявил ещё до войны:

*...Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжёл, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.*

*Мир, как окно, для воздуха распахнут.
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.*

*И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!*

«Мы», 1940 г.

«Здравствуй, Ирина! Жду эшелона для отправки на фронт. Нахожусь в маршевой роте. Говорят, нас направляют в гвардейские части на Московский фронт. Хорошо бы ехать через Иваново – возможно, забегу. Обмундированы хорошо: полушубки, ватники, в дороге валенки дадут. Дали махорки – самое главное. Воевать придется в самые зимние месяцы. Ну да ладно – перетерпим. Арчила не взяли в гвардию – слепой. Тяжело было расставаться с ним. Поздравляю тебя с Новым годом, 1942! Что-то ждет меня в этом году?.. Ну, пока всё, кажется. Целую тебя много-много раз. Николай.

28 декабря 1941».

Новый, 1942 год пришёл в его судьбу боями на многострадальной смоленской земле, во все эпохи бравшей на себя шквальные смерчи врагов. А это – сотни, а порой и тысячи русичей, стоявших насмерть на своём Куликовом поле, как пулемётчик Николай Майоров в составе 331-й стрелковой дивизии. Таким полем для него стала деревня Баранцево недалеко от Гжатска, ныне Гагарина. И 8 февраля война поставила на его жизни точку. Он был похоронен в братской могиле здесь же, позднее прах погибших был перенесён в село Карманово Гагаринского района той же Смоленской области.

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папирасы...*

Эти строки, уже ставшие крылатыми, вошли в наше сознание, отпечатались в самых святых уголках памяти. Невозможно ни забыть, ни разлюбить этих молодых и талантливых поэтов, что могли бы стать частью литературной славы России. И всё-таки они успели заронить в наших сердцах часть своего животворного огня, волшебства своих строк...

*Мир только в детстве первозданен,
Когда, себя не видя в нём,
Мы бредим морем, поездами,
Раскрытым настезь в сад окном...
Пусть неуютно в нём, неладно,*

*Нам снова хочется домой,
В тот мир простой, как лист тетрадный,
Где я прошёл, большой, нескладный
И удивительно прямой.*

И он вернулся домой! В Иваново, с которым связаны годы его юности, уже в 1964 году появилась улица Поэта Николая Майорова, а в Литературном сквере установлен его бюст.

*Есть в голосе моём звучание металла.
Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым.
Не всё умрёт. Не всё войдёт в каталог.
Но только пусть под именем моим*

*Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.*

*...Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.*

*Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.*

*Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.*

«Мы»

Будем поимённо помнить этих красивых, отважных, не по годам мудрых, нежных в любви – и к женщине, и к Родине своей! Они очень надеялись на это... И пусть помогают нам уже совсем в другом веке их искренние, талантливые и правдивые стихи!

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

ПОЭМА О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ

Владислав БУСОВ

ГЛАВА 1. РОДИНА

1.

Крестьянский сын, он младшим был,
В честь деда наречён Иваном.
В деревне рос, где отчий дым,
Река окутана туманом.

Раздольный край лесов, полей,
Достойный кисти Левитана!
Осенних красок не жалея
Ты, край родной, в душе Ивана.

Здесь он впервые произнёс
Святое слово, слово «мама»,
И мать, в любви с которой рос,
Как память светлая Ивана.

Посвящается моему дяде,
Бусову Ивану Леонтьевичу,
без вести пропавшему в боях
в мае 1942 года

2.

Бежал он на зелёный луг,
Встречал весенние рассветы,
Читал стихи душевно вслух,
Влюблялся и мечтал при этом.

Отец Ивана – середняк,
В хозяйстве лошадь и корова:
Пришла в то время не за так
Обобществлённая «обнова».

Не слыл Григорий простаком,
Смекнул, учиться сыну надо,
Чтоб не работать батраком
Всю жизнь за трудодни в награду.

Сначала старший брат, Андрей,
Отправлен на учёбу в город.
Затем Иван, став повзрослей,
Науки взял тяжёлый молот.

3.

И всё бы было хорошо,
Но вот труба войны пропела:
«Вставай, страна...» – На фронт меньшей
Ушёл, такое, значит, дело.

ГЛАВА 2. ВОЙНА

1.

На фронте, на передовой
Иван – два кубика в петлице, –
Он в обстановке боевой,
Но в памяти родные лица.

Жене короткая лишь весть –
Мол, я здоров, как ты, родная?..
Тех треугольников не счесть,
С переднего идущих края.

Их ждали в сёлах, в городах,
Их ждали матери и жёны
С молитвой тихой на устах,
Надежды, веры не лишёны.

2.

Минул год первый, шёл второй...
Стране такое испытанье,
Измотана она войной,
И тяжко противостоянье.

Столицу взять не удалось,
Враг топчет неньку-Украину.
На поле боя довелось
Узнать Ивану вражью силу.

На этом поле рдел огонь,
Вздыхался к голубому небу.
Летел он, словно алый конь,
Чтоб хлеб врагу добычей не был.

Там шли с пожитками в руках
И чьи-то жёны, чьи-то дети.
В глазах и ненависть, и страх,
Спасение от пуль – в кювете.

Но юнкеры летят опять,
Бьют, гады, по колонне метко.
Достанется, ядрёна мать,
Получите вы, фрицы, крепко!

3.

О людях думал лейтенант,
Приказ комдива выполняя,
Склонившись у планшетных карт,
Курил махорку на привале.

Не мог Иван помочь в беде,
Не находил для них ответа,
И мысленно он у людей
Просил прощения за это.

4.

Кольцо сжималось всё сильнее,
Попали наши в окруженье.
Под хутором, в огне степей
Случилось жаркое сраженье.

Он вместе с рядовыми был
На первом рубеже, пытаясь
Прорвать кольцо и выйти в тыл,
Но сил уже не оставалось.

Бой продолжался, фрица «зиг»
Звучал, развязку приближая,
Жене и дочке в смертный миг
Иван шептал слова прощанья.

5.

Так в том бою он погибал...
Пришло известие лихое
Марии – без вести пропал
Её Иван – беда и горе...

ГЛАВА 3. ПАМЯТЬ

1.

Как вдовам было нелегко!
Марии тоже с дочкой малой.
И жить от дома далеко,
И выживать с надеждой главной.

С надеждой негасимой той,
С надеждой, что Иван вернётся,
Её Иван, родной, живой,
И сердце радостно забьётся.

2.

Шли дни, недели без конца,
Все мысли только о пропавшем,
Но нет у дочери отца...
Нет мужа у жены скорбящей.

И трудно на Востоке жить,
Хозяйничает малярия.
Но «Всё для фронта!» – стало быть,
Мы сдюжим, верила Мария.

3.

Когда вестей, казалось, нет,
Ивана друг-однополчанин
Явился с фронта и «привет»
С передовой привёз печальный.

Жена узнала о часах,
О тех, последних для Ивана,
Когда ещё в людских сердцах
Жила, боролась сила рьяно.

Тогда приказ из штаба был,
Чтоб комсостав по «коридору»
Из окруженья выходил:
Держать сухим, сказали, порох.

Но кровью обagrён прорыв,
И лейтенанту взвод не бросить...
«Сражались до конца, комдив,
Пред Родиной чиста их совесть».

4.

Остался в глубине души
И в сердце без вести пропавший,
Он в памяти Марии жив –
Солдат, Отчизну защищавший.

Александр ИВШУКОВ

ЛИПА

*(В действительности это
стихотворение никому не посвящено)*

Не зря подделку сравнивают с липой:
Я знаю доказательство тому –
К тебе, будто к магниту, кто-то липнет,
А я поклялся: сам тебя возьму!
Меня ты отвергаешь сердцем чёрствым,
Как липа – молнию сухим стволом!
Корней своеобразное устройство
Даёт мне повод думать и о том,
Что твои предки также виноваты:
Тебя питают, объявив проклятым
Меня, хотя они ещё не знают:
Твою любовь, как липку, обдирают
Допросами своими – так уверь
Их в собственной несправедливой язве,
Лежащей на устах и нашей связи
Мешающей – ведь ты похожей разве
На липу хочешь быть теперь?

НАШИМ ДЕТЯМ НУЖНА РОССИЯ

На просторах родной земли –
Жизнь, тепло, красота и сила,
И мы вместе понять смогли:
Нашим детям нужна Россия!
Пусть на нашей земле растут,
Видят, как же она красива,
Уважают народа труд:
Наши дети нужны России!

Поколений цепь не порвать –
В будущем, как в века былые,
Снова скажут отец и мать:
«Нашим детям нужна Россия!»
Изучать им родной язык,
Средь культуры родной расти им
И творить много новых книг –
Наши дети нужны России!

И пускай будет так всегда:
Чтобы души питать живые
В наших сёлах и городах,
Будет детям нужна Россия!
Им по нашим полям идти,
Им летать в нашем небе синем,
И на этом большом пути
Будут дети нужны России!

БЕЗЫМЯНКА

*Я представил, что было бы, если бы
я писал сценарий фильма о самарском
архитекторе Алексее Моргуна (1925–2009)*

Покажут в фильме пусть: под серым небом
Декабрь, далёкий сорок первый год
И в Куйбышеве над покровом снега
На Безымянке авиазавод.

Как праведен для фронта труд народа!
Шестнадцать лет Алёше Моргуну:
Вот он крыло клепаёт на заводе,
К Победе чтобы приближать страну.

«Да будет вечной слава Безымянки –
Мы Родину к Победе приведём!»
Вот авиазавод, вот быют по вражьи танкам
Штурмовики, что сделаны на нём.

Кадр сменится, и сквозь десятилетия
Перенесутся зрители – туда,
Где для метро готовились проекты
И Алексей Моргун подумал: «Да!»

Коль старой Безымянки не осталось,
Пусть памятник ей будет под землёй...»
Завода образ в станционном зале,
Колонн мемориальных строгий строй...

«Да будет вечной слава Безымянки –
Мы память о Победе сбережём!»
Вот авиазавод, вот быют по вражьи танкам
Штурмовики, что сделаны на нём.

Восходит снова солнце над Самарой
На мирных небесах уж много лет;
Играет детвора, поют гитары,
Течёт, разлившись, Волга по земле.

И под землёй мигают светофоры
И поезда стремительно бегут:
Народ запомнил вклад, внести который
Смог архитектор Алексей Моргун.

Для сохранения местной в общей были
Совсем не зря потратил много сил
Работник, что защитникам дал крылья
И правду под землёй изобразил.

ДОРОГА ГЕРОЕВ

На Дороге героев от Севера к Югу навстречу
судьбе –

Курс по звёздам на Вечность, слепая разлука
и данный обет:

Там у моря уснула усталая Фея –
Воплощение Родины! Мчимся быстрее –
Заставляет лететь за собою
Божественный свет!

Боже, дай сил, чтоб я свою верность друзьям
до потомков донёс!

И навеки на сердце моём отпечаток
крылатых колёс,

Солнце снова с Востока уходит на Юг,
А Дорога героев замкнёт его круг –
И преграды для воли и для нашей
музыки нет!

Доберёмся мы через лес и степь до моря,
А на гребнях волн – ещё мощней туман!
Вглубь усталых глаз заглянуть смогу я скоро,
За бесстрашие мне этот путь был дан!
А пока в лесу на верхушках сосен светят,
Но не греют душу Эльмовы огни:
Были в старину соснам корабли как дети,
Но металл пришёл, чтоб дерево сменить!

Степь открыта ветрам, и со всех сторон света
столкнуться б им здесь –

Принесут дух победы, стихов и легенд, и
взболтается смесь,

Но моё направление останется прежним:
Для добра мы прилежны, для зла
мы мятежны,

Впереди ещё много ключей, и крестов, и колец!

Доберёмся мы через лес и степь до моря,
А на гребнях волн – ещё мощней туман!
Вглубь усталых глаз заглянуть смогу я скоро,
За бесстрашие мне этот путь был дан!
А пока в лесу на верхушках сосен светят,
Но не греют душу Эльмовы огни:
Были в старину соснам корабли как дети,
Но металл пришёл, чтоб дерево сменить!

ЭХО ТАВРИДЫ

Стихотворение «Эхо Тавриды» написано в память об одноимённой образовательной неделе академической музыки, прошедшей с 30 января по 6 февраля 2017 года в подмосковном доме отдыха «Снегири».

На крыльях «Снегирей» мелодии летают,
Собой наполнив подмосковные леса,
И мы живём по ним, отчётливо сверяя
Число в календаре и время на часах.

Как белый чистый лист, лёг снег
на Подмосковье,
Но мы поможем в душах вырастить сады:
Линейками дорожки проведём с любовью,
И нотами на них останутся следы...

О этот звучный путь, который открывают
Чудесные ключи для разной высоты!
В гармонии есть шанс узреть подобье рая –
Пока туда идём, сбываются мечты...

И думаешь в пути: ах, только б
не сфальшивить
И не свернуть на ложный с верного пути!
Здесь царствует наш лад, вступают переливы,
И мы поём не зря, ведь надо дать пройти

Душе людской по нотам новых композиций;
Нас цветом «Снегирей» приветствует заря –
Пусть книг и партитур откроются страницы,
Пусть чувства зазвучат –
мы знаем, что не зря

Соседствуют в душе для нашего успеха
Таврический песок и подмосковный снег,
Подтекстом партитур звучит Тавриды «Эхо»,
И будут «Снегири» являться нам во сне...

**БЕСПИЛОТНЫЙ РОССИЙСКИЙ
КОМБАЙН**

Описав наши земли и воды,
Песни новые будут слышны:
Запевай о полях и заводах,
Что наукою освещены!
Жизнь становится лучше и лучше –
Это видится ясно, без тайн!
Я узнал, что в работу был пущен
Беспилотный российский комбайн!

Наш российский комбайн беспилотный
Для различных культур подойдёт:
Славный сын Ростсельмаша в работе –
Погляди, как хорош обмолот!
Наш российский комбайн беспилотный –
Высший патриотический класс!
Наш российский комбайн беспилотный –
Как такое тебе, Илон Маск?

Хор комбайнов проходит по полю,
Как по нотным линейкам родным:
Видишь, как хорошо домололи
Славным ротором трёхлопастным!
Уберут, перемелют, нагрузят –
Значит, с голоду мы не умрём!
Ведь не хуже сейчас, чем в Союзе, –
Даже лучше! Об этом споём!

Наш российский комбайн беспилотный
Для различных культур подойдёт:
Славный сын Ростсельмаша в работе –
Погляди, как хорош обмолот!
Наш российский комбайн беспилотный –
Высший патриотический класс!
Наш российский комбайн беспилотный –
Как такое тебе, Илон Маск?

Памяти протоиерея
Виктора (Шальнева)

В СЕРДЦЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Будущий священнослужитель родился 17 октября 1954 года в селе Паревка Инжавинского района Тамбовской области. В этом благодатном месте находится удивительный источник, освящённый в честь преподобного Серафима Саровского (Ключевской родник). Особенностью источника является то, что он вытекает из холма на большой высоте, что необычно для источников. Паломники удивляются мощному потоку воды, что тоже очень большая редкость.

Здесь двенадцать струй чистейше-вкуснейшей воды сливаются в один мощный ручей, устремляющийся вниз с середины Ключевской горы. А внизу, под горой, находится глубокий колодец.

Кроме того, село Паревка знаменито тем, что является родиной архиерея, который прославлен в лике святых, – это известный святитель Афанасий (Сахаров), исповедник, епископ Ковровский. Большую часть своей архиерейской жизни, а она пришлась на 20–30-е годы прошлого века, провёл в ссылках, лагерях и тюрьмах.

Непростой путь пришлось пройти и Виктору Шальневу, детство и юношество которого пришлось на богоборческие времена. Несмотря на противодействие окружающих, дети семьи Шальневых регулярно посещали церковь. Радовались всем православным праздникам, особенно Пасхе. Запомнилось, что именно к этому празднику детям постоянно покупали новую обувь. А на Благовещение всегда рано вставали, чтобы видеть, как радуется солнышко, а оно действительно переливалось и ласково смотрело на детей. В Чистый четверг поднимались пораньше и умывались холодной водой, а затем мыли холодной водой ноги, что детворе казалось очень необычным.

Всё детство Виктора Шальнева проходило в Покровском храме села Ольховка, в этом храме его и крестил дивный батюшка Николай (Троицкий), прошедший семь лет лагерей. Вернувшись из лагеря с подорванным здоровьем, потерянным зрением и трясущейся головой, отец Николай напутствовал детей, исповедовал и благословлял. В это же время глава семейства

Иван Шальнев сам учился у отца Николая и первоначально принял сан дьякона, а через некоторое время был рукоположен в сан священника.

Священники принимают покорно место служения, и, когда Виктору было 13 лет, вся семья переехала в село Лядовка Моршанского района, где его папа, а к тому времени уже протоиерей Иоанн, стал настоятелем храма. В селе была восьмилетняя школа, и получать среднее образование Шальневу пришлось уже в Моршанске, вдали от дома. Мальчику не было ещё и 15 лет, когда он самостоятельно уехал от родителей, Виктор понял, что такое ответственность и что значит быть сыном священника среди атеистической пропаганды.

Молодёжь подвержена желаниям попробовать запретное, вино, сигареты, а Виктор знал, что не имеет права подвести папу-священника, и, чтобы при этом не быть среди друзей белой вороной, мальчик придумал себе алиби – усиленные занятия спортом. Кроме того, подросток с детства любил автомобили, и при этом проявились черты, присущие деревенским ребятам, – трудолюбие, смекалка и сила воли. Как и все деревенские, Виктор умел и лошадь запрячь, и трактором управлять, и машину ремонтировать, и сено косить. Так что зарекомендовал себя в автомобильном уже училище с наилучшей стороны, да и в армию пошёл прекрасно подготовленным физически, профессионально, имея специальность автомеханика и водительские права, за что и был востребован «покупателями» из различных частей.

Служба новобранцу Шальневу была не в тягость, но, будучи всегда на хорошем счету за исполнительность, солдат столкнулся с одной проблемой. К удивлению многих командиров, справный солдат не желал вступать в ВЛКСМ. И командиры постоянно спрашивали: «Ты не подведёшь?» Такой вопрос для Виктора был непонятен: как строчка «не член ВЛКСМ» могла повлиять на несение службы в армии и наводить ужас на замполитов? Не видя другого выхода, молодой солдат с долей сарказма рапортовал: «Конечно, не подведу».

Когда же Виктор приезжал домой – летом, на майские праздники или осенью, – то всегда

с большим удовольствием помогал своему папе в храме. С особым трепетом готовились к Пасхе, в Чистый четверг отмывали все сосуды с содой, ополаскивали раствором нашатыря, делалось это особенно торжественно и трепетно. А ночью совершали богослужение. Всё это впитывалось и ложилось на сердце молодого человека, так и создавался прочный фундамент будущего служения.

Отслужив в армии и имея хорошие технические знания, Виктор Шальнев устроился на работу инженером-конструктором, черчение было сильной стороной молодого специалиста. Наладил быт и внезапно в 30 лет круто (по советским меркам) перевернул свою жизнь.

17 января 1984 года Виктор Иванович явился к архиепископу Тамбовскому и Мичуринскому Михаилу (Чубу) и написал прошение стать послушником. Владыка Михаил был старой формации, аристократического склада, печатался во многих богословских изданиях, поэтому те полтора года, которые молодой послушник провёл с архиереем, стали временем духовного возрастания и учёбы. Кроме того, поручения, которые давал архиепископ, позволяли осуществлять переписку со всем миром, что в середине 80-х годов XX века было недоступно простому обывателю, но в то же время несло некую опасность, так как каждое послание было под особым надзором компетентных органов.

На плечи Шальнева легли заботы по содержанию гаража, обязанности келейника, старшего подъячего, эконома – словом, был незаменим во всех ипостасях. Сложилось так, что Виктор стал последним послушником у владыки Михаила и последним получил архиерейское благословение. У архиепископа Михаила было большое сердце, все об этом знали, смерть духовного наставника стала для послушника внезапной, он испытал растерянность и горе от утраты своего учителя.

При следующем архиерее Валентине (Мищуке) старательный послушник также исполнял широкий круг обязанностей, от келейника и эконома до водителя, при этом особенно частыми были поездки в Москву, по 2–3 раза в неделю. Но в преддверии празднования тысячелетия Крещения Руси, в 1987 году, епископ Валентин перешёл на Владимирскую кафедру,

и на Тамбовскую кафедру был направлен епископ Евгений (Ждан), на долю которого выпал один из самых сложных и интересных периодов российской истории – распад великой страны и формирование, определение места Православной церкви в новых реалиях жизни.

Православная церковь была обескровлена, в Тамбовской епархии было всего 37 храмов и 50 священников. В Тамбове действовал только один Покровский собор (бывшая солдатская церковь). И тогда, как и святой Лука, епископ Евгений стал просить власти о возвращении зданий храмов Православной церкви, активным участником этой работы стал Виктор Шальнев. Следует понимать, что в коммунистическом крае было большое противостояние с Церковью и непонимание со стороны органов власти необходимости данной передачи, и только благодаря мудрости владыки Евгения и сплочённости и авторитету его братии процесс сдвинулся с места. Сложный период жизни страны, который требует особого переосмысления, может быть, стал предпосылкой духовного возрождения России.

Именно в этот период Виктор Шальнев епископом Евгением был рукоположён в сан иерея. Несмотря на это, он продолжал выполнять все обязанности епархиального секрета-

ря, а основной заботой стали восстановление Казанского монастыря города Тамбова и организация, под личную ответственность, православного училища.

15 лет пребывания с владыкой Евгением стали самыми плодотворными годами деятельности о. Виктора. В это время массово передавались храмы, активно начиналось строительство новых, ощущался небывалый подъём православной веры русского народа.

Какое бы послушание ни поручалось протоиерею Виктору, он успешно выполнял его. За батюшкой на каждое новое место тянулись его прихожане, верные помощники своего пастыря, и результат всегда достигался – восстанавливались храмы, строились новые церкви, создавались общины и учебные заведения. Вокруг него всегда были люди с богатым духовным внутренним миром, нацеленные на созидание и укрепление православной веры.

С особым удовлетворением о. Виктор вспоминает, что, когда рухнул Советский Союз, страну наводнили проповедники всех мастей, со всего мира, которые думали, что Русь погибла, её надо спасать. К великому своему удивлению, приехав на Тамбовщину, они увидели строящиеся храмы, людей, которые хорошо знают слово Божие. И в изумлении задались вопросом:

– Как же вы веру сохранили?

– В сердце русского народа, – получили ответ.

– У вас же был сплошной атеизм! – удивлялись «спасители».

– Так атеисты тоже крестили детей, только тайно.

– Как это так? – совсем запутывались приезжие.

И получали ответ, который понимает любой православный:

– Вера насильно не прививается, но и не исторгается. Она в русской душе. Душа по своей природе христианка.

После многих лет плодотворной работы внезапная смерть владыки Евгения стала ещё одним испытанием для протоиерея Виктора, который все эти события пропускал через своё большое сердце.

Новый архиерей, прибывший из Иерусалима архиепископ Феодосий, направил о. Виктора на новое поприще, наставничество, поручив наладить работу в Котовском патриотическом центре «Спас», где была необходимость сбалансировать педагогический коллектив и наполнить классы обучающимися, так как воспитывалось всего 100 ребятишек. И эту работу батюшка выполнил прекрасно – наладил регулярные богослужения, духовное окормление, подобрал профессиональных педагогов и, создав четыре смены, довёл численность обучающихся до 600 чел.

До самой кончины отец Виктор являлся директором гимназии имени Святителя Питирима, наставником педагогов, учащихся и их родителей. Свои обязанности он исполнял ответственно и с радостью, много внимания уделял духовному возрастанию молодых людей. Протоиерей Виктор воспитал двоих сыновей-священников.

Последние годы отец Виктор был настоятелем Свято-Троицкого храма города Тамбова, куда к нему стекалось множество духовных чад за благословением и молитвенной поддержкой. Обладая духовным опытом, он располагал к себе людей, со всеми находил общий язык, имел неустанное попечение о душах пасомых. Его отличали житейская мудрость, пастырская забота, сердечная теплота, глубокая вера, душевная чистота, отзывчивость, духовная рассудительность, но вместе с тем и разумная требовательность.

– Гимназия стала особой заботой отца Виктора, развитию которой он отдавал много сил и времени, – сообщает Управление образования и науки Тамбовской области. – Благодаря ему здесь реализуются множество разносторонних образовательных программ, от спортивно-оздоровительных до духовно-нравственных.

Похороны отца Виктора прошли на территории кладбища при Петропавловском храме, где похоронены родители покойного, протоиерей Иоанн Шальнев и матушка Анастасия. Кончина отца Виктора стала для тамбовского духовенства и многих тамбовчан тяжёлой утратой. Вечная ему память!

Анатолий ТРУБА

Валерий РУМЯНЦЕВ

* * *

Играя в шахматы с судьбой,
Мы тратим безрассудно время.
И зря лукавим пред собой,
Что по плечу нам это время.
Жизнь тянет нас в круговорот,
И мы в нём крутимся годами.
У нас хронический цейтнот,
Хоть мы часов не наблюдаем.
Играя в шахматы с судьбой
И веруя в свободу воли,
Мы лишь питаем вечный бой,
Как гладиаторы в неволе.

* * *

Всё на своём пути сменяя,
По жизни простота святая
Идёт неспешно, словно танк,
Ва-банк.
Она идёт сквозь заблужденья,
Сквозь глупости нагроможденья,
Как по реке весною лёд,
Вперёд.
Она идёт, не зная броду,
За посулённой ей свободой.
И свято верит, что вот-вот
Дойдёт.
А те, кто ей пути наметил,
Легко живут на белом свете.
Ведь за святою простотой –
Застой.
Там не ломают себе ноги,
Бредя по жизни без дороги.
Там только указуют путь
Куда-нибудь.
В конце концов, не так и важно,
Куда ещё погнать сограждан,
Чтоб те не рушили святой
Застой.

* * *

Что ждёт нас в будущем – не так, пожалуй,
важно,
Как то, что было в прошлом, ведь оттуда,
Из действий, совершившихся однажды,
Ростки последствий пробиваться будут.

Они пробьются сквозь неразбериху
Страстей, рефлексов, мудрости и вздора
И на ухо тебе прошепчут тихо:
«Мы скоро».

И жизнь твоя сведётся к ожиданью
Того, что приближается незримо.
Но что несёт грядущее свиданье,
Для разума – увы – неуловимо.

* * *

Как ни гони печали вон,
Они пылинками осадут,
Нас обложив со всех сторон,
Как постовые на параде.

И обозначат наш маршрут,
Задуманный совсем не нами.
Куда же нас всю жизнь ведут,
Опутав звучными словами?

Как ни гони раздумья прочь,
Беспечность не удержишь долго.
Напора дум не превозмочь –
Летят как пули их осколки.

Под ливнем пуль идти вперёд,
Не ведая конечной цели, –
Нам предназначенный исход.
И мы прервать его не смеем.

* * *

Опять в костре трещат дрова.
Вновь искры звёздный табор множат.
Звучат негромкие слова,
Что многих громких слов дороже.

Костёр в ночи. Тепло и свет.
Священный дар от Прометея.
Уголья тлеют. Уголья тлеют
Бог знает сколько тысяч лет.

Шуршит листвою старый дуб.
В кустах шуршит трудяга ёжик.
На звук далёких медных труб
Гуденье пламени похоже.

За пируэтом пируэт,
Взлетает пламя и слабеет.
Уголья тлеют. Уголья тлеют,
Плетя загадочный сюжет.

А тьма сгущается вокруг,
Следя, как пламя в муках бьётся.
Ты знаешь, верный старый друг,
Как с нею тяжело бороться.

Опять приблизился рассвет,
И тьма вокруг прохладой веет.
Уголья тлеют. Уголья тлеют...
У тьмы сегодня шансов нет.

* * *

Водой из ванной утекает жизнь,
Кружась водоворотом грязной пены.
Ты в полудрёме на софе лежишь,
Не зная, что грядут большие перемены.
Но с каждым днём стремительней исход,
И сон спокойный то и дело рушит
Растущий на глазах водоворот,
Всё ближе подходящий к нашим душам.
Вселенная даёт понять: пора,
Земной эксперимент прошёл с успехом.
И то, что было тайною вчера,
Теперь для нас – лишь тающее эхо.

* * *

Уходили года в никуда.
Разве можно об этом жалеть?
Ведь года уходили туда,
Где до них обитала лишь смерть.

А они принесли с собой жизнь.
Осветили чертог пустоты.
Научили слагать витражи
Из осколков разбитой мечты.

И шепнули тихонько: «Теперь
Подержи этот мир, как Атлант.
И назад не захлопывай дверь –
Ты у нас запасной вариант».

* * *

Нас глупость по жизни с рожденья ведёт,
И мы в её игры играем.
Плывём мы по жизни, как тающий лёд,
Ни цели, ни смысла не знаем.

Порою решаем, что нужно умнеть –
Не так уж нам много осталось.
Но глупость привычно взметнёт свою плетъ,
Чтоб в небе душа не летала.

И вновь, как бараны, бредём мы туда,
Куда эта плетъ направляет.
Размеренно тают за нами года,
И только надежда не тает.

* * *

Песком сквозь пальцы просочилось время.
Да бог с ним – мало ли песка вокруг.
Потери собирать – бессмысленное бремя,
Но сколько сборщиков бредёт за кругом круг.

Мы тешим своё «я», слагая мифы,
Интуитивно мысли сторонясь,
Что наш победный путь – тропа Сизифа,
А мифы лишь на время скроют грязь.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

Мы строим планы, сердце убеждая,
Что мир не будет вечно к нам суров.
Что ждут в конце пути нас кущи рая,
Что к лучшему всё в лучшем из миров.

А время исчезает безразлично,
Проплыв сквозь нас и не заметив нас –
Самовлюблённых и косноязычных,
Блуждающих среди трескучих фраз.

ШТРИХ

Молнии сверкали над рекой,
В буйстве чувств природа заходилась.
И в итоге всё же разродилась
Краткою звенящею строкой.

Над толпой отдельных впечатлений
Промелькнул инсайт, как луч зари,
И погасли прозы фонари
В свете поэтических прозрений.

На картине мира новый штрих
Был добавлен к миллионам старых.
Кажется, один лишь штрих – как мало.
Только мир от радости притих.

В солнечной улыбке скрылись тучи.
Засверкала каплями трава.
И в душе сплетаются слова
В ожерелье трепетных созвучий.

* * *

Годы прячутся в тумане,
Дней солому вороша.
У костра воспоминаний
Согревается душа.
Не спеша плывут картины
Вдохновенных мастеров
Узелками паутины
Из реальности и снов.
Надоевшее ненастье
Гонят волны теплоты...
И берут тайм-аут страсти,
Скрывшись в уголках мечты.

* * *

Посидеть у костра,
Сбросив дел хоровод,
И понять, что устал
Вечно рваться вперёд...

Рядом ночь – царство сна.
Но не всё спит вокруг.
Сверху смотрит луна.
На костёр смотрит друг.

Друг молчит. Говорить
Надоело уже.
Помолчать – тоже жить,
Но негромко, в душе.

* * *

Каждому воздастся по заслугам –
Что же это, как не кровь за кровь?
Постоянно воздают друг другу
Люди за обиды и любовь.

Сея рожь, овёс не собирают:
Знают, что посеешь – то пожнёшь.
Птиц похожих жизнь сбивает в стаю.
Ложь способна породить лишь ложь.

Тот, кто судит, будет сам судимым.
Но, от мудрых мыслей далеки,
Давятся шакалы долей львиной,
Всем своим заслугам вопреки.

Может, и воздастся по заслугам,
Только вот не здесь и не теперь.
А пока наглеющие слуги
Выставят хозяина за дверь.

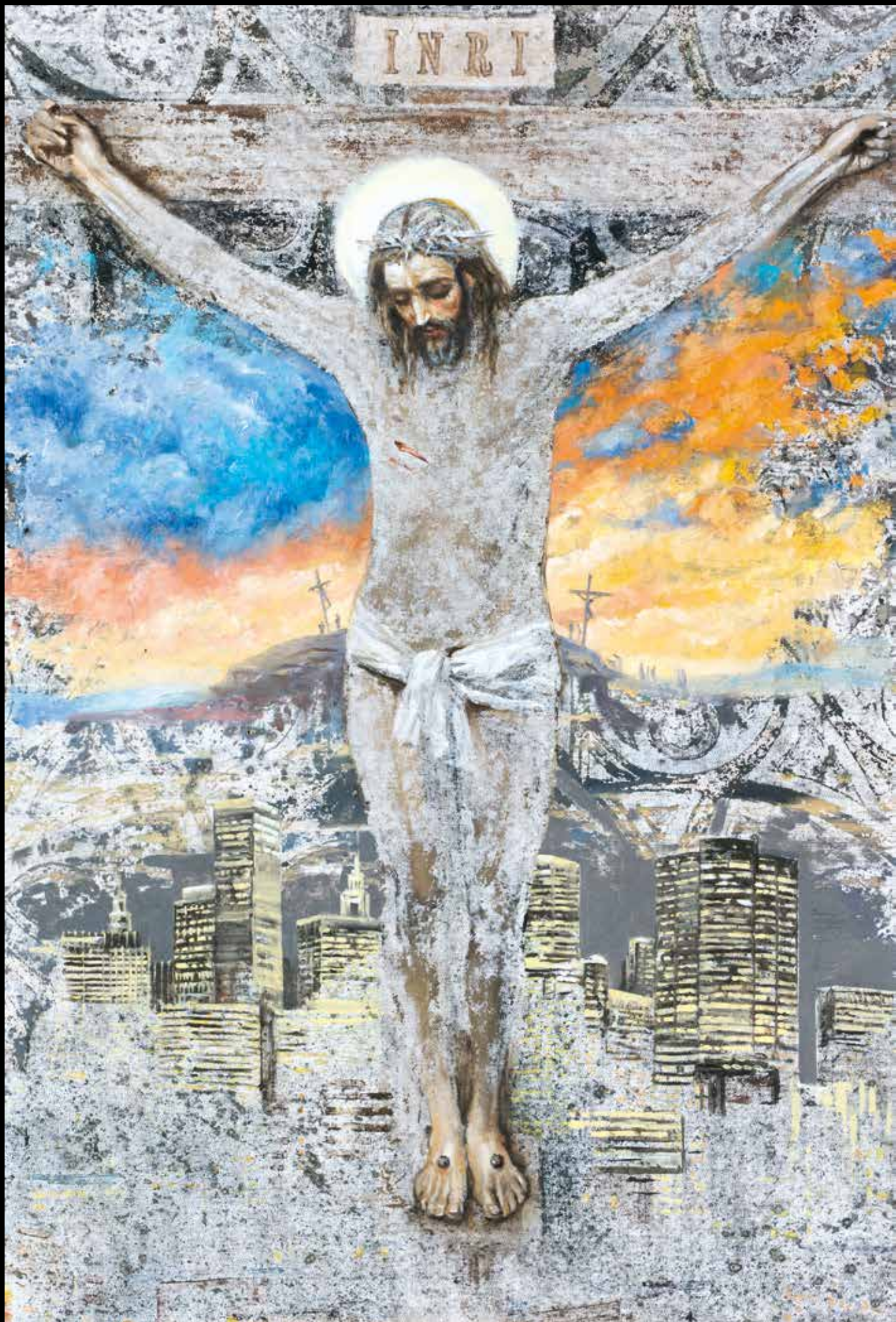
Каждому воздастся по заслугам...
Будем верить и смиренно ждать.
Жизнь в спираль сжимается упруго,
Чтоб однажды всё вокруг взорвать.

Никас Сафронов. За веру, за царя, за Отечество, 2011. Х., м. 31х51

Никас Сафронов. Во славу Отечества, 2009. Х., м. 52х66

Никас Сафронов. Реквием. 1990–2018 гг. Х., м. 89х57

«БЕДСТВУЮЩИХ ПОМОЩЬ И ОЗЛОБЛЕННЫХ ПОКРОВ...»

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

Образ Богородицы «Неупиваемая Чаша» в наши дни имеет поистине всероссийское почитание и известен во всём православном мире. А ведь ещё 30 лет назад о нём мало кто помнил. К сожалению, широкое почитание этой иконы вызвано не столько глубоким благочестием нашего народа, сколько суровой необходимостью. Сегодня человек подвержен греховным страстям как никогда, а к этой святыне принято обращаться с молитвой об исцелении от разного рода зависимостей – алкоголизма, наркомании, игромании, пристрастия к курению и т.п.

История иконы «Неупиваемая Чаша» берёт начало от никейской иконы «Бысть чрево Твое Святая Трапеза», которая прославилась в 304 году во время осады арабами города Никеи в Малой Азии. По преданию, один из воинов по имени Константин, отчаявшись в победе над врагом, увидел недалеко от себя икону Богоматери и в гневе и ожесточении бросил в неё камень, разбил её, а затем начал топтать ногами. Ночью святотатцу явилась во сне Богородица и сказала: «Великое поругание учинил ты Мне; знай, что это ты сделал себе на погибель». Наказание последовало

незамедлительно. На другой день во время сражения, когда неприятель устремился на приступ, Константину, взбежавшему вместе с другими на стену, камнем разбило голову и лицо, и он пал бездыханным. Об этом событии было рассказано отцам Первого Вселенского Собора (325 г.), и они установили петь перед этой иконой Богородицы песнопение: «Бысть чрево Твое святая трапеза...»

Явление в России чудотворного образа Божией Матери «Неупиваемая Чаша» произошло в 1878 году. Крестьянин Ефремовского уезда Тульской губернии отставной солдат Стефан, будучи одержим страстью пьянства, пропил всё своё имущество и совершенно обнищал; у него отнялись ноги, но он всё же не в силах был одолеть пагубный недуг. Однажды во сне ему явился дивный старец и приказал идти в Серпухов, в женский монастырь Владычицы Богородицы, к иконе «Неупиваемая Чаша». Но Стефан не решился отправиться в неблизкий путь – 100 километров – без денег, не владея ногами. Святой старец явился ему во второй, а потом и в третий раз, грозно приказывая исполнить повеление. И тогда солдат отправился в монастырь на четвереньках. Добравшись до Владычней обители, он рассказал о своих видениях и просил отслужить молебен перед указанной ему иконой. Но никто не знал такого образа. Наконец после долгих поисков в переходном коридоре, соединявшем Георгиевскую церковь с ризницей, обнаружили забытую икону. На доске в строгом византийском стиле была изображена Божия Матерь, а перед Ней – Отрок Иисус, стоящий в Чаше. На обратной стороне увидели надпись: «Неупиваемая Чаша». Икону тут же перенесли из коридора в соборный храм и отслужили молебен. Подойдя к раке прп. Варлаама, основателя монастыря, Стефан узнал в его лике являвшегося ему старца.

Домой крестьянин вернулся исцелённым не только от болезни ног, но и от пристрастия к вину. Весть о прославлении образа быстро разнеслась по России, и поклониться ему поспешили толпы одержимых недугом пьянства и их родных и близких.

В повести «Неупиваемая Чаша» замечательный русский бытописатель Иван Сергеевич Шмелёв так повествовал о чудотворной святы-

не: «...Тянутся по лесным дорогам к монастырю крестьянские подводы. И за сотни верст везут сюда измаявшиеся бабы своих близких – беснующихся, кричащих дикими голосами и порывающихся из-под веревок мужиков звериного образа. Помогает от пьяного недуга "Неупиваемая Чаша". Смотрят потерявшие человеческий образ на неопикуемый лик обезумевшими глазами, не понимая, что и кто Эта, светло вззирающая с золотой чашей, радостная и влекущая за Собой, и затихают. А когда несут Ее тихие девушки в белых платочках, следуя за "престольной", и поют радостными голосами, – падают под Нее на грязную землю тысячи изболевшихся душою, ищущих радостного утешения. Невидящие воспаленные глаза взирают на светлый лик и иступленно кричат подсказанное, просимое: "Зарекаюсь!" ... Приходят невесты и вешают розовые ленты – залог счастья. Молодые бабы приносят первенцев, и на них радостно взирает "Неупиваемая". Что к Ней влечет – не скажет никто: не нашли еще слова сказать внутреннее свое. Чую только, что радостное нисходит в душу».

Чудотворная икона находилась в монастыре до 1919 года, а после закрытия была перенесена в кафедральный собор Николы Белого в Серпухове.

В 1928–1930 годах Серпуховскую кафедру возглавлял епископ Мануил (Лемешевский). В воспоминаниях о нём написано, что он восстановил почитание святыни Владычней обители, иконы Богородицы «Неупиваемая Чаша», которое к тому времени постепенно приходило в забвение. Также по просьбе верующих с благословения епископа Серпуховского Мануила было написано восемь копий с чудотворной иконы.

В 1929 году кафедральный Никольский собор был закрыт, все его святыни сожжены на берегу реки Нары. Иконы с изображением образа Божией Матери «Неупиваемая Чаша» бесследно исчезли, служение молебнов прекратилось. Доподлинно неизвестно, погиб ли в огне и первообраз, но никаких сведений о нём до сих пор нет.

Возобновилось почитание иконы «Неупиваемая Чаша» в 1987 году.

До революции Серпуховское Александро-Невское братство трезвости каждый воскресный день по окончании литургии совершало перед

чудотворной иконой молебен с акафистом, за которым поминались имена тех, кто страдает пристрастием к винопитию и нуждается в благодатной помощи Пресвятой Владычицы. В конце 1980-х годов настоятель Ильинского храма и благочинный Серпуховского округа архимандрит Иосиф (Балабанов) возобновил Александро-Невское братство трезвости, и этот обычай был возрожден. В 1990 году архимандрит Иосиф выступил инициатором открытия Серпуховского Высоцкого мужского монастыря. В апреле 1991 года древняя обитель на Высоком, основанная преподобным Сергием Радонежским в 1374 году, вновь начала действовать. Став настоятелем, архимандрит Иосиф перенёс молебное служение «Неупиваемой Чаше» в Высоцкий монастырь.

Через год в Покровском храме монастыря появился написанный иконописцем Александром Соколовым образ, который сейчас известен всему православному миру. Икону украсили серебряной басменной ризой, а позже в левый нижний угол был вставлен ковчежец с частью пояса Пресвятой Богородицы. В мае 1993 года этот образ был освящён в Высоцком монастыре, к нему началось паломничество, появились многочисленные свидетельства о чудесах.

Ныне поклониться иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша» едут толпы паломников со всех уголков России и из других стран. Замечено, что эта святыня не только исцеляет от пагубных пристрастий, но и помогает изменить образ жизни человека, приводит его к покаянию, обращает к благочестивой жизни. Временами икона мироточит. В храме ведутся специальные книги, в которые записываются чудеса, совершившиеся по молитвам перед «Неупиваемой Чашей».

В Серпухове почитается также икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша», которая находится во Введенском Владычнем женском монастыре. Она была написана со старой фотографии в 1995 году, когда началось возрождение этой обители. Новый образ «Неупиваемой Чаши» ещё не начали писать, а уже совершилось чудо. Прихожанка монастыря, сын которой страдал пьянством, усердно молилась Богородице. К молитвам она приложила пожертвование: принесла в храм старинный оклад от неизвестной иконы,

сохранившийся у неё с давних времён. Когда готовую «Неупиваемую Чашу» принесли в церковь, присутствующие были крайне удивлены: пожертвованный оклад идеально подошёл к новому образу. Сын прихожанки был избавлен от недуга пьянства. Во Владычнин монастырь вновь потянулись паломники со всей России.

Сейчас по всей стране имеется около 60 храмов с чтимыми иконами «Неупиваемая Чаша». Этот образ покровительствует возрождающимся Обществам трезвости, присутствует в молебных комнатах наркологических клиник и православных реабилитационных центров. С иконой устраиваются крестные ходы, маршрут одного из них, в Архангельской епархии в 2016 году, составил 92 километра.

По иконографии образ «Неупиваемая Чаша» относится к одному из древнейших типов изображения Божией Матери – «Оранта» (лат. «Молящаяся»): Богородица изображена с поднятыми руками (в русской иконописи этот тип получил название «Знамение»), только Богомладенец написан стоящим в чаше. Чаша с благословляющим Младенцем Христом – это чаша Причащения, источающая с верою приступающим к ней неупиваемую – неиспиваемую, бесконечную – благодать. Мать Божия с воздетыми вверх руками, как первосвященник, возносит Богу эту Жертву – Сына Своего, призывая грешников отказаться от губительных пристрастий и приникнуть к неистощимому источнику духовной радости и утешения.

В XIX веке празднование в честь иконы «Неупиваемая Чаша» совершалось 27 ноября (по старому стилю). В конце XX века, после восстановления почитания иконы, её празднование было приурочено ко дню преставления преподобного Варлаама Серпуховского – 5 мая (ст. ст.), так как явление чудотворного образа произошло через предстательство этого святого. В 1997 году по благословению патриарха Алексия II икона «Неупиваемая Чаша» была впервые внесена в православный церковный календарь, установлено совершать празднование ей 18 (5) мая. В Высоцком мужском монастыре отмечается и прежняя дата – 10 декабря (27 ноября).

Татьяна НИКИТИНА

РОВЕСНИК ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Заканчивался первый год Великой Победы. 25 декабря 1945 победоносного года в семье дважды раненного старшего лейтенанта Семёна Аршанского родился сын. И нарекли его именем Валерий, что означает *здоровый, бодрый*. Это позже великий русский советский поэт Михаил Исаковский в своей «Колыбельной» песне передаст голос материнской души, благословляющей своего сыночка на большую жизненную дорогу:

*Спи, мой малыш,
Вырастай на просторе –
Быстро промчатся года.
Смелым орлёнком на ясные зори
Ты улетишь из гнезда.*

Орлёнок подрастал, расправил крылья и отправился по городам и весям родной стра-

ны и в заокеанские дали познавать человека и мир, никогда не забывая о просьбе матери «обязательно написать о войне». Оттачивал своё писательское перо, будучи солдатом, Валерий Аршанский в армейской газете. Юноша тогда и представить себе не мог, что станет публицистом, прозаиком, заслуженным работником культуры РФ, членом союзов журналистов и писателей России, почётным гражданином Тамбовской области.

Писателя никогда не оставляла мысль о войне.

В рассказе «Мой брат – конференсье» автор поведал о пережитом во время эвакуации его матерью, братом и сестрой.

– Сынуля, напиши книгу, как мы добирались на Урал в эвакуацию. Почему никто об этом не пишет? – Качая седенькой головой, с

мягкой укоризной смотрела на меня зеленоглазая мама. – Боже, Боже, сколько всего насмотрелись – и сколько дикого, но и человеческого, мужественного...

Но сын сомневался в своих возможностях, праве писать о войне. Сам же на войне не был, ещё не родился в те огненные годы. Однако судьба отца, искалеченного войной, и судьба много-страдальной матери с двумя детьми всё-таки убедили в необходимости писать о войне.

Таланта не занимать Аршанскому. Художественное воображение богато. Язык ароматен. Буквально фонтанирует то народной речевой певучестью, то иронией, сарказмом, то переходит в проникновенный лиризм авторского голоса. Вся подобная эстетическая палитра произведений писателя убедительно воссоздаёт военную эпоху и человека на войне. Этим и привлекателен рассказ писателя о судьбе родных. Дорога эвакуированных на Урал была долгой, трудной, изнурительной. Ехали в товарном вагоне, «пропахшем куревом, мочой, заскорузлыми бинтами и потными солдатскими обмотками, калом и кровью, заставленном впритык санитарными нарами...» («Мой брат – конференсье»).

Среди подобных удобств предстаёт «в стоптанных сандаликах... маленький, шупленький, зато чисто вымытый и причёсанный на пробор» шестилетний брат писателя. Таким естественным выписано поведение ребёнка в нечеловеческих условиях. Дети есть дети, они живут в своём детском мире. Ребёнка радует поездка в вагоне, окружение людей, и он радостно, залихватски исполняет ритмичную неприхотливую, но мудрую песенку, известную каждому солдату:

*Эх, махорочка-махорка,
Подружились мы с тобой!
Вдаль дозоры смотрят зорко,
Мы готовы в бой,
Мы готовы в бой...*

Чьё сердце умиленно не содрогнётся, когда слушают этого маленького шестилетнего певца? Эта песенка была первой весточкой, пред-

начертавшей мальчику роль конференсье в его будущем. Писатель щадит душу читателя, умеет разрядить тягостную обстановку одной выразительной деталью, такой как эта непоседливость маленького ребёнка.

Дети, юношество военных лет особенно волнуют писателя. Имя главного героя, молодого парнишки, направленного на фронт, автор выносит в название рассказа «Симка Стреляный». Это народ дал ему такое прозвище, на деле он – Серафим Детков. Симка никогда не держал оружия в руках, психологически не готов был убивать, струсил и спрятался, ему предстоит выдержать три смертельных приговора. Дважды перед так называемыми своими и перед фашистом. Мальчишка выдержал испытание на звание волевого человека высокой чести и достоинства. Композиционно противопоставлены честь и достоинство юноши и карьеризм человека с положением, лейтенанта Груздева, спасающего бегством свою шкуру, когда рядовой солдат Симка не дрогнул перед фашистом, повинаясь своему долгу и человеческой совести.

Любопытна неожиданно возникающая в сознании читателя ассоциация образа рядового сельского мальчишки с мыслью, заложенной автором в названии другого рассказа, не имеющего отношения к войне, – «Нагой разбоя не боится». Эта заглавная эмоционально-оценочная мысль писателя будто бы непосредственно определяет лицо Симки Стреляного. Действительно «нагого», не имеющего ни званий, ни чинов, но мужественного честного человека, такие ничего не боятся, в критический момент в них проявляется самое ценное, самое значительное в человеке. В рассказе «Нагой разбоя не боится» особую идейно-эстетическую функцию выполняет образ Нины, которая, не заботясь о своей жизни, спасает жизнь козочки во время грозовой стихии. Все попытки председателя сельсовета отговорить Нину, ибо огненная лавина может переброситься через реку на селение, а людей надо срочно эвакуировать, тщетны: Нина мужественно решается на свой шаг.

Писателю дороги люди из народа, «нагие», мужественные, бескорыстные, волевые, как Симка Стреляный или баба Нина. Такие

люди защитили Родину, спасли мир от фашизма. На фронте им всё было домом родным: и землянка, и траншея, и заброшенный домишко или сарай, и даже заснеженное поле с трескучим морозом и обжигающим зимним ветром. Всю эту безытность, обездоленность, смешанную с выносливостью и терпением советского солдата, зримо воссоздал писатель в рассказе «Солдаты на фронте». На фронте, говорит автор, не то что в армии, здесь нет коек с белыми простынями, одеялом, подушками. Опорой для солдата является винтовка в случае привала. Вместо белых простыней – белое заснеженное, да ещё и заминированное поле. Хорошо, если, пройдя сотню километров, вдруг встретится заброшенный сарай, где можно, прижавшись друг к другу, улучшить какие-то минуточки вздремнуть. А минное поле, как алчная Горгона, поджидает сапёра. Тут, как говорится, держи ухо востро, не промахнись – не расслабься. Вот она, правда писателя Аршанского о войне. В своё время великий поэт-фронтовик Александр Твардовский заявил о себе:

*О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.*

Аршанский своей творческой позицией родствен собрату по перу. Установка писателя, как и поэта, – говорить только правду, «как бы ни была горька» (А. Твардовский). Писатель ориентируется на собственную совесть, человеческую порядочность, веру в людей и людям. Сама композиция его произведений строится на параллелизме двух временных планов: прошлого (военного) и настоящего (послевоенного). Это позволяет Аршанскому выверить истинную сущность своих героев, обнажить изнанку человеческой души. Так, в уже упомянутом рассказе «Симка Стреляный» писатель не даёт развёрнутой картины жизни своего героя. Рассказав о мужественном солдате, его чести, совести и достоинстве в годы войны, писатель только в конце рассказа сообщает не о том же Симке Стреляном, а о теперь уже взрослом Серафиме Степановиче Деткове, человеке творческих планов, имеющем награду – орден Красного Знамени.

В село Козельцы, где проживает Детков, приезжает корреспондент, который присутство-

вал на вручении награды в районном центре ещё год назад. Он заметил одну важную деталь: отсутствие наградной планки на прежней одежде героя. Стыд за трусость, проявленный в юности, не давал солдату покоя всю жизнь, что и заставило его снять с себя незаслуженную, как он думает, награду. Серафим Степанович, пройдя через войну, через испытания смертью, не растерял своих человеческих качеств: скромности, неприязнительности, бескорыстия, без которых не может никто называть себя человеком. Писатель немногословно говорит о своём герое, но подмечает в нём каждую деталь. Не только внутреннюю, но и внешнюю, тем не менее о многом свидетельствующую в этом человеке. Автор обращает внимание не только на отсутствие наградной планки, но и на одежду заслуженного участника войны. Корреспондент, замечает писатель, встретил Серафима Степановича в той же одежде, что и год назад. Одно определение «прежней» говорит читателю о многом: о той же скромности, нетребовательности к жизни. Серафим Степанович живёт другими потребностями – у него духовные, творческие интересы. Его изделия из дерева напоминают о вечном противостоянии света и тьмы, чистого начала и сатанинского, сбивающего человека с истинного пути.

В прозе Валерия Аршанского находим целый ряд героев с истинно человеческой душой, настоящих тружеников, думающих о людях и готовых прийти на помощь. Каждый из них со своей судьбой, своим характером. В рассказе «Нечётный путь» главной героиней является простая женщина – баба Дуся, другие именуют её тётей Дусей, она же Евдокия Ивановна – носительница русского весёлого неунывающего духа. Своим женским твёрдым и в то же время солнечным характером вызывает уважение к себе и поднимает настроение окружающим. Каким теплом и заботой она согрела девочку Анечку! Мудро подмечает и отмечает её достоинства, хотя всего лишь проводница. Но какая тонкая, чуткая, внимательная душа у этой женщины!

Писателя интересует человеческий характер не только сам по себе. Проникая в глубины человеческой психологии, автор пытается найти

пути к постижению вечных сложных философских вопросов. У художника Ге есть выразительное полотно «Что есть истина?». У Аршанского на этот счёт есть своё понимание. Автор предлагает свою версию о спасении человека и всего земного на беззащитной планете Земля.

В рассказе «Нагой разбоя не боится» есть сцена, имеющая выразительный символический смысл. Люди в ожидании силы, которая защитит их от бедствия. Характерен образ отца Серафима, от которого народ ждёт полезного слова. Мучительные душевные терзания испытывал отец Серафим, глядя в напряжённые в ожидании ответа от него глаза толпы. Ему советуют белого голубя бросить в пламя, однако священник считает это бессмысленным предрассудком: погибнет живая душа безрезультатно. Он же, отец Серафим, был единственной надеждой на их спасение. Но у него не было ни слов успокоительных, ни доводов спасительных. Вся его надежда – глубокая вера в милосердие Божие. Он стоял отрешённый от всех и всего, смотря в небо, крепко сжимая в руках крест, в душе моля Бога. Оттуда, с высоты небесной, ждал отец Серафим спасения и благодати.

Однако автору недостаточно лишь упования только на волю Божию. Писатель требователен прежде всего к самому человеку, поэтому так важна ситуация спасения Ниной своей козочки – сцена спасения жизни. Частный случай обретает всеобщий смысл.

Не заметить двух художественных деталей: отца Серафима, смотрящего в небо, с зажатым в руках крестом, и встречи Нины с козочкой – значит не разгадать авторский замысел, авторское решение проблемы. Эти две детали – ключ к тайне спасения человека. Авторская разгадка этой тайны: благодать сойдёт на землю только при глубокой вере в Бога (отец Серафим) и действенной любви к жизни и всему живому (Нина).

Какая великолепная гармония темы Великой Победы, одержанной советским народом («Симка Стреляный», «Солдаты на фронте», «Мой брат – конферансье...»), и авторской темы осуществления человеческой мечты об истине и благодати земной («Нагой разбоя не боится», «Нечётный путь»...)!

При внимательном чтении произведений Валерия Аршанского нетрудно убедиться в том, что идея о спасении человечества, как она понимается писателем, является сквозной во всём творчестве.

Ещё в начале XX века Александр Блок всю свою жизнь искал пути к истине, спасению, признаваясь: «Мой путь в основе своей прямой как стрела». Свою знаменитую поэму «Двенадцать» А. Блок завершает образом Иисуса Христа, прообразом которого является библейский Христос. Блоковский Иисус Христос идёт впереди всех, как бы призывая всех блудных детей мира следовать за ним от неведения к прозрению. В поэме есть два говорящих образа. Это образ старушки, переживающей за судьбу людей, ведь «каждый раздет и разут», и образ Петрухи, единственно жалеющего о своём жестоком убийстве Катьки. Два данных образа в сочетании с образом Христа выражают авторскую мысль о спасении человеческом, о благодати в мире земном: сохранить человеческое в человеке с верой в Бога – единственный путь к спасению.

Всё это вечное, болевое роднит творчество Валерия Семёновича Аршанского с исканиями великой русской классики. Сама олицетворённая природа как бы слышит взволнованный голос писателя о людях, мире и войне, добре и зле в завершающей повесть «Мифы древнего Эйлата» размышлении автора о том, «...какое нужно молоко матери, какое слово отца, чтобы с крохотной поры деторождения и до серебра седин не застило людям горизонт и сознание ни вражда, ни война, ни ярость, ни подлость, ни ревность, ни ненависть – никакая колдовская сила мракобесия? Молчат цветы анемоны. Молчат анютины глазки. Нет пока у них ответа на эти вопросы о войне и мире...»

Писатель далёк от категоричности выводов. На все сложнейшие вопросы войны и мира, добра и зла, правды и неправды, путей к постижению истины, достижению благодати он только предлагает свои версии, приглашая читателей к раздумью о земном и небесном...

Валентина МАТУШКИНА,
кандидат филологических наук

ГЕРОЕМ ЕГО НАЗЫВАЛИ ВРАГИ

Каким удивительным образом пересекаются судьбы людей, ранее не знавших друг друга. Анна Васильевна Здобнякова, уроженка наших мест, ещё в 1967 году по приглашению немецких друзей побывала в Германии. Оказавшись в гостях у матери немецкой подруги Урсулы в местечке Бисдорф, недалеко от города Йены, она обратила внимание на большой семейный альбом. Он был довольно-таки потёртым и казался очень старым.

– Это наша семейная реликвия, – объяснила фрау Хелена. И добавила, что это единственное ценное, что ей удалось вывезти зимой 1945 года, кроме детей, из Восточной Пруссии через замёрзшую гавань. Они присоединились к кораблю, уходящему на Запад. – Нам очень повезло, – продолжила она рассказ, – через пару дней, 30 января 1945 года, на этом же месте был потоплен немецкий корабль «Вильгельм Густлов», тоже с военными и беженцами. И потопил его русский подводник Александр Маринеско.

Это имя оказалось для Анны Васильевны настолько знакомым, что она не знала в первые минуты, что и ответить. То ли рассказать, что она в детстве, в 1945 году, услышала о нём по радио в сводках новостей, сообщавших о героическом экипаже, потопившем самый мощный немецкий транспорт, гордость всего флота, да к тому же любимый корабль Гитлера. Или поведать о том, как после войны, в 1950 году, на побывку приехал в Нижнюю Салду моряк Балтийского флота, её троюродный брат Валерий Распопов и с гордостью рассказывал о своей службе на подводной лодке, где командиром был бывший штурман Маринеско Николай Редкобородов, для которого имя Александра Ивановича было овеяно легендарной славой. Его портрет постоянно висел в кают-компании. А на учениях только и разбирали операции первоклассного подводника. Выручила сама фрау Хелена. Словно уловив тогдашнее смущение гости, сказала, что в начале 50-х годов она встретила в Берлине старого знакомого,

военного, чудом спасшегося на том корабле. У него погибли тогда жена и дочь.

– И он спросил у меня: «А на кого жаловаться?» И сам ответил: «Жалоба может быть только на германский рейх, на его руководителей. Вина заложена "в природе вещей", которая в данном случае зовётся войной. А на войне стреляют. Я был солдатом, значит, следует жаловаться не на тех, против кого нас послали, а на тех, кто послал нас на войну».

Удивительно, что эта оценка военного, попавшего в ужасную трагедию, не расходится с мнением западных высокопоставленных особ. В Германии не был объявлен траур, хотя из десяти тысяч находившихся на лайнере спаслось меньше тысячи. Более того, западные исследователи – английские, западногерманские, шведские, – десятилетиями изучая историю подводной лодки СК-13, где капитаном был А. Маринеско и экипаж которой по тоннажу потопил за войну восьмую часть того, что остальные подводники Балтики, задались вопросом:

«СЛЕДУЕТ ЖАЛОВАТЬСЯ НЕ НА ТЕХ, ПРОТИВ КОГО НАС ПОСЛАЛИ, А НА ТЕХ, КТО ПОСЛАЛ НАС НА ВОЙНУ»

«Почему Маринеско не герой?» Натолкнула на это размышление и телеграмма Черчилля Сталину после потопления лайнера 30 января 1945 года, в которой он благодарил за то, что русский флот этой операцией отомстил за потопление немцами 87 английских судов, шедших с гуманитарной помощью и военной техникой в Мурманск и Архангельск, и 21 подводной лодки в сопровождении конвоев. (Кстати, Дмитрий Медведев наградил в посольстве Англии конвойных, оставшихся в живых, медалями к 65-летию Победы.) Но ответа не последовало. В нашей стране об этом никто не говорил.

Правда, комдив Александр Евстафьевич Орёл (впоследствии адмирал, командующий Балтийским флотом) представил капитана к «Золотой Звезде». Но он её тогда не получил. Западные исследователи сделали свой вывод: «По-видимому, советское командование не поверило в фантастические победные результаты. Может быть, их смутили голоса, раздавшиеся позже из Германии, что Маринеско не герой, а варвар, потопивший мирное, не охраняемое судно». Возможно, эта легенда так и осталась бы бытовать, если бы в 2002 году в журнале «Иностранная литература» не появился роман-эссе

лауреата Нобелевской премии Гюнтера Грасса «Траектория краба», в основе которого лежала история потопления легендарными подводниками транспорта «Вильгельм Густлов». А на западе, по воспоминаниям Анны Васильевны, он вышел в 80-е годы. Тогда она вновь гостила у своих друзей, и самой популярной темой разговоров был этот роман, ставший бестселлером. Казалось, что гибель «Густлова» стала для всех вечной темой. И на Западе вновь пробудился интерес к этим событиям, фигуре Маринеско. Она вспоминает также, как дядя Хелены, Хельмут, спросил у неё: «Почему он у вас не герой? У нас был самый мощный флот, но не было ни одного такого подводника, иначе бы на море мы войну не проиграли».

– Что я могла ему ответить? – говорит Анна Васильевна. – Разве только словами Тютчева – «умом Россию не понять» и так далее. У меня тогда других аргументов не было.

И действительно, в нашей стране они появились только через год после публикации романа, в 2003 году, когда газета «Известия» дала материалы, связанные с подводной лодкой СК-13, основываясь на событиях и фактах, изложенных Гюнтером Грассом, который не побоялся сообщить ряд нелицеприятных подробностей. «Было 18 градусов мороза при ледяном ветре. Беженцы, сгрудившиеся на верхней палубе – на высоте десятиэтажного дома, замёрзли насмерть и продолжали стоять, как ледяные столбы... Стариков и детей затаптывали насмерть на широких лестницах и узких трапах. Каждый думал только о себе... Да, погибли преимущественно женщины и дети: в неприлично очевидном большинстве спаслись мужчины, в том числе четыре капитана». Но, несмотря на это, отмечает писатель, на борту лайнера, кроме беженцев, находилось более тысячи моряков-подводников (по другим данным – 3 700), женский батальон ВМФ, войсковое соединение 88-го зенитного полка, хорватские добровольцы. Это был вооружённый лайнер, подчинённый ВМФ, который шёл без опознавательных знаков, с сопровождением. Как признал потом весь мир, в том числе и немцы, «это была законная цель для атаки». Имя Маринеско

было восстановлено в глазах общественности, и в 1990 году, в юбилей Победы, он уже посмертно был награждён «Золотой Звездой».

В этом помогли и многочисленные читатели, откликнувшиеся на статью в «Известиях». Среди них была и Анна Васильевна, написавшая немало отзывов по следам публикаций. Для неё главным аргументом в пользу Маринеско были воспоминания Валерия Распопова, который в 1951 году, демобилизовавшись из армии, много рассказывал об отважном капитане. По словам Распопова, тот никогда, ни при каких обстоятельствах ничего и никого не боялся, действовал согласно собственной логике. Например, атаковал со стороны немецкого берега, с мелководья, а уходил от погони к месту потопления. На Балтике воевало 13 подводных лодок – «эсок», а уцелела всего одна, его 13-я, с «несчастливым» числом. Но вот она-то и навела ужас на прославленный немецкий флот. Послевоенные моряки, в том числе и Валерий, чистившие Балтику от густо расставленных немцами мин, не только хорошо знали историю этой подлодки, бесстрашие и мужество её командира, но и следовали его примеру в своей работе, требовавшей находиться в самых опасных местах. Сам Валерий и в мирной жизни остался таким же. Не прошло и двух лет на гражданке, как он погиб, спасая тонувших людей на Нижне-Салдинском пруду.

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

БРАТЯ КАЛИНИНЫ НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Знаковая для нашей страны фамилия Калинины у старшего поколения ассоциируется прежде всего со всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининым, который родился в Тверской губернии... И мои земляки, о которых пойдёт здесь речь, тоже родом с земли тверской, из Калязинского уезда (ныне – Талдомский район Московской области, деревня Дубровки). 37 фамилий погибших односельчан застыли на обелиске, среди них трое Калининых из д. Дубровки, д. 21, и другие... Оставшийся в живых Валентин Иванович Калинин после трудового фронта награждён медалью «За оборону Москвы», а затем в 1942-м попал под Сталинград, был тяжело ранен и демобилизован. Два его брата, призванные ТРВК в 1941-м, пропали без вести, оба в 1942-м... Средний, красноармеец Николай Иванович, родившийся в апреле 1921 года, призван ТРВК в апреле 1941-го. Последняя весточка пришла из г. Красноармейска 23 июня 1941 года. Разыскивал его после войны отец, Иван Алексеевич Калинин... А старший, 1914 года рождения, красноармеец Алексей Иванович, призван 17 июня 1941 года. Письменная связь прекратилась 25 августа 1942-го. Номер полевой почты был 1785, 5-е отделение, в/ч 701. Его после войны разыскивала жена Ольга Владимировна, которая жила в г. Люберцы. Пропал он, предположительно, в сентябре. Может, поэтому младший брат вместе с односельчанами и построил обелиск всем павшим дубровчанам в родной деревне ещё в далёком 1969 году... Надпись на стеле, под красной звездой, гласит: «В память воинам-односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Необычна была судьба двоюродного брата Калининых, Михаила Александровича Калини-

на. Собственно, его фотография и дала толчок моему повествованию. На фото во весь рост стоит молодой красивый лейтенант в военной форме, а под шапкой со звёздочкой видна забинтованная голова. На обороте надпись: «На долгую память любимой Пани от Миши Калинина. Паня, может быть, впереди // будет ночь без зари // И не вспомним мы больше друг друга. // Ты на фото взгляни // И меня вспомяни // Как хорошего близкого друга. Фото из Польши 45 год». Фото это и сберегла Паня Суслова, так и не выйдя замуж...

По данным сайта «Подвиг народа» удалось примерно установить сведения о Михаиле из двух наградных листов... Родился в 1924-м, призван ТРВК 23.10.1942. В первом наградном листе он младший лейтенант, командир стрелкового взвода 543-го стрелкового Нарвского полка 120-й стрелковой Гатчинской Краснознамённой дивизии, член ВЛКСМ с 1942 года. Лёгкое ранение 30 августа 1943 года. Приказ о награждении медалью «За отвагу» подразделения № 44 от 2.10.1944, изданный 120-й сд Ленинградского фронта, гласит: «Описание подвига. В боях по освобождению Советской Эстонии с 19 по 24.9.1944 Калинин показал себя боевым, смелым командиром. При прорыве укреплений позиции противника захва-

тил вражескую траншею и тем самым продвинулся вперёд. Всё время находился в боевых порядках взвода. Его взводом освобождены два населённых пункта, причём были захвачены трофеи 2 ручных и 1 станковый пулемёт...»

Во втором представлении – к награждению орденом Красной Звезды – говорится, что он в составе роты 24 января 1945 года принимал участие в наступлении на противника в районе реки Одер, что 1000 метров восточнее г. Опель, и был тяжело ранен в череп... По воспоминаниям, придя с фронта после 26 сентября 1945 года, работал фрезеровщиком в артели «Талдомский обувщик». А вскоре после войны умер, примерно после 5 марта 1947 года... Но жива память о нём благодарных дубровчан и потомков, поэтому его имя тоже занесли на обелиск спустя почти четверть века после

Победы... Похоже, что Михаил Александрович не успел получить свои награды: медаль «За отвагу» вследствие ранения, а орден Красной Звезды – т. к. вскоре умер... Надеемся, что его родственники получат эти награды и будут и дальше хранить память о своих героических предках, которые участвовали в сражениях и Первой, и Второй мировых войн...

Ещё один Калинин, Алексей Александрович, 1912 года рождения, из д. Дубровка (возможно, брат), был награждён уже в наше время, 5 ноября 1985 года, орденом Отечественной войны I степени...

Татьяна ХЛЕБЯНКИНА

(Продолжение и дополнения следуют...)

ПОДВОДНИКИ

ЗАБЫТЫЕ РУКОПИСИ

Сам я подводник по профессии, а как говорят, это профессия смелых, даже сам первый космонавт Земли Юрий Гагарин, побывав на подводной лодке, оценил их мужество не в пользу космонавтов. Как утверждают многие известные и неизвестные подводники, подводник – это не служба и не профессия, это судьба и религия!

Я давно пишу о подводных лодках, и у меня много набросков и публикаций на эту тему. Конечно, мне трудно в писательском мастерстве сравниться с К. Г. Паустовским, но прочтя ещё раз его короткий рассказ «Забятая рукопись» и исходя из своего опыта и опыта своих товарищей, попытался обрисовать жизнь подводников. На шедевр не претендую, может, что и получится. В отличие от космонавта (который был рад своему одиночеству), о котором пишет Паустовский, подводники рады, что в прочном корпусе лодки они не одни. Команда – одна семья, да и на берегу их ждут близкие. Людей пугает одиночество, но главное – это вера в себя и экипаж. Мой рассказ будет состоять из нескольких малых рассказов, но они связаны одной темой о подводниках...

БОГ ЕСТЬ

Раньше я как-то не задумывался об этом, веря только в судьбу. Однако всегда помнил слова покойной бабушки, которая, отправляя

меня в военно-морское училище, наставляла: «Внук, помни: без Бога не до порога... Пусть он всегда будет у тебя в душе!» Может, эта вера во что-то божественное и помогла пройти без потерь нелёгкий путь моряка-подводника, а потом ещё семь лет пролетать на самолёте.

Мы редко задумываемся, есть Бог или его нет, а вот судьбу вспоминаем часто. Я на свою судьбу не жалуясь. Всё есть, кроме денег, дачи и машины, но не в этом счастье. Счастье – когда есть любимое дело, любимые люди, ну хотя бы увлечение. У меня оно есть – копаться в истории и писать об этом. Я достиг на этом поприще кое-каких успехов. И всё это благодаря вере в себя и, конечно, в Бога в душе.

Общеизвестно, что моряки – народ суеверный, но мало кто знает, что в душе они в большей мере, чем кто-либо, веруют в Бога.

Ещё в детстве мой дед-казак, по профессии бондарь, в субботние вечера учил меня читать Библию на старославянском языке со своими комментариями. Всё это оставило у меня в душе заметный след, особенно его напутствие: «Афишировать всем не надо это, а твоя вера в Бога поможет тебе в трудные минуты». Став коммунистом, я не забыл наставления своих предков. И эта вера в Бога была и в душах многих моих сослуживцев-подводников.

Кто-то сказал замполиту командира подводной лодки, был 1959 год, что Кулинченко знает Библию. Все ждали от него разнosa. Замполитом был тогда ещё капитан 3-го ранга Юрий Иванович Падорин, в 70-х годах он стал членом Военного совета Северного флота, Героем Советского Союза. Замечательный был человек. Думали, что он будет меня песочить, а он похвалил и поставил в пример всем офицерам. Значит, и тогда он знал силу святого доброго слова.

В своей подводной службе мне приходилось переживать не раз экстремальные ситуации. В 1968 году пришлось столкнуться под водой с английской подводной лодкой. О некоторых случаях были мои публикации в прессе. Меня спрашивали читатели: «Страшно было?» Что я мог ответить? «Конечно, страшно. Только дурак ничего не боится». Всегда внутренне молился в душе: «Господи, не выдай! Помогите людям своим!..» Не знаю, как это сказывалось, но вот сегодня я жив и не обижаюсь на судьбу.

Мои мысли подтверждает незабвенный Николай Затеев, командир легендарной «Хиросимы», подводной атомной лодки К-19, ме-

мориал которой установлен на Кузьминском кладбище в Москве. Мысли Затеева обнаружил писатель-маринист Николай Черкашин:

– Когда истёк срок всех надежд встретить хоть какой-то корабль, – рассказывал в задушевной беседе Затеев, – я спустился в свою каюту, достал пистолет... Как просто решить все проблемы, пулю в висок – и ничего нет... И тут я взмолился: «Господи, помоги!» Это я-то, командир атомохода с партбилетом в кармане! И что же?! Четверти часа не прошло, как сигнальщик докладывает с мостика: «Вижу цель!» Бегом наверх! Без бинокля вижу характерный чёрный столбик в волнах. Рубка подводной лодки. Наша! Идёт прямо к нам. Там услышали наш маломощный аварийный передатчик.

Разговор идёт об аварии атомного реактора на К-19 4 июля 1961 года. Это подошла подлодка С-270, которой командовал капитан 3-го ранга Жан Свербилов.

Моряки – народ суеверный, но не настолько, чтобы верить во всякие чудеса. Но после многих случаев и совпадений – помолился в душе – и нате, сбывается желание, попросил у Бога помощи – она пришла, – я уверовал в то, что Бог есть! Это трудно доказать, но ВЕРА – это, наверное, и есть БОГ!

МОРДОТЫК¹

Было это в далёкие годы моей лейтенантской юности. После выпуска из училища подводного плавания (в/ч 62651) большинству из нас выпала служба на Северном флоте. «Вот это флот!» – говорили тогда. И действительно, флот рос и мужал на глазах, его значение в обороне страны и во внешней политике государства тогда ни у кого не вызывало сомнений. Объявленная в 1946 году Союзу Западом холодная война приобретала зримые очертания, влекла за собой гонку вооружений. В то время подлодки «пекли как пироги» – правда, они были дизель-электрические, но вполне соответствовали тому времени. Кадры подводников

¹ Народное название «господствующего» ветра на море (морской лексикон).

решали всё. Даже хрущёвское сокращение Вооружённых сил не коснулось подводного флота, тем более молодых лейтенантов. А ведь многие из нас хотели воспользоваться этим моментом, чтобы «слинять на гражданку».

Но фокус не удался, и поэтому надо было служить честно и добросовестно, а мы были воспитаны именно в таком духе. Долг превыше всего, но и материальное обеспечение не на последнем месте – подводники в этом отношении тогда не были обижены. Надо было учиться практической деятельности, и мы начали «грызть гранит» морской науки.

Одним из первых стремлений было стать полноценным членом экипажа подводной лодки, а это значило сдать зачёты на управление своим подразделением и получить допуск к самостоятельному несению ходовой вахты вахтенным офицером.

Два зачёта из всех были равносильны студенческому «сопромату», сдав который студент мог жениться, а лейтенант, «столкнувшийся» зачёты по устройству подводной лодки и знанию морского театра и всех навигационных премудростей, мог чувствовать себя подводником. На первый взгляд, и делать нечего: нарисовал карту по памяти, ответил на пять-семь вопросов, а на самом деле... Многие из нас, да почти все, сдавали эти зачёты не с первого захода. Это был фундамент на всю дальнейшую морскую службу, здесь выявлялся характер будущих покорителей морских глубин. Некоторые не выдерживали и уходили на береговую стезю, другие вгрызались в морскую глубь, познавая не только, как «эта железка плавает» и что в ней напихано внутри, но и как сохранить это «чудо техники» от всяких неприятностей морских стихий. Эти первые шаги на морской тропе были гораздо труднее даже последующих командирских зачётов. Там уже присутствовал

Члены экипажа Щ-404. Слева направо: старшие краснофлотцы И. Е. Гондюхин (погиб на Щ-402), К. В. Немчитский, мичман А. П. Шевцов, старшины 1-й статьи С. Ф. Смирнов и В. Г. Инюткин. Полярный, 1944 г.

практический опыт, а здесь было больше теоретических знаний.

С нас, офицеров-торпедистов-минёров, флагманский штурман бригады, принимая зачёты по навигационным премудростям, спрашивал больше, чем со штурманов. Отвечая на наше неудовольствие, говорил: «Что штурман? У него всегда перед глазами карта. А у тебя она где? Только в голове. Вот и подставляй её!»

Действительно, штурманы обычно муштрили в своих рубках. Они, в отличие от штурманов гражданского флота, редко несли ходовые вахты на подводных лодках. Они и шифровальщики, да ещё, пожалуй, радисты, числились в интеллигентах – бумажная работа, как у бухгалтера, но в кораблевождении весьма важная. А что было спрашивать с нас, минёров, вечно измазанных амсом (смазка для торпед, покрывающая всю её тушу. Это сейчас они крашенные, а тогда амса не жалели. – В. К.). Надо признаться, что у нас было какое-то пренебрежение к штурманской науке ещё с училища (было у мамы три сына: двое умных, а третий штурман), где было негласное соревнование между двумя факультетами и где каждый «кулик отстаивал своё болото». Но флагманский штурман 25-й бригады подводных лодок 613-го проекта Северного флота Толя Любичев так не думал.

Спокойный, полный для своих лет, пока своего дела, он был уважаемым специалистом не только в бригаде, но и на единственной тогда дивизии подводных лодок, базирующейся в Полярном. Он не делал различия между «группен-фюрерами» – командирами штурманских и торпедных групп.

Ходили мы к нему на зачёты по всем штурманским делам обычно по три-четыре человека, надеясь не на взаимовыручку, а больше на то, что Толе будет труднее справиться с нами всеми, чем с одним. Но у него была манера сосредотачиваться на одном из нас и по его знаниям определять знания всех. Сидим мы, бывало, у него в каюте и рисуем карту всего северного театра со всеми бухтами – губами, заливами, маяками и даже неприметными на первый взгляд ориентирами. Он внимательно проверяет наши художества и ставит жирные минусы, приговаривая:

– Сегодня ты, Копылов, нарисовал изумительно Терский берег, а вот Кольский залив не очень уважаешь. Для закрепления темы мы этот сеанс повторим в следующий раз! А сейчас, если готовы, перейдём к навигационным знакам и огням. Но чтобы не было пренебрежения к этой теме, расскажу вам один трагический случай, происшедший в нашей бригаде незадолго до вашего прихода.

Подводная лодка С-342, командир Жабарин, опытный подводник, выходила из Екатерининской гавани, а в гавань входил танкер «Алазань». Результат – танкер ударил в корму лодки, в 6-м и 7-м отсеках погибли люди. Я не берусь оценивать решение суда, признавшего виновным командира лодки, но есть одно «но»... Какой сигнал (были сумерки) в это время должен быть выставлен на посту СНИС? Об этом, кажется, и забыли в судебном разбирательстве...

– Если сумерки, – перебивает Толю Вовчик, – то наверняка должны были быть вывешены огни по вертикали «красный – белый – красный», или, для лучшего запоминания, «катись, брат, катись!».

– Молодец, – говорит Толя, – но ты не уловил в моём рассказе один момент, бежишь впереди паровоза. Да, были сумерки, добавлю – вечерние.

– Разрешите пофилософствовать мне, – говорит Витёк. – Возможно, на мачте висел дневной сигнал «шар – треугольник вершиной вверх – шар», что означало «воспрещение входа при нормальных обстоятельствах эксплуатации порта, когда на фарватер допускаются только суда, выходящие из порта». На «Алазани» не заметили этого сигнала, а вахтенный на посту проспал включение огней. И...

– Да, лейтенанты, в знаках и огнях на сегодня вы разбираетесь лучше, чем в театре и ветрах, чувствую вашу ответственность. Приглашаю вас посетить меня ещё раз на следующей неделе.

Через день был короткий выход в море. Опекая меня на мостике, командир, капитан 2-го ранга Викторий Иванович Сергеев, воевавший в войну с легендарным Луниным, спросил: «Минёр, когда ты закроешь штурманскую графу в зачётном листе?» Старшие офицеры на лодках в море обращаются к лейтенантам обычно «штурман» или «минёр», и не важно, что ты всего пока «группен-фюрер» – командир торпедной или штурманской группы. На лодках вообще нет чинодральства. Никто под козырёк не берёт. Никто не тянется и не «ест» начальство глазами, когда к нему обращаются старшие. Все заняты своим делом, и уважение достигается только знанием своего ремесла – профессии – и умением прийти на помощь незаметно, без внешних эффектов.

Я стал ему объяснять, что мы рисуем флаг-штурману всякие розы ветров, а он всё недоволен. Подавай ему господствующий ветер, и всё. А какой?

– Кулинченко, а какой сейчас ветер?

– Норд-вест, товарищ командир.

– Да нет, куда он дует тебе лично?

– Больше в лицо.

– Так вот, это и есть самый господствующий ветер и на море, и в жизни – всегда в лицо. И придётся тебе, дорогой минёр, всю жизнь кричать против ветра, конечно, если ты захочешь остаться порядочным человеком в этой жизни. А древние поморы очень мудро называли этот ветер «мордотыком». Вот чего от вас добывается флагманский штурман, отлич-

ный специалист своего дела и знатный педагог. Молодчина!

В очередной заход к Толе, умудрённые советами своих командиров, мы без особых помех сдали «розу ветров», а кроме того, получили удовольствие от рассказов штурмана. Наши наставники учили нас не только профессии, но и делились своим богатым жизненным опытом, без чего нет преемственности во флоте.

Сегодня, по прошествии более полувека, с теплотой вспоминаешь братьев-курсантов и наших наставников. Да, курсанты тогда действительно были одной семьёй, особенно пацаны одного выпуска. Мы все четыре с половиной года вместе ели, спали в одном кубрике, ходили на лыжах и дрались на рингах, учились, любили девчонок, ходили в театры. Тогда мы не знали своего предназначения – мы готовились защищать свою Родину от врагов и действительно были большой роднёй. И придя на флот лейтенантами, мы оставались и там братьями-курсантами, влившимися в большую флотскую семью подводников. Многие из нас, к сожалению, не дожили до нынешних времён.

Жизнь всегда испытывала и испытывает нас «мордотыком». Некоторые упорно стояли против этого ветра, став адмиралами и героями, другие остались рядовыми подводного братства, хотя это и трудно. Братья мои и сослуживцы разбрелись по необъятным просторам некогда единого Союза, но я стараюсь следить за их судьбами. Многие погибли в холодной войне, не дождавшись войны горячей: вместе с лодками ушли на дно морское, умерли от болезней, от преждевременно наступившей старости, от разочарования и беспробудного пьянства... Но все они достойны памяти – выстоявшие и нет против господствующего ветра в нашей жизни – «мордотыка».

ГЛУБОКОВОДКА

И хотя я здесь веду рассказ с вымышленными именами, он полностью автобиографичный.

Ноябрьским поздним вечером подводный крейсер 629-го проекта, ошвартовавшись у пир-

са одной из северных баз, отпустил по домам своих уставших офицеров. Все думали о том, как дома, натопив «титаны», смоют подводную грязь. Чего-чего, а «грязи» на подводных лодках, особенно дизельных, хватало всегда, и офицеров в белоснежной рубашке, как обычно рисуют моряков в приключенческих романах, здесь встретить почти невозможно. Все – от матроса до командира – на время походов облачаются в рабочие платья, робы, имея форму с золотыми погонами в каютах-клетушках (а вдруг загонят в другую базу!).

Командир минно-торпедной боевой части, попросту минёр, капитан-лейтенант Виктор Кулик спешил домой с особым настроением. У него в гостях была тёща, которую он встречал недавно в Мурманске, привёз домой, но поговорить не удалось – срочно ушли в море. Тёщу Виктор уважал, да и она, много пережившая, с пониманием относилась к его службе и всегда в спорах с женой принимала его сторону. Виктор звал её мамой больше из уважения, чем из-за возраста, – она была на три года старше его родной мамы.

Ещё она вызывала уважение к себе своим открытым гостеприимством. Многие сослуживцы Виктора, бывавшие в Питере, пользовались её адреском, с гостиницами в нашей стране всегда было туго. И сегодня уже седые ветераны вспоминают её добрым словом. И все, посещавшие её дом, потом говорили Виктору: «Какую ты выбрал жену, не знаем, а вот что мать у тебя замечательная старушка – это точно».

Анна Никитична, так звали тёщу, не в первый раз посещала их на «северах» и обычно всегда говорила: «Соскучилась по внучке. Она у меня единственная, а здесь вкусненьким ребёнка не побалуешь. Дай, думаю, проведаю...» Но это была больше отговорка. Сердце болело у неё за всех – и за внучку, которую она хотела взять в Питер, но её пока не отдавали, и за дочь, и за зятя, особенно за их совместную жизнь. На то были причины. Нет, зять внушал ей доверие, а вот дочь последнее время стала что-то взбрыкивать. «Отбилась от рук, – говорила она зятю, – возьми вожжи, не поддавайся!..» Но одно

дело слово, а другое дело – личный догляд и материнское руководство.

Путь от причала до дома занял не более двадцати минут. Виктор не ошибся, его ждали. Дверь открыла теща, радостно поцеловала его и сообщила, что жена и дочь уже спят:

– Ждали-ждали, но не выдержали – заснули. Сказали, чтобы я их разбудила. «Титан» натоplen, ужин готов. Хотели поужинать вместе. Минут десять назад звонил какой-то оперативный и просил, когда ты придёшь, чтобы сразу позвонил ему.

Всё это Анна Никитична говорила на ходу, пока он снимал сапоги и развешивал мокрую канадку.

Виктор заметил накрытый стол, на котором красовалась бутылка пятизвёздочного армянского коньяка, роскошь по тем временам... Но надо было звонить оперативному.

– Старик, – сказал оперативный, – давай дуи на лодку Преображенского, она стоит у шестого пирса. Казак Голота (*командир дивизии подводных лодок капитан 1-го ранга Григорий Емельянович Голота, впоследствии контр-адмирал, трагично закончил свой путь.* – В. К.) приказал тебе идти с ним на глубоководные испытания...

– Да ты что! У них же есть собственный минёр, Вася Батон!

– Ну это вопрос не ко мне. Ты же знаешь, Голота всегда берёт тебя в море. А собственно, всё сам узнаешь на месте...

Приказ есть приказ. И Виктор, обернувшись к теще, которая тревожно прислушивалась к телефонному разговору, с сожалением сказал:

– Не получилось, мать, ни помывки, ни торжественного ужина. Откладывается до следующего раза. Опять в море.

С этими словами он начал надевать сапоги и ещё не высохшую канадку.

Никитична, как бы что-то предчувствуя, стала его успокаивать:

– Витюша, не переживай! Мы подождём. А их я будить не буду, скажу, что ты задержался. А это надолго?

– Не знаю, надо разобраться. Может, через час и вернусь, у них есть свой минёр. Наверное, здесь какое-то недоразумение.

Виктор побежал к шестому причалу. По неписаному закону подводники всегда выходы «на работу» приурочивали к ночному времени. Среди них даже бытовала такая шутка: «Кто работает по ночам? Женщины древней профессии, воровы и, конечно, подводники!»

Ночь была не из приятных. Добежав до пирса, он доложил на мостик субмарины:

– Капитан-лейтенант Кулик прибыл по приказанию командира дивизии.

– Тебя и ждём! – ответили с мостика. – Давай в носовую швартовную. Сейчас доложим комдиву и будем отходить!

Виктор попытался выяснить обстановку, но его никто не слушал. Все засуетились, а старпом по кличке Гусь Лапчатый сказал, что потом всё объяснит.

Пришлось покориться судьбе и забыть про праздничный ужин, про горячий «титан», про беседу с тещей и прочие радости, о которых моряку по большей части приходится только мечтать. Виктор быстро включился в ритм жизни лодки Преображенского, ему и раньше приходилось выходить с ними в море. Торпедисты тоже знали его и вполне доверяли. Подъехавший на машине Голота поинтересовался наличием минёра. Пролез на мостик. Приказано было отходить. Приготовив надстройки подводной лодки к походу и погружению, швартовные команды потянулись вниз. Путь в чрево субмарины этого проекта лежал через надстройку мостика и два вертикальных и длинных трапа вниз – не даром эти лодки на флоте называли «сараями» из-за рубки огромных размеров.

Когда Кулик пробирался к трапу вниз, его в темноте мостика задержал комдив и, как бы извиняясь, сказал:

– Не обижайся, капитан-лейтенант. Всё знаю. Придём с моря, дам тебе отдохнуть. А сегодня надо вводить эту лодку в строй.

Виктора тронуло такое внимание к его персоне, и он, переполненный чувствами к капитану, которого уже хорошо изучил, направился в первый отсек.

Самые неприятные для подводников выходы – на испытания после всяких ремонтов

на заводе и, в частности, на глубоководные испытания. «Глубоководка» – так называют ежегодные погружения лодки на предельную рабочую глубину в целях испытания корпуса и забортных механизмов. На них избегали ходить и представители заводов. Поэтому и неудивительно, что Вася Батон, минёр этой лодки, капитан 3-го ранга, более опытный в житейских вопросах, чем Виктор, перед самым выходом вдруг «серьёзно» заболел. На таких выходах происходят всякие «случайности», о которых тогда не принято было распространяться. Не обошлось без «рядового случая» и на сей раз.

Придя к утру в полигон глубоководных испытаний, комдив принял решение начать их без надводного обеспечения, нужно было спешить. Кстати, на флоте, как и у автомобилистов, многие ЧП происходят именно из-за спешки – почему-то всё должно делаться срочно.

Ритуал глубоководных испытаний сложен: через каждые 10 метров глубины лодка задерживается, всё тщательно осматривается и прослушивается, и только после докладов из всех отсеков «Отсек осмотрен, замечаний нет!» она преодолевает следующие 10 метров. И так – до глубины 270 метров...

Но в тот раз на глубине между 230 и 240 метрами, когда, имея дифферент на нос, субмарина медленно шла в глубину, в первом отсеке раздалось шипение, хлопок, и весь отсек сразу заволокло плотным туманом. Виктор, стоявший у переговорного устройства «Нерпа», успел доложить на центральный пост: «Пробоина в первом отсеке!» – и бросился искать вместе с матросами эту самую пробойну. Сделать это было сложно. Струя била откуда-то из-за трубопроводов, переплетений которых в подводной лодке не счесть, и была такой силы, что сбивала с ног. Глубина была уже около 260 метров, а это составляло давление свыше 25 атмосфер. Для подпора был дан воздух высокого давления в отсек, да и в центральном посту не дремали. Вскоре продутая аварийно лодка, как пробка из шампанского, выскочила из объятий глубины и закачалась на поверхности моря. Описывать весь сложный процесс борьбы за живучесть – весьма неприятное занятие. Надо отдать долж-

ное – панике никто не поддавался. После всплытия выяснилось, что «пробоиной» стала прокладка, вырванная из фланца трубопровода, связанного с забортной водой. Но, несмотря на такую, казалось, незначительную пробойну, воды в отсек набралось изрядно, и она полностью затопила электрическую помпу (насос) в трюме, за которую очень переживал механик.

Виктора вызвали на мостик, и комдив начал его расспрашивать обо всём подробно. Когда минёр хорошо отозвался о моральном духе, то флагманский механик Женя Кобцев не выдержал и встрял в разговор: «Товарищ комдив, надо разобраться, по "НБЖ" (*«Наставление по борьбе за живучесть»*. – В. К.) они действовали или нет!» На что последовала резкая отповедь Голоты: «Да пошёл ты! Главное – всплыли! Идём в базу, там будем разбираться!»

Лодка направилась на базу. Все переживали это событие, но было приказано до вынесения окончательного вердикта не распространяться о своих версиях. К обеду Виктор попал домой. Жена с дочкой гуляли, и его опять встретила теща. По усталому виду зятя она поняла: что-то на этом выходе в море было не так. Но, умудрённая жизнью, не стала приставать с расспросами, а направила его в ванную, а сама стала хлопотать на кухне.

После первой рюмки коньяку Виктора потянуло в сон, и он провалился в забытие, где продолжал бороться за живучесть отсека... Проснулся он от тихого разговора Анны Никитичны с его женой. Она настойчиво убеждала дочь ласковее относиться к мужу, ценить его нелёгкую службу. Из этого разговора Виктор с удивлением узнал, что, пока он был в море, мать молилась за него, чувствуя сердцем, что неспроста его назначили на этот выход. А он-то считал её неверующей. Тогда, наверное, Виктор и понял, что молитвы близких спасают не только подводников, но и других от всяких напастей...

Уже давно нет в живых незабвенной Анны Никитичны, простой труженицы, выжившей в блокадном Ленинграде и ухаживавшей за его защитниками в госпиталях. А главное – мудрой русской женщины, отдавшей всю свою жизнь

людям, родным и близким. Память о ней свято живёт в семье Виктора. В её честь названа правнучка Анна, и немалая заслуга Анны Никитичны в том, что Виктор уже более 55 лет живёт со своей женой в мире и согласии. Дай Бог всем таких матерей.

А Виктор, переживший потом ещё не одно глубоководное погружение, остался на поверхности жизни и уверен в том, что молитвы матери сыграли в этом не последнюю роль!

АВТОНОМКА

«Автономное плавание», или «автономность корабля» – понятия чисто научные, и эти термины означают продолжительность непрерывного плавания корабля без пополнения запасов... Всё сводится к продовольственным и техническим запасам, а о человеке ни слова, хотя он и должен быть главным элементом этой автономности.

Немудрено, что человеческий материал, когда о нём забывают, начинает думать за себя сам, и неудивительно, что в начале 60-х годов на флоте повсюду зазвучало такое слово – «автономка», но значение его было гораздо шире, чем в энциклопедических словарях. Автономка вобрала в себя задачи боевой службы («БС»), а это как для надводников, так и подводников сопряжено с большими трудностями. И всё-таки люди в таких походах со стороны системы рассматривались как второстепенный материал.

Были попытки журналистов, писателей, таких, например, как Виктор Устьянцев с его романом «Автономное плавание», обратиться лицом к людям, выполнявшим эти плавания: «Человеку, привыкшему жить на берегу, не дано испытать тех ощущений, которые охватывают подводника, когда после долгих дней плавания он вновь видит солнце и небо, весь окружающий мир, даже если мир этот предстанет...» Но опять всё сводилось к героическому пафосу, и нормальная человеческая жизнь снова оставалась за бортом, а мы все были героями и победителями.

Я имею не одну автономку за плечами. В них бывало всякое: и неудачи, и достижения,

и разборки, и всё, что бывает на берегу, и то, что ни в какие отчёты никогда не входит. Но меня всегда поражало одно, что после таких плаваний, особенно в консервных банках субмарин, люди становились очень близкими друг другу. В эти бесконечно однообразные дни открывались души и рассказывались истории, которые в других обстоятельствах никогда не услышишь. Некоторые звучали просто как анекдоты. Об одной такой истории я хочу рассказать ниже.

Подводники тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. И даже тяжёлая служба не может отнять у них индивидуальных черт характера. Пусть меня извинит читатель, что не буду называть подлинных имён и фамилий. Я с глубоким уважением отношусь к собратям по профессии, к их боевым подругам и только хочу подчеркнуть тяжесть не только их физического бытия, но и морального. Эта тема всегда была запретна в нашем чудном государстве...

Когда после 60–70 дней напряжённого похода, обычно ночью, лодка подходит к родному причалу, у всех «женатиков» сердце не выдерживает, и они любыми способами пытаются известить родных о своём благополучном прибытии. Эмоции бывают самые разные: «Распрекрасная ты моя, гони всех! Невзирая на поздний час, я спешу к тебе в карете номер 11» или «Не волнуйся, часа через два буду дома...» Но служба есть служба! На атомной лодке, даже после того, как она хорошо привязалась к пирсу, работы – ой сколько! И больше всего её у механической боевой части.

Вспоминая историю, которую хочу вам рассказать, я всегда представляю кинокомедию «Ирония судьбы, или С лёгким паром», которая была снята в 1976 году. А то, что произошло в нашем городке-гарнизоне после возвращения одной из подлодок из автономки, было гораздо раньше. И мне кажется, что кто-то из подводников рассказал эту историю режиссёру, и он, усовершенствовав её, поставил фильм, который стал новогодним шедевром на все времена.

Атомоход во втором часу ноябрьской ночи плотно привязался к родному берегу. За плечами остались нелёгкие 80 суток похода. Все до чёртиков соскучились по дому, и те, у кого

он был, и те, которые хотели его получить. А это значит все. Старпом вызвал «автобус», так называлась крытая машина, до городка было добрых 6–7 км, и зимой так быстро до него ночью не добраться. Но «дед» (старший механик) распоряжался своими офицерами сам, и поэтому большинство было оставлено на расхоложивании реактора. Были в механической части два старших лейтенанта, один киповец, другой управленец, есть такие профессии на атомоходах. Оба были женаты, оба получили квартиры под номером 17 – это значит одинаковые на 5-х этажах, в одинаковых, как близнецы, домах. Лифтов в них не было. Лейтенанты в то время получали, если везло, только однокомнатные и только на 1-х или 5-х этажах. Дома клепали в городках по одному проекту, и стояли они в ряд среди сопков, как близняшки. Их путали часто даже днём – улиц не было, а номера часто забывали нарисовать, и жильцы держали их только в голове... И ещё была одна особенность – на лодке этих лейтенантов звали свояками, а что это значит – объяснять не надо. Жёны их были родными сёстрами, да к тому же и близнецами, как и всё в нашей истории. Чтобы

не путаться во всём похожем, назовём их просто Даша и Маша, а наших свояков – Петя и Ваня.

Обычно, когда лодки уходили в автономки, жёны офицеров имели привычку уезжать на Большую землю. Там у них были разные задачи, в отличие от одной у их мужчин. Но что удивляет – как бы ни были засекречены все даты, касающиеся автономного плавания, или иначе «БС», жёны их знают с поразительной точностью и, как перелётные птицы, все собираются точно к назначенному времени – одни несколько раньше, другие точно в день прихода субмарины. Все эти подробности станут ясны несколько позже.

В те годы многие военнослужащие и члены их семей предпочитали для связи с Большой землёй авиатранспорт. Летали надёжные Ил-14, которые сегодня мало кто помнит, но по надёжности они превосходили все современные типы самолётов вместе взятые. Да к тому же это были универсальные труженики, в арктических условиях незаменимые. И конечно, четыре часа полёта до Ленинграда (Питера) считались мгновением по сравнению с 48 часами скорого № 49 (Мурманск – Ленинград). Вот только с аэродро-

ма до нашего гарнизона было добираться очень неудобно, и обычно пассажиры домой попадали ночью, но в ноябре это понятие было уже относительным – ночь была полярной. Ходила даже такая загадка «армянского радио»: «Можно ли за одну ночь полюбить сто раз жену?» – «Можно! Если эта ночь полярная!»

Даша прилетела в день прихода субмарины и попала в городок к позднему вечеру. Добралась на попутной. Поэтому сошла несколько раньше главной автобусной остановки, служившей основным ориентиром в распознавании своих домов. Вещей было немного, и она, шустро взбежав на 5-й этаж, без труда попала в квартиру 17. За два месяца можно забыть многое, и она особенно не обратила внимания на мелькнувшую было мысль: что-то вроде не так. Надо отметить, что и внутреннее убранство квартир с казённой мебелью, получаемой в КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть) напрокат, была на Севере тогда такая льгота, делали их до удручения однообразными. Холодильники были огромной роскошью, и все пользовались естественными: под окном ниша на кухне, за окном – мясо в авоське.

Даша, помывшись сама, приготовила «титан» (был такой агрегат – производитель горячей воды для ванны, топились деревянными чурками) для Пети, решила немного отдохнуть, уверенная, что Петя не пройдёт мимо дома. Но по иронии судьбы Петю задержал механик, а вовремя, то есть вместе со всеми, отпустил Ваню. Доехав на «автобусе» до Дома офицеров в посёлке, все как воробьи прыгнули к своим домам-близнецам. Вот тут Ваня точно попал в свою квартиру 17. Предвкушая блаженство близости с Машей, дело молодое, не стал насиловать домашний «титан» (он предварительно отпарился в лодочном душе), нырнул прямо в кровать. Разбираться было некогда. А когда сели за стол...

Здесь их и застала Маша, нагруженная вещами и еле добравшаяся от Мурманска, куда ехала из Питера поездом. Пришлось ей рассказать всю правду. Нет, сцен не было, всё было решено мудро, и Маша направилась в квартиру 17 другого дома, чтобы объяснить Пете создавшуюся ситуацию. Она застала квартиру пустой, потому

что Петя ещё расхолаживал реактор, как бы вбирая в себя его энергию. После смены в шестом часу утра решил на своих двоих добираться домой. Когда он добрался, то дома его ждал горячий «титан» и отлично сервированный стол. Он радостно бросился к «Даше» и начал её с таким пылом обнимать-целовать, что она не решилась сказать, что она не Даша, а Маша. Он удивился, что до сих пор не разобрана кровать и, не слушая её объяснений, дал ей время только на это: «Пока я ополоснусь, чтобы всё было готово!»

И за эти пять минут она решила: «А почему, если получилось у Даши с Ваней, не может получиться у нас с Петей? Потом ему объясню».

Потом был семейный совет, вернее, совет двух семей. Всё решили полюбовно. Даша и Маша были очень похожи, и в городке их часто путали, а та ночь показала – в том сочетании, которое подложила им судьба, они подходят друг другу лучше, чем до этого. Решили не поднимать шума, а жить как ни в чём не бывало – Маша с Петей, а Даша с Ваней. Благо у них не было ещё детей и они только начинали жизнь...

Эту историю я услышал от Вани в одной из автономок, когда он был уже капитаном 3-го ранга и выступал в должности командира первого дивизиона механической боевой части, в заведовании которого находилось всё реакторное хозяйство. Я дал ему слово, что этот разговор останется между нами. Жизнь свояков и их жён-близнецов сложилась удачно, и разбивать её случайным словом, тем более человек доверился от тоски по далёкому дому, негоже. Но теперь, по прошествии полувека, думаю, что зла своим рассказом никому не причиню.

И всегда, когда смотрю фильм «С лёгким паром...», вспоминаю эту историю и понимаю, что всё искусство зиждется на нашей жизни и придумать что-то просто так невозможно. Даже невероятная фантазия потом находит свой аналог в нашей жизни.

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий, публицист, лауреат и дипломант литературных премий

Наталья АДЛЕР

Член Союза журналистов СССР, ныне России, Международного СП «Новый современник», РСП, международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), выпустила 17 книг (поэзия, проза, в т. ч. семь книг для детей). Награждена звездой «Наследие», медалями «Анна Ахматова», «Георгиевская лента». Соавтор литературно-художественных альманахов «Созвездие», сборников «Память храним», «Пока звонят колокола» (Беларусь); альманахов «Семейка» (Германия), «Славянское слово» (Болгария), «Созвездие Духовности» (Украина), «Александръ», «Отчий край», «Родник» (Россия) и др. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2019». Награждена медалью этого конкурса. Лауреат литературного конкурса «Моя страница в книге "Бессмертный Сталинград"». Серебряный лауреат конкурса «Золотое перо Руси», золотой лауреат международного конкурса «Славянское слово».

ДОКТОР БАТЫРЕВ

«В нашей Елани увековечена память о многих замечательных, выдающихся людях. Один из колхозов носит имя Героя Социалистического Труда Артамонова, есть улицы имени Героя Советского Союза Гайворонского, Киквидзе, матроса Железняка, врача Терновского и другие. Мы по просьбе многих жителей района выносим на суд читателей такое предложение: увековечить память не менее достойного человека, заслуженного врача РСФСР, хирурга Н. А. Батырева.

И. Ищенко, Н. Адлер, Т. Шевцова, В. Колчина и другие».

Это письмо позвало в дорогу, чтобы рассказать о человеке-легенде.

Тревожный 1918-й. До окончания Саратовского университета остался всего один год. Но время не ждёт. Страна Советов в опасности. С четвёртого курса Николай Батырев добровольцем уходит на Юго-Восточный фронт. Было

ему тогда 19 лет. Так началась для Батырева врачебная практика... Отгремела война. Снова за книги. Молодая социалистическая республика нуждалась в своих квалифицированных медицинских кадрах.

Характерная черта того времени – не выбирать, где лучше и легче, а работать там, где трудно и нужно. Село Елань тогда ещё Саратовской губернии, куда с дипломом врача приехал работать молодой хирург, стало для него на долгие 34 года родным. Только два раза «изменил» Батырев этому полюбившемуся селу, людям, которых лечил. Сначала – когда уезжал на финскую, а затем – на Великую Отечественную войну.

С первых дней и до конца Великой Отечественной он работал ведущим хирургом фронтового эвакогоспиталя. Врач прошёл вместе с войсками от берегов Волги через Румынию, Югославию до Австрии.

Много было опасностей на пути, но один случай запомнился Николаю Андреевичу на

всю жизнь. Под Будапештом прямым попаданием снаряда был разрушен медсанбат. Уничтожен почти весь обслуживающий персонал, чудом остался жив один хирург, то есть он. Несмотря на то, что часть попала в окружение, несла большие потери и врачу то и дело самому приходилось браться за автомат, Батырев энергично принялся за организацию нового госпиталя. В помощь себе он привлёк венгерских граждан, которые с исключительной заботой ухаживали за ранеными советскими солдатами.

Несколько дней продолжалась неравная схватка, наши воины держались до тех пор, пока кольцо окружения не было прорвано. Под ураганным огнём, в постоянной опасности, в примитивном помещении приходилось делать сложные операции, и врач делал их мастерски, возвращая к жизни людей.

Родина высоко оценила подвиги хирурга Батырева, наградив его орденами Красной Звезды, Отечественной войны первой степени и шестью боевыми медалями.

И снова нелёгкая работа заведующего районной больницей легла на плечи врача.

В 1957 году доктор Батырев переехал в г. Волжский и стал заведовать хирургическим отделением поликлиники. В 1969 году у него был двойной юбилей – 70 лет прожитой жизни и 50 лет врачебной деятельности, полвека служения людям. Родина по достоинству оценила его труд, наградив хирурга орденом Ленина.

В 1984 году Николай Андреевич Батырев ушёл из жизни, но память о нём жива, как живы в сердцах людей строки из его писем пионерам Елани: «Дорогие мои внуки (а кое-кто и правнуки)! Сердечно благодарю за память обо мне. Моё самое большое пожелание для Вас, чтобы Вы никогда не видели, что такое война. Нас, участников трёх войн, остались единицы. И я радуюсь за Вас, что Вы живёте в такое время, которое разнится от времени, когда я был молодым и даже взрослым, как небо от земли. Ваш Батырев».

В настоящее время улица Новобольничная переименована в улицу Батырева! Герои будут жить вечно!

ПИСЬМО ИЗ 43-ГО

– От кого бы могло быть это письмо? Почерк незнакомый, адрес – тоже... – Зоя раскрыла конверт и ахнула: – Лилька Абанкина! Да как же ты меня нашла через столько лет?! И фото выслала, молодец!

Зоя, не скрывая волнения, начала читать: «Здравствуй, моя боевая подруга, здравствуй, мой дорогой комсомольский вожак! Не знаю, отыщет ли тебя это письмо... Нашла твой адрес на листике, вложенном в мой комсомольский билет, который ты вручала мне в 43-м, на комсомольском собрании, во время затишья между боями... Как я была тогда счастлива! В следующий бой шла уже комсомолкой!

Я тогда была ещё необстрелянным воробушком, а ты прошла Сталинград! Да, страшно вспоминать те дни и годы... И всё-таки мы жили в этом аду!..

Зоинька, почему ты ни разу за 30 лет не приезжала на встречу однополчан? Меня 10 лет назад нашли поисковики – такой отряд "Поиск" из Волгограда, ученики. Теперь я на все встречи езжу, тебя выглядываю, а тебя всё нет и нет... Жива ли ты? Не сменила ли адрес? Одним словом, если это письмо тебя отыщет, то обязательно ответь!

Твоя однополчанка Лиля Абанкина».

– Нашла, подруженька моя, нашла! – Зое казалось, что это письмо было написано не две недели назад. Ей казалось, что оно пришло из сорок третьего: настолько ярко и зримо предстали перед глазами те годы! Опалённый войной, полностью разрушенный Сталинград, победа в феврале сорок третьего... Но какой ценой!.. Какой ценой!..

– Мама, что с тобой? Почему ты плачешь? Что случилось?

– Ничего-ничего, доченька! А я и не увидела, что ты в гости пришла, прости... Вот, от однополчанки письмо получила... Оказывается, ветераны войны каждый год встречаются, а я думала, что никого из наших не осталось... А тут Лилия меня нашла.

– Вот и хорошо, что нашла! Мам, ты спроси её, когда, что и как, и обязательно поезжай, а я тут буду управляться приходить, твою живность кормить.

Через два месяца, 9 мая, Зоя стояла на площади Павших Борцов у мемориала в Волгограде. Перед высокой стелой горел Вечный огонь, к которому подходили и подходили ветераны, её однополчане. Наконец она увидела Лилю, узнала её сразу. Кинулись друг к дружке со слезами радости! Обнялись крепко-крепко! А потом рекой текли воспоминания.

Когда первые волнения улеглись, все, кто приехал на встречу, были в сборе, ветеранов пригласили в школу, где находился отряд «Поиск», именно ученики этой школы из отряда смогли разыскать однополчан и вместе с учителями организовывали их ежегодные встречи, отыскивая всё новых и новых бойцов.

Актный зал школы был заполнен до отказа, ученики и учителя слушали рассказы гостей. Когда Зое Алексеевне предоставили слово, она немного растерялась, но Лиля её подбодрила:

– Давай-давай, на фронте смелая была, а тут оробела!

– Что же вам, ребята, сказать? О героических подвигах вы уже много слышали, а мне хочется, чтобы вы поняли, как важно не допустить повторения ужасов войны, как важно беречь мир на Земле! Война – это страшно, очень страшно!.. Только доброта и любовь спасут мир! Моя дочь пишет стихи, я хочу прочитать одно из них:

*Я к России любовь воспеваю!
Бога чту, Его Сына и Дух!
Отчий дом! Их роднее не знаю...
Огонёчек в груди не потух!
И любовь я во всех проявлениях,
Словно светоч, по жизни несу.
Зажигает она вдохновенье,
Путь покажет в дремучем лесу!
Дарит свет! Хоть терниста дорога,
Жизнь загадок, сюрпризов полна.
Доброта и любовь, вера в Бога –
Ключик к счастью на все времена!*

Зоя пошла на своё место, а весь зал аплодировал и аплодировал ей стоя.

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ ЗАВЕТНАЯ

Сколько раз мы смотрели и слушали по телевизору или радио звёзд сцены, но как-то не приходило в голову, что одна из них засияет на сцене нашего сельского клуба. И вдруг неожиданное известие: к нам едет народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Глинки, солист Саратовского академического театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского Леонид Анатольевич Сметанников.

И вот в воскресный день зал Дома культуры колхоза «Путь к коммунизму» заполнен зрителями до отказа. Перед началом концерта выступила секретарь Самойловского райкома партии Н. В. Леховцова, которая выразила большое удовлетворение по поводу духовного общения соседствующих районов и представила Л. А. Сметанникова.

Под первые звуки музыки зал замирает, плавно и трогательно летит знакомый миллионам людей голос. Зрители, как под гипнозом, отдаются во власть прекрасного, слушают, затаив дыхание.

Одна песня сменяет другую, русские народные, к которым ни один человек не может остаться равнодушным, тем более если их исполняет настоящий мастер. Зрителям то хочется пуститься в пляс под залихватские слова: «Выйду на улицу...», то тихо грустить, окунаясь в воспоминания о чём-то своём, самом дорогом и близком сердцу, когда нежно и проникновенно в самую душу плывёт: «Гори-гори, моя звезда, звезда любви заветная...»

В зале царит праздник прекрасного искусства, праздник души, подаренный нам Леонидом Сметанниковым. Сцена была буквально завалена цветами от благодарных зрителей, которые бурными аплодисментами и криками «браво!» выражали свой восторг.

– Дорогие мои, знаете, у меня такое впечатление, что в Елани есть шикарная оранжерея! Спасибо вам! По плану я должен был быть сейчас на гастролях в Австрии, но по ряду причин поездка сорвалась, и я нисколько не жалею, что вместо Австрии попал к вам, в Елань!

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ В ЛИХОЛЕТЬЕ ВОЙНЫ

Всю нижеприведённую историю я узнал из рассказов моего отца, Владимира Петровича Семенка, 1902 года рождения, коренного жителя деревни Гута-Корецкая.

Деревня Гута-Корецкая на Брянщине раскинулась на стыке Беларуси, Украины и России. Население деревни практически вымерло. Его численность за последние сто лет сократилась в 20 раз. Сегодня это около 30 человек. Перед войной в деревне было около 200 дворов. В колхозе имелись крупные стада коров, лошадей, овец и свиней. Основной скотиной в деревне была корова-кормилица. Молока стране требовалось много. На фермах в основном работали женщины. Работа доярки была трудной и ответственной. Нужно было уметь отдавать животным тепло рук и души.

Самой успешной считалась доярка Мария Антоновна Разгонова. Образование имела «одну зиму», хотя учиться в школе ей очень хотелось. Её отец, Антон Разгонов, слыл зажиточным хозяином, после того как оформился мужем деревенской вдовы Марфы Новичкиной, владелицы солидного нарезка земли, справного усадебного дома, хозяйского двора с инвентарём и домашним скотом. Антон работы не чурался, был трудолюбивым, упорным, строгим и верующим. В семье у него было четверо сыновей и одна дочь. Маша была вторым ребёнком в семье. Ей и приходилось заниматься братьями. Она постоянно недосыпала. На ней был уход за братьями, мытьё посуды, пола, стирка, кормление птицы, работа в саду и на грядках. Жизнь вынуждала быть быстрой и смекалистой. Братьев своих она очень любила, особенно чернявого Диму и белоголового Саньку. Придумывала и рассказывала им сказки, пела старинные песенки, которые слышала от своей матери. Братья её слушались, не капризничали, подрастая,

помогали в домашних делах и втягивались во взрослую колхозную жизнь. В 1932 году Мария стала колхозной дояркой. Работа ей нравилась, любила бурёнок. Вставать приходилось рано, летом – в 4 часа утра, зимой – в 6 часов. Идя на ферму доить коров, она захватывала сумку с «гостинцами». Это были кусочки хлеба, овощей, фруктов. Коров звала по именам – Зорька, Звёздочка, Зарянка и т.д. Обращалась к ним ласково, с напевом, угощая каждую, потом приступала к доению. Обхождение с животными давало результат. Коровы доились быстрее и давали больше молока.

Сено коровам раздавали пастухи, но часто эту работу приходилось выполнять дояркам. Летом они проводили дойку три раза в сутки, зимой – два. За каждой закреплялись 18–20 коров. Передовики обслуживали по 25 коров. Процесс доения был ручным. По итогам 1940 года Мария Антоновна за высокие надои была представлена к правительственной награде. Для вручения медали «За доблестный труд» её пригласили в Москву. Но началась война, и поездка не состоялась.

Незадолго до войны Марию выдали замуж. Свадьба была скромной. Тарантас на железном ходу, запряжённый парой гнедых, украшенных разноцветными лентами и цветами, катил по деревенской улице. Счастливая невеста в обнимку с женихом восседала на подушках и своём «приданом». На передке тарантаса сидел гармонист Санька – брат невесты. Весёлая музыка разносилась по всей деревне. Толпа босоногих мальчишек и девчонок бежала за тарантасом, сопровождая свадебный поезд

прибаутками. Во дворе жениха встречала его мать с караваем в руках. Гулянье длилось до позднего вечера.

Так началась её новая счастливая семейная жизнь. Со свекровью они ладили, с мужем были счастливы. В приданое отец дал тёлку-двухлетку, пару овец и деревянный сруб. Мария с раннего утра уходила на дойку. В перерывах между дойками успевала переделать всё в доме и огороде. Такая жизнь была ей не в тягость. Она старалась всюду успеть. Вечерами мечтали с мужем о детях. Но через пару месяцев после свадьбы её Сеньку призвали в армию по срочному призыву. 22 июня 1941 года деревня узнала о нападении Германии. Председатель колхоза и председатель сельсовета собрали колхозников на сход и искренне убеждали в скоротечности войны, в том, что фашисты будут скоро разгромлены, что молодые ребята, призванные в армию по срочному призыву, вернутся с победой. Через две недели дошли слухи о захвате немцами Минска. В конце июля в деревне узнали, что немцы взяли Смоленск и их видели уже на Гомельщине, а это до деревни рукой подать.

В июле в деревню стали приходить первые «похоронки». В деревне воцарились слёзы и страх. Получила похоронку на своего Сеньку и Мария Антоновна. Многие молодые женщины, потерявшие своих мужей-солдат, стали вдовами – солдатками, так их стали называть. Деревенские власти получили указания из райцентра о срочной эвакуации колхозного скота. Под началом завфермой Гордея Ивановича Ишутина собрали группу из колхозных доярок – в основном вдов-солдаток – и пастуха-проводника. Ранним июльским утром сорок первого года колхозное стадо коров, около трёхсот голов, в сопровождении эвакуационной команды выдвинулось за околицу деревни. Курс был на райцентр Стародуб. Далее Погар и Кромы Орловской области. Впереди ехал на лошади проводник. За ним двигалась группа молодых тёлок в сопровождении быка-производителя, далее двигалась группа коров крепких, упитанных – костяк стада. Замыкали шествие коровы постарше и послабее. С двух сторон стада по

Колхозная ферма. 1941 г.

Передовая
доярка колхоза
«Революция»
Мария Антоновна
Разгонова. 1941 г.

трое шли сопровождающие доярки. Замыкали стадо Гордей Иванович и солдатка-доярка годами постарше. Маша Разгонова и Ганна Гривко вели стадо в первых рядах, им, как более молодым и проворным, приходилось много бегать вдоль стада, чтобы коровы не разбредались, а шли кучно. Двигались медленно, по лугам, опушкам, обходя крупные населённые пункты и дороги.

Днём укрывали скот в густых перелесках, чтобы избавить коров от туч насекомых, мух, оводов и слепней, а также от пролетающих немецких самолётов. «Каждый раз, – вспоминает Мария Антоновна, – видя их, мы падали на землю, прятались под кустами и деревьями и с ужасом ждали бомбёжки. После полудня движение возобновляли. Нужно было до темноты пройти большое расстояние, потом провести дойку, покормить стадо и дать отдохнуть ему

ночью. Молоко сдавали в колхозных молочных пунктах на стоянках. Для кормления стада останавливались в местах, богатых луговыми и полевыми травами. На третий день пути миновали Стародуб. Далее предстояло двигаться в направлении райцентра Погар. Впереди нас и параллельно с нашим стадом двигались стада лошадей, коров, отары овец из других колхозов. Движение скота сопровождалось разногласным рыданием животных, лаем подгоняемых собак, матерщиной раздражённых пастухов и проводников. Всё двигалось на восток. Грязные, потные от жары, полуголодные и уставшие, закончив вечернюю дойку, валились на землю рядом с коровами, положив под голову свою котомку, и засыпали мёртвым сном. Летом ночь коротка, повернулся раз-два с боку на бок, и уже забрезжил рассвет. И снова тяжёлый, напряжённый, полный страха и напряжения день.

Под райцентром Погар нас первый раз бомбили немецкие самолёты. Стадо спускалось к оврагу, поросшему кустарником и редкими деревьями. Вдруг послышался гул немецких самолётов. Мы уже научились его распознавать. Подняв глаза к небу, увидели нарастающие тени самолётов. Затем различили чёрные зловещие кресты. Потом мы увидели чёрные точки, отделяющиеся от самолётов. Они со свистом направлялись прямо на наши головы. От ужаса мы с воплем и криками падали на землю, закрывая голову руками. От взрывов бомб дрожала земля. Коровы ревели и разбегались по оврагу. От самолётного гула и взрывов бомб закладывало уши. Гудело в голове. Когда стих грохот улетающих самолётов, мы с опаской стали подниматься с земли. К счастью, никто из нашей команды не погиб. Только многие оглохли, кто на одно ухо, кто на оба, потом, правда, слух вернулся. Начали собирать коров. Несколько коров лежали убитыми. Одна корова была ещё жива. Это была моя любимая Звёздочка. Живот её был разорван, оттуда истекала густая чёрная кровь. Глаза её были широко открыты и печальны. Увидев меня, она задвигала ухом и заморгала. Из её глаз текли крупные, редкие, как бусинки, красные слёзы. Увидев такую до боли жуткую картину, я разрыдалась.

Подошла к ней, опустилась на колени, обняла её за шею, ласкала её своими ладонями, и мы с ней плакали, пока она не перестала дышать. Я сидела, обнявшись с ней, не было сил, чтобы встать и идти собирать разбежавшихся по оврагу животных. Я закрыла своей любимой Звёздочке глаза, погладила по голове. Превозмогая физическую и психологическую боль, встала и пошла собирать разбежавшихся от страха коров. К утру собрали стадо и сделали стоянку в колхозе имени В. И. Ленина. Местные колхозники привезли на телегах свежей скошенной травы и комбикорма для коров. Подкормив стадо, мы быстро провели дойку и отправились дальше в направлении города Кромы. На стоянке узнали от местных жителей, что от бомбёжки погибло много животных в стадах, которые шли по полям.

Дальнейший путь до города Кромы был спокойным. Самолёты над головами летали, но высоко. Мы, услышав гул, прятались в кустах или в высокой траве. В начале августа вышли к Оке. Там было столпотворение. Стоял жуткий рёв и плач животных. Военные команды и колхозники загоняли скот в реку и переправляли на другой берег Оки. Там их принимали, пересчитывали и табунами гнали дальше, к Волге. Гордей Иванович оформил передачу скота, простился с нами и ушёл с военными. После войны вернулся и рассказал, что воевал на Курской дуге, был ранен, награждён орденами и медалями, воевал в Белоруссии, Польше, Германии. Мы же отправились на отдых до утра в помещение деревенского клуба. Утром, подкрепившись, отправились домой пешком по проторенным тропам. Шли не спеша, так как накопленная усталость давала о себе знать. На ночлег останавливались в деревнях. Грустные мысли, неизвестность тревожили и страшили нас. Во многих деревнях, через которые мы проходили, колхозники, как правило, ничего толком не знали. Ходили слухи, что немцы уже взяли Брянск, Ленинград и что скоро будут в Москве. Мы, конечно, в такую чушь не верили. По пути нам постоянно встречались большие стада скота и толпы беженцев, тянущиеся вереницами на восток. Не было ни одного дня, что-

бы над нашими головами не летали немецкие самолёты. Иногда пролетали наши "истребки" на запад. Видя их, мы, как дети, радовались и желали им удачи. 15 августа приблизились к райцентру Стародуб. Слышен был грохот оружейных залпов. Мы изменили направление и прошли южнее города. Шли и днём, и ночью, отдыхая два-три часа в сутки. К вечеру остановились в населённом пункте Великая Топаль, что южнее Клинцов. Там было тихо. Переночевав в доме одного из бригадиров колхоза, мы отправились в город Клинцы. На улице, правда, было малоллюдно. Вся эта обстановка нас радовала, и мы успокоились. Купив необходимое в магазинах, мы двинулись в свою Гуту через лес "Вовковку". Лесной дорогой идти было не так жарко. Подойдя к речке Унеча, возле Михалкина бугра сделали привал. Помылись в речке, оделись в чистую одежду, которая была у нас в котомках, и с хорошим настроением через час были в деревне. Родители мои были рады, когда увидели меня осунувшейся, уставшей, но живой и непокалеченной.

А через пару дней немецкая команда на мотоциклах появилась в нашей деревне Гута-Корецкая. Собрав народ возле клуба, один из команды, высокий в гражданской одежде, зачитал приказ, из которого следовало, что Германия и её вождь Гитлер освободили нас от большевистской заразы. Власть теперь немецкая, и ей все теперь обязаны подчиняться и выполнять все её распоряжения. За нарушение ждёт неотвратимое наказание – расстрел или повешение. Жители молчали, охваченные ужасом, ждали конца схода. Потом нам представили старосту – жителя нашей деревни Копатя – и двух урядников, Максима и Фёдора. Они теперь представляли немецкую власть в деревне. На стенку клуба повесили портрет Гитлера и несколько печатных циркуляров, в которых оговаривались наши обязанности. Потом немцы прошли по деревенским дворам, загрузились продуктами, деревенской живностью и уехали восвояси».

Так установилась немецкая власть в деревне на долгие, мрачные и бесправные два года. Деревенская жизнь в оккупационный период

затихла и затаилась. Жители на улицу практически не выходили, прятались от глаз полицаев. Большинство молодёжи днями пряталась в лесах, болотах и дальних хуторах у родственников. Домой возвращались ночью, чтобы отогреться и подкрепиться. Эта вынужденная осторожность спасла многих от угона в Германию. Деревенские активисты ушли в леса и организовались в партизанские отряды, имевшие хорошую и надёжную связь с деревнями. На хуторе Ганновка, в 3 км от деревни Гута-Корецкая, жила сестра моей матери Прасковья Наумовна. Её муж пропал без вести в первый год войны. Отец сложил голову в войне с германцами ещё в империалистическую. Брат Павел погиб в 1943 году, другой брат, Семён, вернулся инвалидом. Прасковья Наумовна, сестра моей матери, в течение всей двухлетней оккупации была связной партизанского отряда, в руководстве которого был её двоюродный брат Сехин Василий Иванович. Проживала она вдвоём со своей матерью, Анастасией Константиновной, на подворье своего предка, прадеда казака Рокаля. Прасковья Наумовна рано освоила хуторскую жизнь. В течение 10 лет перед войной работала дояркой в Зареченском колхозе. Колхозная ферма была на её хуторе, так что работа у неё была, как говорится, под боком. Она говорила, что всё вокруг создано Богом. Люди должны уживаться с природой и друг с другом, помогать обездоленным, несчастным и больным словом и делом. Тогда в мире будет равновесие и Божья благодать. Общалась она кратко и понятно. Не уважала словоблудие. Была рассудительной и обязательной. На авось ничего не делала. На рассказы и похвалу была скупа. Больше других слушала. Это дань хуторского уклада жизни русских крестьян. Живя малыми хуторами, они всегда ожидали от других, пришедших людей какой-нибудь напасти. Но если убеждались, что к ним пришли с добром или болью, последним поделятся и помощь окажут. Ежегодно приезжая летом в отпуск, мы – её родственники – навещали Прасковью Наумовну. Помогали ей по заготовке дров и сена. Электричества на хуторе никакого не было. Дом обогревался дровами, корову-кормилицу содержала до конца своей жизни.

Однажды мы отдыхали после сеноуборки на её дворище. Был тёплый ласковый августовский день. Беседа велась о красоте этих мест, о пережитых трудностях оккупационного периода. Тётя Проня больше слушала, потом поведала нам историю одной беспокойной ночи. Было это в далёком 1942 году.

«Осенний дождливый серый день погружался в темноту. Подоив корову и разлив по крынкам молоко, я присела на лавку, налила кружку "сыродоя", отломала кусочек домашнего хлеба и принялась ужинать. На столе, мигая, чадил керосиновый фитилёк, кое-как разгоняя вечернюю темень в хате. Моя мать, Анастасия Константиновна, стояла на коленях перед образами, отдавая Богу вечернюю дань. Безмолвную тишину нарушил подозрительно робкий стук в окно. Прервав вечернюю трапезу, я приникла к тёмному окну, где увидела силуэт мужика, который жестом руки просил выйти к нему. Выйдя в сени, я спросила, кто такой и что надо в такое тёмное время. Незнакомец посетовал на плохую погоду. Озвучил свою "секретку". Я знала этот пароль и ответила ему своим, потом пустила его в хату. Он сказал, что он от внука

Рокаля, а это был мой двоюродный племянник Василий, который находился в партизанах. Незнакомец не представился мне, но сообщил, что его группа была на задании. Они напали и уничтожили немецких карателей под Суражом, которые сопровождали награбленный продовольственный обоз. Часть содержимого обоза раздали местным жителям, остальное взяли с собой. Чтобы уйти от вероятной погони, необходимо было пройти через топкое болото Ректа. Проводника у них не было. Поэтому он попросил меня проводить. Не мешкая, я оделась, положила в свою торбу провизию, попрощалась с матерью, и мы вышли во двор. Там в темноте около сарая виднелись две лошади, под навесом прятались хлопцы-партизаны. Я поздоровалась с ними. Командир повелел им взять палки-посохи подлиннее для прохода через топи. Мы вышли со двора, прошли через луговину и остановились у края трясины. Лошадей развьючили и привязали к дереву на опушке. Командир отвёл меня в сторонку и попросил на обратном пути отвести лошадей в хутор Муравинку. Он дал мне "приметы", как найти хозяина на хуторе, сообщив мне свою "секретку" к нему. После чего

мы гуськом, я впереди, двинулись через болото. Идти было трудно. Тропинка была залита водой. Болотная жижа доходила до колен. Многие хлопцы увязали в грязи до пояса, но, помогая друг другу, выбирались и двигались дальше. Часа через 2–3 вышли на противоположный край болота у хутора Благодатное. Мокрые и уставшие, остановились на привал. Я распрощалась с ними и пустилась в обратный путь. Преодолев болото, вышла на опушку к лошадям. Учувяв меня, они обрадовались, зафыркали. Я достала из торбы по кусочку хлеба и дала им. Потом связала их вместе поводом, вскарабкалась на одну, и мы двинулись вдоль

Партизанская связная Прасковья Наумовна и фронтовик Владимир Петрович со своей старшей дочерью Сашей вспоминают военное лихолетье на подворье Рокаля. 1990 г.

болота. Слава Богу, дождь перестал. Полоска сероватой пустоты отделяла болотную тьму от лесной. Ориентируясь по этому просвету, я через 5–6 километров доехала до хутора Прудок. Там повернула по лесной дороге и через лес Круглица и Михалкин бугор спустилась на луг. Он тоже был залит водой во многих местах. Лошади вязли, поэтому я слезла и повела их за собой. Ориентировалась в темноте по полянкам, я их помнила, так как мы с моей сестрой Мотей летом убрали там сено. Я молила Бога, чтобы не заблудиться. На лугу ориентиров нет. Вглядываясь в темноту, уже выбивалась из сил. Бог услышал мои молитвы, и я увидела мерцающий хуторской огонёк. Сил сразу прибавилось. Еле тащившиеся лошади тоже прибавили ходу. Вскоре вышли на хуторской бугор. Нужный двор нашла без труда. Разбудив хозяина, обменявшись "секретками", передала ему лошадей, а сама вперебежку пустилась в Гуту. Дорога в деревню была наезженной, но в низинах, залитых водой "погоны", местами приходилось брести в воде по пояс. Вся мокрая и околевавшая подходила к деревенскому кладбищу. И вдруг вижу, почти рядом со мной по склону вдоль дороги мелькают красные парные огоньки. Я узнала – это были волки. Я ускорила шаг. Они, мелькая, стали приближаться ко мне. Я остановилась – они тоже встали. Я снова неспешно тронулась, не спуская с них глаз. Они также двинулись за мной. Я уже различала их силуэты. Их было пять-шесть штук. Видя, что они от меня не отстанут, я остановилась. Достала из торбы хлеб и кусочки сала, которые были со мной, и бросила в горячие огоньки. Учувя еду, они стали её в темноте искать, а я тем временем тихонько стала уходить от них. Показался погост. Я оглянулась – волки меня уже не преследовали. По деревенской улице добралась до хаты моей сестры и постучала в окно. Увидев меня в ужасном состоянии, Мотя опешила, я попросила её ни о чём меня не расспрашивать и дать сухую одежду. Быстро переоделась, забралась на тёплую печь и забылась во сне. Проснулась по полудню следующего дня. Русская печь и длинный сон отогнали от меня хворь. Я не заболела. С мольбой и надеждой пережила оккупацию, и народ

наш справился с поганой немчурой, и всё это с Божьей помощью», – закончила свой рассказ Прасковья Наумовна.

Весной 1942 года в деревню вернулся житель нашей деревни Косцов. Немецкие власти назначили его старшим полицаем. Случайность или совпадение, но с его возвращением немецкие каратели стали появляться в деревне чаще. Они проводили, как вспоминала Прасковья Наумовна, облавы на хуторах и деревнях. Арестовывали подозрительных и неблагонадёжных граждан. Тогда же каратели расстреляли две семьи, одна из них была семья председателя колхоза. «Как-то осенним дождливым вечером 1942 года, – рассказывала Мария Антоновна, – мы, группа молодых девчат и ребят 16–17 лет, собрались на посиделки в доме одной вдовы-солдатки. Маленький керосиновый фитилёк, стоявший на столе, еле освещал помещение хаты. Мы расселись на лавках и вполголоса общались между собой. Окна были плотно затянуты самодельными шторками. Но на шторке уличного окна оказалась небольшая дырочка. Свет тоненьким тощим лучиком проникал на улицу. Полицай Косцов со своим помощником, делая обход по деревне, увидели этот лучик. Подошли к хате, стали стучать в окна и двери, приказывая открыть дверь. Мы погасили фитилёк, притаились и решили не открывать. Они быстро выломали дверь, вломились в хату. Защёлкали затворы их винтовок, прогремело два выстрела. Последовала команда с матершинным воплем "всем лечь на пол". Мы ошалели от страха, попадали на пол, визжали и прятались под стол и лавки. Они, ругаясь, стали освещать нас фонариками, потом один из них разжёл фитилёк. Разъярённый Косцов обзывал всех приспешниками Советов и партизанской сволочью. Скомандовав "всем молчать", приказал всем вставать по одному с поднятыми руками – и к стене. Мы, всхлипывая, вставали к стене, ребята пытались объяснить им, что мы не партизаны, но они их не слушали и давали им тумака. Мы в страхе молча обливались слезами. Полицай стал освещать наши лица своим фонариком. Увидев стоящую рядом со мной Настю Замудриёниху, он заорал: "Настя! И ты

с ними заодно? Коммунисты ведь твоего мужа в тюрьме сгноили, я смог сбежать, а он сгинул!"

Муж Насти был осуждён перед войной за пение припевок под гармонь, непристойных для устроителей колхозов. Однажды утром, ещё пастух не выгнал скот на пастбище, в деревню прикатил участковый из райцентра, поднял полусонного гармониста с постели, надел на него наручники, усадил в свой тарантас и увёз в райцентр. Так закончил свой путь деревенский соловей-гармонист. Настя баба была тихая, молчаливая, но не из пугливых. Она неожиданно для полиция отвела его фонарь от своего лица и сказала: "Дурак ты. Погляди на всех нас – ты ведь всех знаешь. А что муж мой пропал, так в этом вины этих девок и хлопцев нет".

Полиция на какое-то мгновение опешил, соображая, что ответить. В это время стоявший рядом с ним помощник Максим Рыжик вступился за нас и сказал: "Настя правду говорит. Ничего в их посиделках партизанского нет". Косцов, несколько успокоившись, возразил: "Собираться группами по ночам, ходить в ночное время немецкой властью запрещено". Потом Косцов постучал прикладом винтовки по полу и грозно сказал: "Ладно, девок прощаю, но это в последний раз. Быстро вон из хаты и бегом по домам. А вы, стервецы, – показал он рукой на ребят, – выходите из хаты и стройтесь в колонну по одному". Мы, – продолжала Мария Антоновна, – оказались во дворе, где моросил холодный дождь. Утром, пойдя по воду в криницу, я узнала от Ивана Андреевича, что полиция гоняли ребят под дождём до деревни Буян пробежками, которые сменялись ползанием по-пластунски по грязной раскисшей дороге. Тех, кто пытался ползти на коленях, полиция пинали ногами и прикладами приминали к холодной земле. Мокрые, чумазые, в изорванной одежде, они были отпущены по домам с последним предупреждением».

Зима 1942–1943 года, по рассказам партизанской связной Прасковьи Наумовны, была суровой. В деревню дошли слухи о поражении немцев под Сталинградом. Жители эту новость по секрету передавали друг другу, радовались в душе, но наружу эту радость не выставляли, боялись полицаев. Немецкие карательные от-

ряды в эту зиму зачастили в Гуту и шныряли по хуторам из-за активных действий местных партизан. Как-то утром, рассказывала Прасковья Наумовна, она вернулась с хутора, где навещала свою мать. Топилась печь. Саша, моя старшая сестра 9 лет, хлопотала у плиты. Мы, Вася, Вова и я, болели и находились на печи. Сняв верхнюю одежду, тетя Проня стала собирать на стол еду. В это время открылась дверь, и в дом, громыхая и дымя цигарками, ввалились два полиция в сопровождении трёх немцев. Старший полиция подошёл к тётке, взял её за локоть и зло спросил: «Где ты прячешь своего свояка (*т.е. нашего отца*), не пытайся нам врать, у нас есть сведения, что он партизан и сегодня ночевал в доме. Показывай, иначе всем вам крышка будет!» Немцы подошли к ней и тоже загалдели по-своему. Прасковья Наумовна с возмущением обратилась к полиция: «Бог мне свидетель, Максим, не гневи Бога, а то холеру на себя накличешь. Я ещё от мороза не отогрелась и только что пришла с хутора от своей матери, никакого партизана не видела и здесь не ночевала». Один из полицаев, Фёдор, подтвердил её слова, сказав, что видел, как она шла утром. Тогда один из немцев подошёл к Саше, взял её за руку, стал трясти, требуя показать, где прячется наш отец. Она расплакалась, мотала головой и отвечала, что никого не видела. Немец потащил её, босоногую, без верхней одежды во двор, подвёл её по снегу к сараю и опять спросил про отца. Она плакала, тряслась от страха и холода, мотала головой. Соседка Арсоновна шла за водой. Услышав крик и плач ребёнка, увидела её босоногую и голую во дворе, накинулась на подошедшего с немцами полиция, со словами: «Ты что ж издеваешься над бедной девчонкой! Какой её батька партизан, его и других сельчан немцы угнали на работы ещё в прошлом году, и с тех пор его нет, никаких партизан у них дома не было. Я сама ночевала у них, так как они все болеют, а вечером Проня, уходя к матери на хутор, попросила меня переночевать с детьми». Услышав это, полиция стал объяснять старшему немцу. Немец отпустил Сашу, потом все они ушли, а Саша долго болела.

Летом по ночам в хуторах стали появляться партизаны. Они принесли известие о разгроме немцев под Орлом и Курском. Деревенские жи-

тели при встрече стали улыбаться друг другу. Полицаи по ночам перестали делать обходы. А после праздника Ильин день в Гуту со стороны деревни Унеча въехал отряд партизан верхом на лошадях, проскакав по всей деревне днём и разделившись на две группы, разъехались рысью в сторону деревень Ганновка и Печевая. Для сельчан это было большое событие. К вечеру узнали, что партизаны ликвидировали многих полицаев по хуторам. В нашей деревне был убит полицай Косцов. Дух освобождения стал проникать в каждый двор, в каждого человека. Деревня жила тревожным ожиданием конца оккупации.

25 сентября 1943 года советские войска освободили наш райцентр – город Клинцы. «Утром следующего дня, – вспоминала Мария Антоновна, – улицы деревни заполнили колонны советских солдат, повозки с орудиями и другой военной техникой. Сильная стрельба и оружейные взрывы доносились с западной стороны Гуты. Передовые отряды прошли нашу деревню ещё ночью и вели бои за малые хутора, где окопались немцы. К вечеру немцев выбили и оттуда. Грохот войны откатился дальше на запад. Деревенские жители ликовали, плакали от радости, обнимались с солдатами и угощали их всем, что осталось у них».

В деревню привозили раненых бойцов и размещали их в школе, клубе и многих деревенских хатах. В нашей хате, как я уже сам хорошо помню, военный врач – симпатичная женщина – делала уколы и обрабатывала бойцам раны. Перевязочного материала для раненых бойцов не хватало. Жители деревни давали военным домотканое полотно. Моя мать, Матрена Наумовна, также достала из сундука рулон домашнего полотна и передала врачу. Врач сказала матери спасибо и попросила помочь ей порезать его на ленты. Мать взяла отцовские ножницы и стала резать полотно на ленты. Я вертелся около неё. Она сказала: «Держи за кончик ленточки, а я буду отрезать». Я стал ей помогать отрезать очередную ленточку. Она её скручивала в валик и клала на стол. Женщина-врач перевязала очередного бойца и, проводив его за дверь, села на скамейку передохнуть. Достала белую папироску и закурила. От этого душистого дыма я сильно

закашлялся, бросил держать ленточку полотна и, пригнувшись, стал прижимать руками тряпку на своём животе. Там, под тряпкой и рубашкой навыпуск, на моём животе была большая гнойная рана, из которой при кашле выпячивалась тёмно-красная взбухающая кишка. Мать каждый день намазывала её какой-то самодельной мазью и заматывала длинным куском полотна. Женщина-доктор увидела, что я кашляю и держусь руками за живот, и спросила: «Что это у твоего ребёнка?» Мать ей коротко объяснила, в чём дело. Женщина подошла ко мне, подняла подол моей полотняной рубахи и ахнула от увиденной картины, обернулась к матери и сказала: «Срочно будем делать небольшую операцию». Мама постелила на стол кусок чистого полотна, сняла с меня запачканную рубаху и положила меня на стол. Доктор укладывала рядом инструменты и пузырьки с лекарствами. Потом меня покрыли белой скатертью с дыркой в середине. Доктор ласково успокоила меня, сунула мне в рот кусок синеватого крепкого сахара и сказала, чтобы я его не грыз, а сосал, тогда не будет больно. Мать держала меня за ноги и руки, чтобы я не дёргался. Как было больно мне, я уже не помню, но сахар не давал мне плакать, и я достойно перенёс хирургическую процедуру. После наложения повязки на рану врач сказала, что я теперь как солдат после ранения, достойно держался, молодец. После мама сообщила мне, что болячку мою доктор «вырезала», а дырку на животе зашила. Последующие дни мне врач делала перевязки. Рану посыпала каким-то белым порошком. После полного заживления раны на животе у меня остался белый, круглый, размером с пятак шрам – пожизненное напоминание о пережитом военном лихолетье.

Эпоха фронтовиков, тружеников и тружениц тыла уходит в вечность. Покидая этот мир, они полны надежды, что жизнь их детей, внуков и правнуков будет светлой и радостной. Мы, сегодня живущие, обязаны оправдать их надежды и сохранить память об их стойкости, героизме и Победе на века.

Виктор СЕМЕНОК,
капитан запаса медицинской службы

Наталья МЕРКУШОВА

Наталья Меркушова родилась в д. Сретенка Пичаевского района Тамбовской области, проживает в пос. Сатинка Сампурского района. Автор многих сборников стихов, басен, малой прозы, а также книг для детей.

Книги издавались в Тамбове, Новокузнецке, Владивостоке, Ставрополе, Торонто (Канада).

Член Российского союза писателей и Союза журналистов России.

В этой подборке стихи, используемые в краеведческом проекте библиотеки – филиала № 7 им. В. Кученковой г. Тамбова.

«Тема проекта была задумана в сентябре 2020 года, после того как мы прочитали в социальной сети "ВКонтакте" стихи Натальи Меркушовой, написанные специально для презентации книги В. А. Кученковой "Усадьбы Тамбовской губернии", переизданной Тамбовской областной общественной организацией любителей книги (руководитель И. В. Мачихина). Так как библиотека имени В. Кученковой, то был создан совместный проект "Навеяно былым", основанный на стихах Натальи Сергеевны о старинных усадьбах, парках, храмах» (библиотекарь библиотеки – филиала № 7 им. В. Кученковой О. М. Цытлухина).

Навеяно былым...

СТАРАЯ КАЗИНКА

Рахманинов Иван был основатель
Вольтеровских изданий на Руси,
Он был философ, публицист, издатель,
Любил Вольтера и превозносил.

Вначале в Петербурге начал дело,
Потом его в деревню перенёс.
Округа от известия гудела:
В глуши тамбовской – книги? И – донос.

Он пять томов успел издать, и что же?
Указ Екатерины: им не быть!
Закрыли, опечатали: негоже
Француза-вольнодумца допустить!

Но слава основателя печати
Вольтеровских трудов ещё живёт.
Рахманиновский род и этим знатен,
И музыкой. Уже который год

Здесь фестиваль проводят музыкальный,
Рахманинов Сергей из этих мест,
И музыкой его исповедальной
Наполнены поля, река и лес...

К ПОЭТУ БОРАТЫНСКОМУ

*Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни весёлые живительного мая,
Когда, зелёными ветвями понавая,
Манишь ты путника в свою густую тень.*

Е. А. Боратынский

Усадьба Мара лишь одна из многих,
Развеянных на гибельном ветру.
И всё ж ведут туда пути-дороги,
К поэту Боратынскому ведут.

О, как красиво было здесь когда-то,
Пока всё не разрушила «гроза».
Глядят на эту пустынь виновато
Некрополя печальные глаза.

ЭХО

Эхо в зале усадьбы Загряжских
Из любого звучит уголка.
Это чудо, заветная сказка,
Сохранённая здесь на века.

И картины, картины, картины...
И чудесный портрет Натали.
Этот ангел «ниспосланный» милый
Сердце Гения вмиг покори.

И усадьба, и парка аллеи,
Что весною полны синевой,
Сохранили для всех поколений
Образ Музы Поэта живой.

Вторит эхо, звучит голосами,
Рассыпаясь на тысячи слов.
Измеряется время часами
И минутами жизни веков.

МЕЧТА И СКАЗКА

Асеевский дворец! Мечта и сказка,
И облик твой воздушной красоты.
Трагичная и грустная развязка...
Но сохранились все твои черты.
Черты былого возродились снова,
Вернулись вновь и удаль, и размах.
Асеевский дворец. Простое слово
Звучит в твоих прекраснейших стенах.

ТРЕГУЛЯЙ

Сюда давно паломники стремятся
Воды живительной и праведной испить.
Здесь Питирим открыл такое царство,
Что побывал и продолжаешь жить!
Не просто жить, а Верой укрепляясь,
Из пут болезней вырвавшись на свет.
Источник в Трегуляе исцеляет
Уже немалых триста тридцать лет.

ВЕЛИКАЯ ЗЕМНАЯ

Два царства: Дуба и Сосны –
Извечно враждовали,
И примирить их не могли
Ни беды, ни печали.

Однажды страшная гроза
Решила всё разрушить,
И устремились в небеса
Дубов и сосен души.

Не стало царств, и спора нет,
Земля покрыта прахом.
Вернуть бы всё... Лишь бересклет
Остался под оврагом.

Омыли добрые дожди
Боллезненные раны.
На пепелище не спешит
Вернуться жизнь дубравы.

И лес сосновый не растёт,
Все семена погибли.

Разрушился враждебный гнёт,
Но есть ли победитель?

...И тут свершились чудеса,
Закончились мытарства,
Соединили небеса
Враждующие царства:

В укромном уголке земли
Потомство притаилось.
Какие силы сберегли?
Наверно, Божья милость.

И вот два тоненьких ростка
К рассвету потянулись.
Ах, как слабы они пока!
Но всё-таки вернулись!

И неразлучными растут
Сосны и Дуба дети,
Друг в друге обрели приют,
Проснувшись на рассвете.

И незаметно вырос лес,
О жизни бесконечность!
Глядят отцы на них с небес,
Их примирила вечность.

И стало символом любви
Такое проявленье:
Сосна и дуб найти смогли
Дорогу к примиренью.

Нет, ошибаюсь, что же я!
Любви большой созданье
Зовёт к себе, как звон ручья,
Величьем созиданья.

Стремятся люди всей земли
Жить в доброте и ласке,
Приходят к символу любви
И просят о подсказке.

И гладят ласково рукой
Живое воплощенье
Любви великой и земной
Чудесного творенья.

ЭКСТАЛЬ

От топота тысяч копыт
Родная земля содрогалась.
Над Русью стервятник летит,
О, сколько ей горя досталось!

Раскинуло войско шатры,
Костры запалило у речки.
Кровавые чуя пиры,
Лило безудержные речи.

У хана Батыя жена
В шатре на своей половине
Страданий безмолвных полна:
Её на Руси захватили

И в жёны отдали в Орду,
Батыю досталась добыча,
И русскую стать-красоту
Держал при себе он обычно.

– О милая Русь, всё же я
Спрошу у Батыя пощады!
Батый, умоляю тебя,
Назад, за реку, возвращайся!

Свирепо взглянул на неё,
Жестокою плёткой ударил.
А сын заступился, копьём
Отца ненароком поранил.

Взъярился правитель Орды,
Убить повелел их обоих.
А в небе слетались орлы,
Кружась у селений убогих.

Курган погребальный, как встарь,
Стоит в чистом поле доньше.
Селенье назвали Эксталь¹,
По имени русской рабыни.

¹ Эксталь – Аксинья. Эксталь – село в Тамбовской области.

Сражение с горцами

ТАМБОВСКИЕ РАТОВОРЦЫ. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ

Андрей ХАЗИЕВ (СКИЛУР)

ВСТУПЛЕНИЕ

Недавно известный тамбовский писатель, публицист, историк и краевед, председатель ТРО Союза литераторов РФ Андрей Скилур (Хазиев) закончил работу над третьим томом своих военно-исторических рассказов «Тамбовские ратоборцы». На этот раз книга впервые посвящена только забытым героям – защитникам Отечества, представителям целых дворянских семей – участников многих войн и сражений, храбрым офицерам и генералам

Русской императорской армии. Это уроженец Петровского района Тамбовской области, участник славного Синопского сражения и героической обороны Севастополя лейтенант флота Головин; выходцы из Елатомского уезда (ныне Рязанская область) – представители рода Головиных: потёмкинский кирасир, морской десантник, артиллерист, казачий войсковой старшина, пехотный полковник, а также их родственники и потомки. Это и выходцы из Шацкого уезда (ныне тоже Рязанская область) – представители рода тамбовских Можаровых: прапорщики, корнеты, подпоручики, поручики, штабс-капитаны, их

родственники и потомки, в том числе известный на Тамбовщине заводчик И. П. Можаров и первый конструктор советских мотоциклов П. В. Можаров.

Используя подлинные биографии, архивные материалы, научную литературу и интернет-публикации, автор в художественно-документальной форме реконструирует яркие эпизоды войн XVIII–XIX веков, рассказывает о военных походах российских войск в Европу, на Кавказ, в Среднюю Азию, в Финляндию и Швецию, в которых участвовали его герои – дворяне Тамбовской губернии. В книге много блестяще показанных батальных сцен, живописные картины природы европейских и азиатских стран, России и Тамбовщины, в ней большое количество действующих лиц, среди которых как императоры, русские и иностранные полководцы, так и рядовые воины. Военно-исторические рассказы, семейные хроники рассчитаны на любителей родной истории, патриотов Русской земли.

Предлагаемый отрывок рассказывает об одном из драматичных эпизодов Кавказской войны 1817–1864 годов, которую Россия вела против свободолюбивых горцев Северного Кавказа. Российская колонизация Кавказа в конечном счёте сорвала захватнические планы Турции, Ирана и ведущих стран Европы, принесла кавказским народам не только страдания и жертвы, но и явный социально-экономический прогресс, если бы не Россия, их могла бы ожидать та же участь, какую сотни лет испытывали на себе народы Балкан, Турецкой Армении, английской Индии, французского Индокитая и т. д. При этом автор книги не скрывает всех ужасов кровопролития, его безбожия, иной раз симпатизируя храбрым горцам, защищавшим свою землю, свои обычаи. В боевых действиях принимали участие многие тамбовчане – наши земляки. Они достойно защищали интересы России, своей державы и умирали в боях, но оставались верными воинской присяге, государю, православной вере и Отечеству...

ТОМ 3

Глава пятая

АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОФИЦЕР ПЛАТОН ДМИТРИЕВИЧ ГОЛОВИН (в сокращении)

...14 мая 1841 года у селения Инчке Чеченский отряд генерала Граббе соединился с Дагестанским отрядом генерала Головина. Объединённым войскам предстояло захватить Черкей и пробиться к другому опорному пункту имама Шамиля – к селению Хубары. Но на пути российских воинов скопились крупные неприятельские силы: все господствующие по обеим сторонам дороги высоты заняли отряды местных горцев – салатовцев, гумбетовцев, андийцев, ауховцев, – а также пришедшие с Шамилем и его сподвижником Ахверды-Магомом чеченцы.

15 мая командир батареи, в которой служил поручик Платон Головин, передал всем своим подчинённым приказ корпусного начальника – генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина: атаковать придорожные высоты и во что бы то ни стало захватить селение Черкей...

...Только-только прислуга вверенных Платону двух пушек закончила установку орудий и сооружение необходимых земляных укреплений вокруг них, как раздалась команда, и войска пошли в атаку. Двигались тремя колоннами: прямо по ущелью, по дороге – главная колонна с обозом, справа и слева, по склонам гор и холмов, по Хубарским высотам, – боковые колонны. Как только неприятель разгадал замысел русских, начались активные действия и с его стороны: с высот одновременно ударили ружейным огнём.

Над верхушками лиственного леса, покрывавшего горы и холмы, словно сигнал к кровопролитию, поднялось сизое и смрадное облако порохового дыма. Слабый, какой-то странно вялый ветер медленно понёс его к выходу из ущелья. Казалось, что это не дым, а небесная

похоронная процессия, что сама природа противится тому, что творили тут люди, и напоминает им, чем всё может закончиться. Но разве кто-нибудь из воюющих хотя бы поднял голову и проводил взглядом дымный шлейф? Никто...

Главная колонна с казаками и эскадрон регулярной конницы в авангарде устремилась вперёд, обозные повозки еле успевали за войсками. По сторонам ущелья вовсю шла перестрелка, егеря и пешие казаки старались взобраться на склоны, занятые мюридами.

– Ваше высокопревосходительство! Главная колонна встала! Нет прохода – там туземцы учинили завалы и засеки! – подскочил к командующему корпусом Евгению Головину драгунский штабс-ротмистр.

Его возбуждённый быстрой скачкою чистокровный аргамак нервно плясал на месте.

– Передайте артиллеристам, штабс-ротмистр, дабы выдвигались в авангард и разбили орудиями все преграды! Выполняйте!

Офицер взмахнул плетью и понёсся к артиллеристам. Проводив его взглядом, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал

от инфантерии Головин повернулся в седле и поинтересовался у сопровождавшего его генерал-лейтенанта Граббе:

– А что, Павел Христофорович, ведь неплохо наши пушкари-то справляются со своими обязанностями, как по-вашему?

Начальник Чеченского отряда почувствовал в словах Головина подвох.

– Да, мои артиллеристы уже не раз выручили мою пехоту, а ныне и для объединённых войск постараются, ваше высокопревосходительство...

Он нарочно дважды употребил слова «мои» и «мою»...

Тем временем русская артиллерия занялась уничтожением завалов и засек из деревьев, которые нагородили мятежники у выхода из ущелья. Установив орудия прямо напротив преград, пушкари били в них тяжёлыми литыми ядрами – только щепки летели во все стороны!

Вдруг с одного из холмов прозвучал пушечный выстрел, потом другой, третий, вражеское ядро с треском вломилось в ствол росшего рядом с русскими позициями старого тополя.

Бой в горном ауле

Упавшими ветками Платону Головину оцарапало левую щёку.

– Как это понимать? Откуда у абреков пушки? И кто же ведёт огонь? – недоумённо спросил поручик у подошедшего командира батареи.

Майор Николай Гипшман нахмурился:

– Вы у нас недавно, поручик, не то бы знали: бегут наши солдатики, дезертируют, от «хорошей жизни» в гарнизонах спасаются, а мятежники и рады их к себе заманить. Артиллеристов среди них хватает, говорят, есть и офицеры из наших ссыльных поляков. А пушки Шамиль в крепостях наших, кои захватить сумел, забрал, а может быть, и турки ему помогают, кто знает?..

...Артиллерийский взвод Головина перенёс огонь на холм, с которого продолжали обстрел русской колонны пушки мюридов. Один залп гранатами, второй, третий. В узком пространстве ущелья всё заволкло смядом, едкий дым раздирал глаза, стало нечем дышать. Канониры безостановочно били и били из своих раскалившихся горных пушек, они побросали на землю мундиры, и их блестящие от пота фигуры мелькали в сером мареве, словно черти в аду.

Окружённый адъютантами и конвойными казаками, мимо позиций батареи проскакал на вороном коне чем-то озабоченный командующий корпусом. Только на миг встретились сквозь дымную завесу взгляды двух Головиных, но Платону показалось (по крайней мере ему очень хотелось в это верить!), что спокойные серые глаза Евгения Александровича отечески подмигнули поручику, как бы говоря: «Держись, сынок, всё будет хорошо!» Наверное, показалось...

Всё более очевидной становилась меткость, с которой горцы (или служившие им дезертиры?) поражали одну цель за другой...

Платон как раз отошёл от лафета одного из своих орудий, чтобы распорядиться насчёт новых зарядов, когда в то место, где он только что стоял, ударило ядром. Не раз слышал он о подобном везении, но никогда не верил, что такое может случиться именно с ним. Увиденное привело его в ужас: отскочив от каменистой земли, вражеский снаряд оторвал руку одному

канониру и, срикошетив от орудийного ствола, разнёс голову другому. Первый упал сразу. Разбрызгивая студенисто-кровавые мозги по траве, второй солдат как-то нелепо, голову вперёд, ткнулся в пушечное колесо, подогнул под себя ноги и затих. Поручик наконец пришёл в себя, бросился к безрукому. Это был Мачехин. Он всегда обращал на себя внимание: рослый, весёлый крестьянский парень, мастер на всякие прибаутки, любимец всей батареи. Совершенно случайно Головин узнал, что Мачехин – его земляк, из тамбовских.

Раненого обступили солдаты. Всегда улыбчивое, широкое, с рыжими конопушками и мясистым бесформенным носом, теперь лицо Мачехина побелело, скулы вдруг заострились. Глядя в безоблачную высь широко раскрытыми голубыми, как небо, глазами, канонир шевелил помертвевшими губами, жалобно просил:

– Робяты, не забудьте... Убили меня, помираю... Ваше благородие, прикажите отписать маманьке... В Арапово, энто под Танбовом... Пушай не печалится, нету более у её сыночка... Она, маманька-то, всё нехалюзой да оглоedom меня кликала... Всё тяперя, некого будет ругать... Пушай батяня свечку за меня в церкви поставит, вы уж отпишите ему, робяты...

Перевязывать было бесполезно, кровь из ужасной раны хлестала фонтаном, да и лекарей поблизости не имелось. Мачехин моргнул ещё несколько раз своими рыжими ресницами и замолк. По грязной мёртвой щеке солдата текла запоздалая слеза. Кто-то осторожно, носком сапога, отбросил в сторону то, что было правой рукой Мачехина. Скрюченные, безжизненные пальцы всё ещё сжимали орудийный палежник с зажжённым фитилём. Фитиль дымился...

Бой продолжался со всё большим остервенением. Уже полнеба заволкло дымом, и в этом зловонном, напичканном железной смертью тумане тут и там мелькали странные, как бы выхваченные из потустороннего мира картины. Вот далеко впереди, там, где должны быть вражеские пушки, из серо-жёлтого порохового облака время от времени изрыгаются яркие языки красного пламени, словно там работает на гибель людям дьявольская кузница. Ближе к

центру ущелья мечутся какие-то тени – это батальоны генералов Лабынцева и фон Ключенау, нарвавшись на неприятельские завалы и засеки, штурмом берут одну преграду за другой... Горцы выхватывают из ножен кинжалы и шашки и бесстрашно бросаются на солдат – один на десятерых. Оттуда слышатся разноязыкие вопли и русская брань... Упорная схватка идёт и на окрестных Хубарских высотах – горных склонах и холмах, там мелькают тёмные черкески, лохматые папахи и белые офицерские фуражные шапки.

– Доннер веттер! Что вы стоите? Я приказываю вам открыть огонь! Майн гот, какие бестолковые артиллеристы!.. – генерал-лейтенант и генерал-адъютант Павел Граббе подлетел на своём чистокровном скакуне-шаллохе к вытянувшемуся перед ним майору Николаю Гипшману.

Гипшман, человек спокойный и рассудительный, слегка побледнел, но выдержал взгляд бешено вращающихся водянистых глазок Граббе. Когда майора злили, он был способен на дерзость.

– Ваше превосходительство! Позвольте вам заметить, что артиллеристы делают всё, что могут. И вы сами прекрасно знаете: пока дым не рассеется, стрелять из орудий не только бессмысленно, но и преступно. Мы можем попасть в своих...

Понизив голос, майор добавил:

– И попрошу вас, генерал, в присутствии нижних чинов более на меня не орать!

Командующий Чеченским отрядом, не ответив, отъехал в сторону...

Когда дыма стало поменьше и видимость улучшилась, стало ясно, что необходимость в артиллерийской стрельбе сама собою отпала:

русские войска захватили позиции горцев и вытеснили их из ущелья и высот, и оставшиеся в живых воины Шамиля и Ахверды-Магома отступили, освободив путь на аул Черкей.

К полудню колонны генералов Головина и Граббе, миновав открывшуюся им долину, собрались у селения Хубары.

...Солнце окрасило отроги Андийского хребта в вечерние цвета, и длинные тени от гор протянулись через реку Сулак в сторону далёкого Каспийского моря, когда Дагестанский отряд осторожно вошёл в Черкей. Селение оказалось безлюдным, все его жители попрятались в горах. Евгений Александрович Головин отдал приказ сжечь Черкей и уничтожить все имеющиеся в нём продовольственные запасы. На утро следующего дня отряжалась специальная команда рубщиков леса, в задачу которой входило превратить горные склоны, где накануне шёл бой, в безжизненную пустыню. Таков был стратегический план колонизации Кавказа, разработанный ещё генералами Ермоловым и Вельяминовым, – «план медленного продвижения в область неприятеля посредством вырубki лесов и истребления продовольствия».

Поздно ночью при свете догорающего селения в одной из офицерских палаток праздновали победу. Водка и красное вино «чихирь» лились рекою, закуски тоже хватало...

– Ну, что же, господа, я думаю, сегодня следует отметить и преотменные-с, похвальные-с действия наших артиллеристов. Бог войны, так сказать-с... – еле ворочая языком, говорил начальник штаба Чеченского отряда. – Премного-с абреков положили, пол-леса снесли. Завтра солдатам работы меньше будет-с... Предлагаю тост за наших славных артиллеристов, ура!..

Олег Сергеевич Маслов. «Неиссякаемый родник», 545 x 312 см (<http://maslov-rodnik.narod.ru/>)

НЕИССЯКАЕМЫЙ РОДНИК

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПРАВОСЛАВИЕ

Мы в наше суетливое время как-то забываем, что наша литература рождалась в монастырях и кельях: у истоков древнерусской литературы стояли монахи и священники, именно они чаще всего становились авторами и переписчиками летописей, житий, вдохновенных поэтических проповедей. Историзм и чёткая нравственная оценка деятельности князей, сильных мира сего, рядовых дружинников, иноков и митрополитов – традиции, идущие от древнерусской литературы, пронизывающие большинство значительных текстов русской литературы с XII по XXI столетие.

Один из первых профессиональных восточнославянских писателей белорусский иеромонах Симеон Полоцкий, учитель детей царя Алексея Михайловича, уже в середине XVII века доказал возможность выражения при помощи виршей (в монументальных поэтических сборниках «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», в «Псалтыри рифмотворной», по которой учился «стихотворить» М. В. Ломоносов), проповедей

(собранных в пространные сборники проповедей «Вечеря душевная» и «Обед душевный»), пьес великого многообразия богословских, общественно-политических, педагогических и эстетических проблем. Именно иеромонах Симеон Полоцкий стал первым писателем, взявшим на себя роль советника царей, употребившим слово «тиран», стал первым российским литератором, позволившем себе поучать власть и российское общество. Вслед за ним

явились другие учителя российской власти – А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. И. Солженицын.

В своих монументальных исследованиях *«Соборность в русской литературе»* и *«Пасхальность в русской литературе»* православный литературовед, профессор Литературного института И. А. Есаулов доказал: от незнакомого с христианским вероучением читателя ускользают многочисленные подтексты и скрытые важнейшие символы, а то и главные идеи, рассыпанные в произведениях отечественных писателей-классиков как XIX, так и XX столетия.

В годы советской власти, период государственно культивируемого атеизма, писатели нередко зашифровывали в тексте важные для себя христианские символы. Так, Александр Грин в таинственном образе *«Бегущей по волнам»* искусно спрятал образ Девы Марии. Гриневские персонажи часто размышляют об отношениях с Богом. Они любят поговорить о религии, об идеализме, о материи и духе. Герой новеллы *«Гранька и его сын»* «верил в Бога по-своему, то есть, наряду с крестами, образами и колокольнями, видел ещё множество богов тёмных и светлых. Восход солнца занимал в его религиозном ощущении такое же место, как Иисус Христос, а лес, полный озёр, был воплощением дьявольского и божественного начала». Упоминается Христос и в рассказе *«Канат»*. Герой рассказа *«Отравленный остров»* читает молитвы и отрывки из Библии. В тексте той же новеллы фигурирует *«пожелтевший от старости заглавный лист Библии»*. Герой рассказа *«Преступление отпавшего листа»* (1918) больше всего боится умереть, *«не узнав радости воскресения»*, *«лишаясь радости воскресения мёртвой души»*. Грин пытается передать *«острую печаль неверующего, которому перед смертью подносят к губам памятный с детства крест»* (рассказ *«Зурбаганский стрелок»*). А в новелле *«Дьявол Оранжевых вод»* (1913) повествователь обсуждает отношения человека с Богом. На внезапное предложение помолиться герой отвечает: *«Вы,*

неверующий, – молитесь, можете разбить себе лоб. А я, верующий, не стану. Надо уважать Бога. Нельзя лезть к нему с видом побитой собаки лишь тогда, когда вас припёрло к стене. Это смахивает на племянника, вспоминающего о богатом дяде только потому, что племянничек подмахнул фальшивый вексель. Ему также, наверное, неприятно видеть своё создание отупевшим от страха. Отношения мои к этим вещам расходятся с вашими...» Для писателя-христианина очевидно: *«...мир прекрасен. Всё на своём месте; всё божественно стройно и многозначительно в некоем таинственном смысле, который виден мне тридцать шестым зрением, но не укладывается в слова»* (рассказ *«Канат»*).

Ректор Литературного института А. Н. Варламов уделил отношению прозаика к религии главу в книге, посвящённой А. С. Грину, вышедшей в серии «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия», озаглавив её *«Христианской кончины живота нашего...»*. Трудно согласиться с утверждением: *«“Бегущая по волнам”... равно как и рассказы Грина последних лет, евангельскими реминисценциями бедны, а христианского духа в них также мало...»* Внимательное чтение романа *«Бегущая по волнам»*, написанного в 1925–1926 годах, убеждает: в нём немало аллюзий, связанных с культом Девы Марии. Тому, кто помнит о ходящем по водам на глазах потрясённых апостолов Христе, легко представить бегущую по волнам Деву Марию, оберегающую благочестивого человека в минуту смертельной опасности, пророчески предрекая ближайшее будущее, а затем исчезающую, как таинственное видение. Названная её именем шхуна – *«Бегущая по волнам»* – включается в ряд названий кораблей типа *«Санта Мария»*. В рассказе Грина *«Зурбаганский стрелок»* упоминается пароход *«Святой Георгий»*, а в новелле *«Истребитель»* – крейсер *«Ангел бурь»*. Севастопольский знакомый будущего писателя Малецкий устроился на пароход *«Мария»*, упоминаемый на страницах *«Автобиографической повести»*. В центре многих европейских городов – почти в каждой

католической стране, будь то Польша, Италия или Франция, а ныне и в католических сельских районах западной Украины – можно увидеть статуи Девы Марии. В монографии «Национальные образы мира» Георгий Гачев отмечал: «...вечно молодая-юная Мать-Пани-Жена-Дева-Королева. Недаром Марию-Богородицу почитали “королевой польской”». «Запрещено было молиться Богородице под именем КОРОЛЕВЫ ПОЛЬСКОЙ, как её в Польше называли уже целых два века. Значит, не только божественный и домашний сан у Матери-Девы, но и социумный: царский: Владычица – и светская она. ...Во всяком случае, Мария – сверхмного значит в Польше. Не только святыня религиозная (Матка Боска Ченстоховска), но и Королева, но и Молодая Мать-Жена, возлюбленная вечная...» Герой романа «Бегущая по волнам» Томас Гарвей был наказан капитаном шхуны за то, что защитил блудницу – как когда-то Спаситель в известном евангельском сюжете. Как и Дева Мария в различных житиях и апокрифах, Бегущая по волнам, предсказав будущее и спасая героя, просит никому не говорить о встрече с нею. Если внимательно проанализировать гриновский портрет Бегущей по волнам, в нём явно проступают иконописные черты: глубокая печаль в голосе и на лице, ореол святости, нимб: «Вокруг неё стоял отсвет, теряясь среди перекатов волн. ...В её чёрных глазах стояла неподвижная точка; глаза, если присмотреться к ним, вносили впечатление грозного и томительного упорства; необъяснимую сжатость молчания – больше, чем молчание сжатых губ». Писатель-символист и романтик даёт читателям и ещё одну деталь, заставляющую убедиться, что перед нами Царица Небесная: «Казалось, не среди опасностей морской ночи, а в дальнем углу царского дворца присела, устав от музыки и толпы, эта удивительная фигура». Расставаясь с автором-повествователем, Бегущая по волнам прощается с ним благословляющим жестом: «Она встала и положила руку на мою голову. Как мрамор в луче, сверкала её рука...», а затем делает движение, напоминающее то,

которое совершают желающие перекрестить на прощание покидаемого человека: «Она была на воде, невдалеке, с правой стороны, и её медленно относил волной. Она отступала, полуоборотясь ко мне, и, приподняв руку, всматривалась, как если бы уходила от постели уснувшего человека, опасаясь разбудить его неосторожным движением. Видя, что я смотрю, она кивнула и улыбнулась». Популярный в России в то время французский поэт Артюр Рембо в знаменитом стихотворении «Пьяный корабль», написанном в 1871 году, тоже упоминает бегущую по волнам Пречистую Деву: «И когда месяцами, тупея от гнева, // Океан атакует коралловый риф, // Я не верил, что встанет Пречистая Дева, // Звёздной лаской рычанье его усмирив» (перевод П. Антокольского). Или, может быть, чуть более точный перевод того же фрагмента Е. Витковского: «Я много дней следил – и море мне открыло, // Как волн безумный хлев на скалы щерит пасть, – // Мне не сказал никто, что океаны рыла // к Марииным стопам должны покорно пасть». Отзвуки христианской культуры слышны и в символическом эпизоде из романа «Бегущая по волнам», когда возникшая из воздуха рука спасает не только жизнь герою, но и статую от разрушения: «Это была продолговатая чугунная штамба, весом пудов 20, пущенная, как маятник, на крепком канате. Она повернулась в тот момент, когда между её слепой массой и моим лицом прошла тень женской руки, вытянутой жестом защиты. Удар плашмя уничтожил бы меня вместе со статуей, как топор (орудие неверующих, которыми они рушили храмы. – **Прим. Л. У. З.**) – стеариновую свечу (образ-символ из христианской сферы. – **Прим. Л. У. З.**), но поворот штамбы сунул её в воздухе концом мимо меня, на дюйм от плеча статуи. Она остановилась и, завертясь, умчалась назад. Этот обратный удар был ужасен...» При чтении этих строк вспоминается легенда об иконописце, которого от смертельного падения с высоких лесов спасла рука Богородицы. Симеон Полоцкий переложил эту легенду на стихи в первой

в истории восточных славян поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный». Главного героя романа «Бегущая по волнам» зовут Томас (в католической традиции – Фома). Можно предположить, что здесь автор даёт отсыл к Фоме Неверующему. Томас, так же как Фома, постоянно сомневается в увиденном чуде. Кроме того, в фамилии героя Гарвей повторяются две буквы из псевдонима автора – Грин, а вторая часть её может быть переведена как «путь» (way). В ту атеистическую эпоху, когда был популярен журнал «Безбожник», спрятать намёк на христианскую святыню за полуфантастическим образом морской богини в золотых туфельках для верующего писателя было вполне естественно. Известно, что к Грину в 1930 году пришёл молодой журналист Юрий Домбровский взять интервью для журнала «Безбожник», Грин отказался, ответив: «...я верю в Бога». Смущённого неудачей интервьюера он утешил: *«Лучше извинитесь перед собой за то, что вы неверующий. Хотя это пройдёт, конечно. Скоро пройдёт».*

В романе «Бегущая по волнам» мраморная статуя Бегущей подвергается нападкам и поношениям со стороны сильных мира сего. Её хотят разрушить влиятельные в городе люди. Горожане охраняют статую от этих вандалов. Эта статуя – скульптурный портрет таинственной девы, считающейся покровительницей города. В заключительной сцене романа «Бегущая по волнам» брошенная одноимённая шхуна, осквернённая разгулом и драками, бесславно разрушается, как разрушались в то время в СССР тысячи храмов. Они были разграблены, превращены в склады, тир, танцплощадки (как те же древние соборы Троице-Сергиевой лавры). Как пишет И. А. Есаулов в книге «Постсоветские мифологии: структуры повседневности»: «душу (России. – **Прим. Л. У. З.**)... пытались убить... взрывая православные храмы, вытряхивая из усыпальниц мощи русских святых, а потом там же “организуя” либо дома для умалишённых, либо общественные уборные». И всё же финал романа звучит светло и оптимистично: главный герой нашёл подтверждение своей веры в любимой девушке Дези, согласившейся с его объяснением

невозможного (двойное подтверждение бытия всего святого – вспомним многочисленные доказательства бытия Божия).

Радует, когда писатель не только в творчестве, но и в своей деятельности последовательно отстаивает православные ценности. Альберт Лиханов, возглавив 33 года назад первый в СССР Советский детский фонд, учредивший орден Святого благоверного царевича Димитрия «За дела милосердия», восстанавливает и бережно реставрирует домовый храм во имя великомученика Димитрия в усадьбе Тютчева в Армянском переулке, устанавливает памятную табличку о первом освящении митрополитом Филаретом, возобновляет в нём богослужения, а в своём родном городе Кирове дарит монументальное паникадило городскому храму. Организовав при Фонде издательство «Детство. Отрочество. Юность», опытный журналист, писатель, долгие годы возглавлявший журнал «Смена», начинает выпускать детский православный журнал «Божий мир», выходящий с января 1997 года по благословению Святейшего. Задача журнала – православное воспитание и просвещение, в увлекательной форме журнал рассказывает о тысячелетней истории РПЦ, о нашем Отечестве – его духовной основе, культуре и искусстве. Материалы «Божьего мира» предназначены для использования на уроках «Основы православной культуры» в школах – воскресных и общеобразовательных, – для чтения в семейном кругу.

В прозе Альберта Лиханова последних лет тема веры становится одной из центральных: в романе «Слётки» действуют два брата, Борис и Глеб, в сказке для незрелых «Мальчик, которому не больно» парализованного подростка излечивает священник. Непрост путь к вере героев писателя. Маша из романа «Сломанная кукла» в двенадцать лет впервые ставит свечку в храме, но спустя несколько месяцев, оказавшись в Лондоне, в драматическую минуту жизни чувствует потребность тайно от всех помолиться на коленях перед иконкой Богородицы размером с открытку, которую установила на тумбочку.

Христианская позиция писателя проступала уже в названиях повестей «Голгофа», «Благие намерения», написанных в 1979–1980-х годах, когда атеизм оставался нормой для миллионов советских людей. Десятилетиями размышляя над причинами крупнейшего за все эпохи кризиса детства в России и во всём мире, Альберт Лиханов приходит к мысли, что одна из глубинных причин этого – бездумный атеизм, неумение увидеть свою жизнь и жизнь своей семьи в масштабных координатах христианской культуры.

Альберт Лиханов принадлежит к тем писателям, кто мягко подводит ребёнка к христианским духовным ценностям. И здесь он не одинок: православным святым и подвижникам посвящены многие книги Владислава Бахревского, Валерия Воскобойникова. Ещё в советское время начал возрождать жанр православной сказки художник и писатель Георгий Юдин, автор исторического романа «Птица Сирин и Всадник на белом коне», сборника повестей «Муромское чудо», книги-путешествия «Сокровенная Каппадокия», первой исторической повести «Смиренный воин» о Георгии Победоносце, о его удивительных подвигах и чудесах, о почитании Георгия на Руси, о государственных праздниках и наградах, связанных с его именем. «Любимый святой России» – так озаглавил Г. Юдин последнюю главу своей книги, объясняющей читателям, почему именно «Георгиевский зал является для россиян пантеоном воинской славы, самопожертвования и героизма тех бесчисленных сынов Отечества, которые в грозные годы грудью вставали на защиту Родины. На мраморных лентах Георгиевского зала имена георгиевских кавалеров, среди которых – А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, Ф. Ф. Ушаков, П. С. Нахимов и др. Благоговейная торжественность зала создаёт впечатление присутствия покровителя воинов и неусыпного стража Отечества – духа Георгия Победоносца. Незримый сонм положивших «душу свою за други своя», за Родину призывает и нынешнее поколение самоотверженно служить Отечеству».

Владимир Крупин, возглавлявший литературный журнал «Москва» и создавший в нём специальную православную рубрику «Домашняя церковь», преподававший педагогику в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, одну из своих книг назвал «Православная азбука»: он объясняет ребёнку, что в телевизоре водятся бесы и как с ними бороться.

Особо хочется отметить словарь школьника «Православие» священника и писателя Ярослава Шипова. Он предлагает иную, весьма востребованную в современном растерявшемся школьном мире систему нравственных ценностей. Помогая отрешиться от многих советских и либеральных штампов, он возвращает педагогам традиционный, проверенный веками православный взгляд на отечественную историю и происходящее вокруг. Авторы одного из новейших школьных учебников отечественной истории сочли необходимым реабилитировать государственного деятеля К. П. Победоносцева. Озабочен этим и автор словаря школьника «Православие», дающий такую характеристику Константину Петровичу Победоносцеву: «человек глубокого ума и твёрдых религиозных убеждений, хорошо понимал, к чему может привести расшатывание духовных основ Отечества, и всей своей деятельностью активно противостоял разрушительным действиям либеральной идеологии». Легкомысленно-хлёсткая блоковская поэтическая характеристика – «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла» – на долгие годы заслонила от нас подлинное лицо этого талантливого и мудрого человека, а трагическая личная судьба Блока, вполне достойная стать иллюстрацией к некоторым тезисам Победоносцева, мало кем из педагогов и литературоведов до сих пор правильно понимается. Словарь священника Ярослава Шипова развенчивает советский миф о «декабристах, разбудивших Герцена». Непросто выпускникам советской школы – сегодняшним учителям – посмотреть на это историческое явление с православной точки зрения. Автор словаря «Православие» пытается им в этом

деле помочь: «Декабристы – члены тайных обществ масонского толка... намеревавшиеся совершить в России государственный переворот: свергнуть царя и захватить власть – и с этой целью предпринявшие 14 декабря... вооружённое выступление на Сенатской площади в Петербурге, во время которого декабрист Каховский убил героя Отечественной войны губернатора Петербурга генерала Милорадовича, который верхом на коне выехал на площадь, чтобы попытаться успокоить мятежников. После поражения выступления большинство членов тайных обществ были арестованы, 121 человек осуждён на различные сроки каторги и ссылки, а пятеро повешены». Автор словаря стремится помочь юным и взрослым читателям получить краткие сведения о великих подвижниках земли Русской и о событиях, с ними связанных, глубже понять отечественную историю, неотделимую от православия, узнать значения церковных терминов. Главные герои словаря – православные подвижники, монастыри, особо почитаемые иконы и храмы. Сквернословие в последние пятнадцать лет стало настоящей заразной болезнью среди отечественных школьников. Хорошо бы напомнить любителям ядрёных словечек предлагаемое в словаре священником Ярославом Шиповым православное понимание сквернословия: «Использование в разговоре ругательных грязных и грубых слов – один из самых распространённых грехов среди неверующих, человек верующий, привыкший к молитвенному общению с Богом и знающий, что Бог слышит всё, что мы говорим, и ведает все наши мысли, не может оскорбить мерзким словом слух Господа или Богородицы. “Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших”, – назидал апостол Павел...»

Увлечение теософией и книгами Рериха в педагогической среде привело к тому, что у менее склонных к модным увлечениям учителей возник специальный термин для темпераментных энтузиастов, энергично навязывающих свои взгляды более мудрым, спокойным коллегам и доверчивым

послушным детям, – «рерихнутые». Комментарии священника Ярослава Шипова по поводу учений Елены Блаватской и Николая Рериха достойны того, чтобы привести их: «Теософия (гр. – богопознание) – антихристианское философское учение о возможности непосредственного постижения “бога” с помощью мистической интуиции, доступной избранному кругу “посвящённых”. Признание возможности непосредственного общения со сверхъестественными потусторонними силами сближает теософию со спиритизмом и оккультизмом... С особенным усердием насаждало теософские воззрения “Теософское общество”, созданное в 1875 году Е. Блаватской. Базируясь сначала в России, потом в Англии, Америке, Индии, общество развернуло свою деятельность во многих странах мира. Не скрывая сатанинской сущности исповедуемого учения, Блаватская издавала журнал “Люцифер” (одно из имён сатаны). Впоследствии пагубные идеи теософии развивали Николай Рерих и его жена Елена, жившие в Индии». Тяжёлое впечатление остаётся у тех, кто посетил поместье Рерихов в посёлке Нагар в Гималаях, – комнаты, украшенные статуями Будды и иконами, выполненный сыном художника парадный портрет Николая Рериха в золотых одеждах далай-ламы, гигантская каменная кумирня у входа в центральный из пяти домов. В качестве секты, понимаемой священником Ярославом Шиповым как «организованная группа людей, замкнувшихся в рамках узкого религиозного учения, противоречащего учению господствующей Церкви и не совпадающего с интересами общества... разрушительной для духовного мира их последователей», рассматривается в словаре популярный у отечественной гуманитарной интеллигенции Фонд Рериха.

Словарь «Православие» свободен от политических оценок. Но трагические судьбы подвижников, отечественных священников, которым пришлось пострадать за Веру в кровавые двадцатые, мрачные тридцатые годы на советской земле, говорят сами за себя. Они способны объяснить вдумчивому

юному человеку истоки того духовного падения, массовой безнравственности, которыми обернулось уничтожение людей, призванных быть совестью нации: «Владимир Богоявленский... митрополит Киевский и Галицкий. Замучен и расстрелян у стен Киево-Печерской лавры... Иоанн Восторгов... миссионер, церковный публицист и издатель, знаменитый проповедник. Его богослужения проходили при огромном стечении народа, обличал власть безбожников. В 1918 году расстрелян на Ходынском поле... Пётр Полянский – митрополит, местоблюститель патриаршего престола... 9 ноября 1925 года митрополит Пётр был арестован. Не поддаваясь давлению гонителей Церкви, стремившихся расколоть, разрушить её, митрополит Пётр остался верен делу сохранения церковного единства. Ни продление срока ссылки, ни переводы во всё более отдалённые места, ни ужесточение условий заключения не смогли сломить воли митрополита. От истязаний он почти потерял зрение и слух, по несколько раз в день падал в обморок, однако сохранил верность Господу и Русской Православной Церкви, возглавлять которую ему довелось в столь суровое время. 10 октября 1937 года митрополит Пётр был расстрелян».

В словаре присутствует православное толкование двух ключевых слов для современного учебного процесса – «уныние» и «терпение». Тем, кто склонен впадать в уныние, священник Ярослав Шипов напоминает: «уныние – тяжчайший грех, приводящий к отчаянию. Уныние рождается там, где угасает вера в Бога, надежда на Него и любовь к Нему и к людям. Потому уныние – грех маловерия, богоотступничества». А по поводу терпения, без которого ничего достойного в современном мире сделать невозможно, также предлагается православное понимание этого судьбоносного для школьного мира качества: «Терпение – одна из драгоценнейших добродетелей. Показатель мужества, внутренней силы, стойкости, великодушия, внутреннего такта. Терпение необходимо во всех делах – общественных и личных,

в труде, во взаимоотношениях с людьми. Нетерпеливость, как противоположное качество, часто признак болезненности, внутренней слабости, ведёт к потере самообладания, к ошибкам, ссорам, унынию, отчаянию. Терпение в перенесении скорбей есть признак веры в безграничность доброты Божией и в то, что и страдания посылаются нам для нашего же духовного благоустройства».

Вселить в сердца школьников и учителей веру, надежду, любовь к Отечеству призваны серии, разработанные православной редакцией московского издательства «Росмэн», к сожалению, сегодня прекратившей своё существование. Но, убеждена, эти серии сыграли достойную роль в истории нашей детской литературы, перечислю их: «Святые России», «Твоё святое имя», «Душа России», «Отчизны верные сыны», «Наши православные святые», выходящие с подзаголовком «Для детей среднего школьного возраста, для семейного чтения». Георгий Юдин, Алексей Карпов, недавно ушедшая из жизни лауреат Госпремии РФ Ирина Токмакова, Елена Григорьева, петербургский прозаик Валерий Воскобойников писали в этих сериях книги, призванные помочь школьнику и учителям сквозь призму истории православия взглянуть на историю Отечества. Отказ от такого взгляда в прежние годы заставлял советских детских писателей произвольно адаптировать и подправлять российскую историю, давая окарикатурное изображение правителей огромной империи из династии Романовых (об этом несколько лет назад гневно писал московский детский писатель Лев Яковлев, обильно цитируя исторические повести Сергея Алексеева). А во всех советских детских книгах про великого Суворова замалчивалось, какое место в сознании полководца занимало православие. Лишь в изданиях последних лет стали полностью цитироваться его знаменитые слова: «Потомство моё прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы

чрез истину и добродетель, которые суть моим символом». Если сегодня в круг школьного чтения вместо «Гарри Поттера» удастся ввести хотя бы некоторые из перечисленных книг, о патриотическом воспитании перестанут говорить в сослагательном наклонении.

Уже с начала 90-х годов прошлого века православные литераторы пытались объединиться – на Рождественских чтениях, инициированных поэтом, сотрудником издательского отдела Патриархии, ныне покойным членом Союза писателей России Валентином Никитиным. В Петербурге прозаик Николай Коняев, также уже ушедший из жизни, в это же время создал Ассоциацию православных писателей.

Никогда не расходилось слово с делом в жизни и творчестве писателя-помора Павла Кренёва, 21 год прожившего в том же Петербурге, внука православного священника, построившего в родной деревне Лопшеньга Архангельской области православный храм во имя святых Петра и Павла и отважно, несмотря на угрозы и непонимание новых собственников, возвращавшего Православной церкви незаконно изъятые у неё в советское время строения, – он в 90-е годы возглавлял Управление государственного имущества Московской области. Цитаты из Библии, названия православных праздников и икон выносит прозаик в заглавие повестей и рассказов: «И на земли мир...», «Поздней осенью, на Казанскую», «Нечаянная радость».

Любимые герои Павла Кренёва нередко начинают размышлять о Боге на пороге смерти, в пограничной ситуации: возвращаясь к Нему после долгих блужданий, как пожилой пулемётчик Силантий, или открывая Его для себя, как юная Аня Матвеева.

Издавна хранит веру в душе как самую большую ценность лишь бабушка Парасья из рассказа «Поздней осенью, на Казанскую», к которой ночью перед смертью приходит Николай Угодник: «Он стоял у неё в ногах, худенький, невысокий седой старичок с добрым лицом. Стоял и тихонько ей улыбался». Смерть бескорыстной деревенской подвижницы

бабушки Парасьи – смерть праведницы, на таких испокон веков держался крестьянский мир: «Когда гроб лежал на поперечинах над вырытой могилой, от него исходил еле видимый тихий, туманный свет. Многие видели его и удивлялись: откуда взялось это чудное свечение?»

Обращается к Богу в минуту смертельной опасности шестнадцатилетняя Аня Матвеева из повести Кренёва «Беяк и Пятнышко», забытая на льдине в зимний мороз взрослыми членами зверобойной бригады, в которой она самая младшая. Наивно и трогательно звучит её исповедальный шёпот: «Я тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть ты или нет на белом свете. Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в тебя. Но в Тебя верит моя мама, а я ей доверяю больше всех на свете... Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет жить, я это точно знаю».

В повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова» оставшийся в живых Силантий обнаруживает на груди у младшего погибшего напарника маленький серебряный крестик и решает похоронить его по-православному – сделать из молодой берёзы крест: «Русские люди, несмотря на угрозы и запреты, во все времена советской власти хоронили своих покойников по православному обычаю. Этому почему-то не противились даже коммунисты». Да и сам Силантий возвращается к Богу в последние часы своей жизни, перед героической гибелью, каясь за совершённые когда-то недостойные поступки: «...вспомнилось ему вдруг, как, ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святые мощи яренгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святые иконы...» Неумело молясь, Силантий чувствует перед неизбежной скорой гибелью надёжную опору и настоящую поддержку: «С ним остался

только Тот, которого он когда-то позабыл, бросил, отрёкся от Него. Силантий отчётливо осознавал, чувствовал всем своим телом, как Он внимательно и заботливо смотрит на него и сопереживает ему в этой последней смертельной схватке, глядит из небесной выси, как лицом к лицу с врагом воюет рядовой двадцать третьей стрелковой дивизии Батагов Силантий Егорович. И осознание того, что он всё же не один в этом карельском лесу, что он не брошен, придало ему спокойствия и уверенности».

Решают для себя вопрос веры и герои исторической прозы Александра Кердана в его новом «Романе с фамилией». Воспитанный вне православной традиции, писатель никогда не забывал о прадедушке, строившем храмы в Курганской области. Может быть, именно поэтому полковник Кердан посвятил кандидатскую и докторскую диссертации размышлению над проблемами офицерской чести и пониманием нравственности в разные эпохи, и герои его прозы, посвящённой советскому времени (роман «Караул» и др.), даже будучи неправославными и невоцерковлёнными, стараются поступать по-православному. «Ты из окна своей квартиры // Глядишь на облачный чертог // И веришь в гармоничность мира, // В котором так талантлив Бог», – утверждал ещё двадцать лет назад лирический герой поэта в стихотворении «Какие чудные пейзажи...». Возвращение к вере отцов – единственное отрадное явление в современной реальности, дарующее надежду на будущее, с точки зрения офицера Александра Кердана, болезненно переживающего резкое изменение на карте очертаний родной страны, которую поэт-воин призван был более четверти века охранять: «Прорастает церквями Россия, // Словно порослью бывшая гарь... // Значит, всё перетерпим, как прежде. // Корни – в прахе, в крестах – купола... // Новый век прорастает надеждой, // Там, где горькая память была» (1998).

В историческом романе «Берег отдалённый...» Александр Кердан, как и священник Ярослав Шипов, предлагает

читателям иной взгляд на события 14 декабря 1825 года и государя императора Николая Первого, убеждённого, что «русским людям не нужны все эти конституции и парламенты, а нужен заботливый Государь и своя вера. Они одни и могут сделать народ счастливым!». Писатель разрушает красивый миф, десятилетиями изучавшийся в советской школе, и справедливость его исторических домыслов подтверждают многие из недавно опубликованных в России мемуаров и документов. В эпилоге романа автор упоминает записки Дмитрия Завалишина, который «... войдёт в историю как последний “декабрист”, увидевшие свет только за рубежом. Прочитав их, дальний родственник Завалишина и Толстого-Американца – Лев Николаевич Толстой откажется от своей затеи написать роман о деятелях двадцать пятого года: очень неприглядными покажутся они знаменитому писателю». В романе «Берег отдалённый» Дмитрий Завалишин обращается к потомкам со словом правды о происшедшем 14 декабря: «Правила, которыми руководствовались главные деятели тайного общества, были личные цели на первом плане, совершеннейший хаос в понятиях, непонятное легкомыслие людей, взявшихся за важное дело, отсутствие какой-либо подготовки к нему, какого-либо понятия о необходимости её для успеха, каких-либо соображений о последствиях. Все предпринималось наобум, все предоставлялось случайности. Четырнадцатого декабря действовали внешние обстоятельства, не зависящие от деятелей, которые, напротив, только портили все, что само давалось в руки. За дело исправления зла взялись люди фраз, а не дела...» Весьма похожую картину событий на Сенатской площади рисует и великий князь Александр Михайлович в мемуарах, основанных на свидетельствах очевидцев, с которыми ему довелось беседовать: «... их (декабристов. – Л. У. З.) план, если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить императора

принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова “конституция”. Солдаты спрашивали, не была ли “Конституция” именем польки, супруги великого князя Константина Павловича». Эту не придуманную деталь, выразительно демонстрирующую, какая пропасть отделяла сотню мечтателей-офицеров, свободно и красиво рассуждавших на нескольких иностранных языках, от миллионов не владеющих элементарной грамотой простых людей, ставивших вместо подписи крест, не мог не использовать в романе уральский писатель: «В памяти у Завалишина на всю жизнь остался случайно подслушанный разговор ямщика и денщика-матроса: “...А скажи, мил человек, кто государь-от обижанной? Как величать-то его?” – “Ну, конечно же, Константин Павлович, бывший цесаревичем... Ему ‘ура’ у монумента кричали, его до обиды допустить никак было нельзя... Он – заступник народный! А ещё кричали ‘ура’ Конституции...” – “А это кто ж такая?” – “Эх, ты – деревня! Ясно кто – супруга государева... Он её из самой Варшавы привезти обещался...” – “Послушай, братец, – не удержавшись, вмешался Завалишин, – конституция вовсе не имя, это слово совсем другое означает!” – “Что вы, ваша высокоблагородие, мне надъёшь в кабаке рассказывал один важный господин, что Конституция – должно быть, точно это и есть государева супруга! Иначе для чего бы люди из-за неё на смерть пошли...”»

Всё чаще наши современники словно проверяют день сегодняшний историческими сюжетами, объединяя в рамках одного произведения два исторических пласта, сопоставляя наше противоречивое сегодня с событиями давно минувших эпох. В новом романе Дмитрия Лиханова «Звезда и крест» также действие разворачивается сразу в двух временах, но движутся главные его герои в

одном направлении – к принятию монашества и к жертвенному служению Господу. Автор сопрягает два исторических пласта: действие стремительно разворачивается в 80-е и 90-е годы прошлого века в Шадринске (Курганская область), в Афганистане и в Москве и параллельно – в середине III столетия нашей эры – в античной Антиохии и на горе Олимп. Эпиграфами к главам, посвящённым превращению главного героя романа, юного Киприана, из жреца Аполлона в ревностного христианина, стали кондаки и икосы – жанры церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, с похвалой святому мученику.

Роман состоит из двух книг: «Звезда» (путь полковника к получению звезды Героя и Киприана – к титулу главного чародея) и «Крест» (воцерковление и уход в монастырь бывшего советского офицера, принимающего постриг под именем Киприан, и приход к христианской вере и гибель за неё на плахе бывшего могущественного чародея). Медленно, шаг за шагом, приближается юный Киприан к пониманию сути и смысла христианского учения: ещё мальчиком он услышал рассказы молодой антиохийской христианки, что в Иудее появился, был распят и воскрес новый Бог. Подростком с удивлением слушал рассказы о Христе – царе Иудейском – от одноглазого раба Феликса, читающего по-гречески 117-й псалом, переживая чудо внезапного Божественного благоухания и не понимая, как можно пойти на смерть и возрождение ради «людей совсем простых, рабов даже». Почему-то сразу запомнил чародей Киприан и афоризмы неистового Тертуллиана: «Душа по природе своей христианка», «Верую, потому что абсурдно». Так же, шаг за шагом, рисует Дмитрий Лиханов путь ко Христу юной красавицы Иустины, услышавшей от одноглазого каторжника великую истину: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог – это любовь». Иным путём приходит к вере другой герой Дмитрия Лиханова – наш современник, окончивший Челябинское высшее военное командное училище

штурманов, он ещё во время учёбы внезапно ощутил «абсолютную уверенность в Божием промысле, который не допустит его гибели в этой первозданной, ангельской лазури». Впервые о Боге он задумался в десятом классе, когда случайно попал на литургию в сельский храм и испытал острую радость очищения. А в 1985 году нашёл дома, в Шадринске, на задворках берёзового шкафа зелёный том Библии с пометками отца.

...Ещё в 20-е годы прошлого века философ Семён Франк в работе «Духовные основы общества» писал: «сочетание духовного безверия с шаткостью и бурностью стихийного исторического движения образует характерное трагическое своеобразие эпохи – при безверии история должна остановиться, ибо она творится верой; потерявшие способность творить историю люди находятся во власти её мятежных сил; мутные яростные потоки стихийных страстей несут людскую жизнь к неведомой цели: попавшие во власть не просветлённого мыслью хаоса стихийных исторических сил гибнут: самая многосведущая из всех эпох приходит к сознанию полного бессилия, неведения и беспомощности».

Конечно, нельзя ограничиваться только перечисленными мною прозаиками. Среди членов Ассоциации писателей Урала немало зрелых мастеров, которые сердечно и глубоко пишут о своём пути к вере, им не грозит дешёвое искушение экскурсионным

православием, в которое нередко впадают неопиты. Добавлю к уже названным ещё несколько имён: это уральские и сибирские поэты и прозаики Дмитрий Мизгулин из Ханты-Мансийска, Светлана Сырнева и Виктор Бакин из Кирова, Сергей Козлов и Леонид Иванов из Тюмени, Валентина Ерофеева-Тверская и Татьяна Четверикова из Омска, Андрей Расторгуев и Арсен Титов из Екатеринбурга, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара. Каждый из них в меру своего таланта убедительно отстаивает и утверждает в своих книгах истинность и плодотворность христианского мироощущения, столь необходимого нашему гибнущему миру.

Закончить же я хочу строками из стихотворения замечательной омской поэтессы Валентины Ерофеевой-Тверской:

Очнитесь, православные,
Неужто поослабли мы,
Церквей не слышим звон?!
С разором дружно справимся,
На то и духом славимся,
Пребудет с нами Бог!
Посеем лён с пшеницею...
И русские традиции
Пусть возродятся в срок.
Ах, Русь многострадальная,
Душа исповедальная,
Пречист лазорев цвет.
Умывшись ранней зорькою,
Стань сильною и зоркою,
Храни Господний свет!

ШАПКИ УШАМИ КВЕРХУ И ВНИЗ

Пустой автобус брали штурмом. Знали, дорога дальняя, и трястись больше часа на ногах никому не хотелось. Я избавлю читателя от описания того, как большая толпа продрогших на морозе мужчин рвётся в обе двери автобуса, – картина знакомая. Стоит, однако, заметить, что толпа эта хотя и состояла из лиц гражданских, но являла собой военизированную единицу. Это была одна из групп офицеров запаса, призванных на краткосрочную учёбу.

Не знаю, как в подобной ситуации вели бы себя резервисты наших потенциальных противников, заняли бы кресла по списку либо какому-то другому организующему началу, но здесь, в сибирском городе, мы напирали на ту часть боевого устава пехоты, в которой сказано, что боец, временно оказавшийся без командира (староста группы был не в счёт), должен полагаться на себя – на свою силу и смекалку. С таким настроением посадка заняла и времени, и сил куда больше положенного, зато тот, кто добыл своё сидячее место с боем, мог почувствовать себя вполне счастливым и удачливым.

Около часа прождали неизвестно чего. Наконец все три автобуса с «партизанами» – так у нас называют призванных на переподготовку – тронулись в путь, на стрельбище.

Улицу, по которой мы ехали, не успели расчистить от снежных заносов. Ухабы играючи подкидывали и мотали автобус, а борющиеся за устойчивость пассажиры колыхались, как нечто целое, как слаженный и вымуштрованный коллектив физкультурников, демонстрирующих синхронные движения. Все на время приумолкли, словно призадумались о чём-то

одном, о том, к примеру, придётся или нет им, военнообязанным, надеть когда-нибудь одинаковые серые шинели и вот так же, ухватившись за поручни и друг за друга, испытывать тряску единящей прифронтовой колеи?.. О чём-то тогда будут думы? И что прочитаешь в незнакомых взглядах – братский ли отзыв или хмуро-потаённую озабоченность только собой? Никто из нас, хоть и прожили мы немало, не мог рассказать, как оно бывает в этих случаях.

Вдруг выстрел! У нашего автобуса лопнул задний скат. К счастью, поломка случилась неподалёку от автобазы, куда машины и подружили. Две исправные припарковались в сторонке, а наша остановилась напротив железных ворот. Водитель попросил нас выйти.

Изменчива фортуна! Не успели сидевшие насладиться своим положением, как пришлось расставаться с креслом, зато те, кто стоял, повеселели: они получали шанс отыгаться при новой посадке. Но и эти, безусловно, важные в тот момент соображения быстро уступили место другим. На улице была всё та же холодрыга, и теперь мысли у всех вертелись в основном вокруг этого фактора: надолго ли задержка, сноровистый ли попался водитель или, наоборот, растяпистый, с ленцой – этот уж точно заморозит...

– Сигналь! Чего они там! – слышались нетерпеливые голоса.

Водитель гуднул. Время тотчас остановилось, а если и продолжало течь, то не быстрее, чем мёд с ложки.

– Вот сурки, сидят себе в тепле и в ус не дуют. Уснули, что ли? Шарахнуть бы кирпичом – живо повыбегут.

Но тут, словно испугавшись угрозы, ворота затряслись, загудели, завывали – это заработала доморощенная механизация, не признающая прочие отечественные и мировые образцы, – и рывками, с остановками поехали в сторону. Сопровождаемый участливыми взглядами, автобус наконец въехал в чудо-ворота и остановился у будки диспетчера. Поглощённые наблюдением за тем, как раздетый водитель в три заячьих прыжка одолел расстояние от кабины до окошка диспетчера, а затем вёл с ним необходимые переговоры, мы не сразу заметили, что от нашей братии отделились трое и уверенно пошли к автобусу. Впереди размашисто шагал плотный мужчина в дублёнке с поднятым воротником и седой каракулевой «эспаньолке», а за ним – на интервале ординарцев – едва поспешали две сутулые фигуры с кожаными папками. Ни дать ни взять важные персоны из центра или какая-то комиссия – расступись и отвори. За кого именно принял водитель троицу, осталось неизвестным, только он без разговоров посадил её в салон. Двери автобуса захлопнулись, а следом, как занавес в театре, задёрнулись, заскрежетали и сомкнулись железные челюсти ворот.

– Ты глянь, неплохо устроились, – сказал кто-то, впиваясь завистливым взглядом в автобус, проследовавший к ремонтному боксу.

– Хитрозадые, они всегда так. Только и на них найдётся штука – та самая, с винтом...

А положение наше оставалось дурацким – ни присесть, ни приткнуться. Пронизываемые стужей, незнакомые люди сбивались в летучие, легко распадающиеся группки. Одну – самую большую и устойчивую – сколотил рыбацкий и охотничий интерес. Там деловито обменивались секретами ужения, травили байки из серии «хотите – верьте, хотите – нет». Ещё одну группку собрал рассказчик, побывавший в прежней Югославии, где «очень много наций, ну как у нас, на Кавказе». Особняком стояла пара, в которой один только говорил, второй только слушал. Говоривший рассказывал о своих злоключениях с рацпредложением, а слушавший – мрачноватый высокий парень, по виду заскорузлый холостяк – лишь медленно

водил по сторонам глазами, изредка кивал, в то время как губы его и щёки непрерывно, с поражающей быстротой вылущивали семечки. Бедолага, похоже, не успел позавтракать.

Были в толпе и одиночки – они или держались сами по себе, или переходили от одной группки к другой – смотрели, слушали, но не вступали в разговоры. Один из таких бродячих индивидуалистов, задумчиво пинавший снежную кочку, выковырял из неё какую-то резиновую грушу.

– Мужики! Я мячик откопал! – возвестил он громко о своей находке и тут же пустил её по кругу. Группки мигом рассыпались, затеялась нехитрая игра для ног, по условию которой «осаленный» должен был поразить мячом кого-то другого.

– А давайте в футбол, на две команды! – предложил один из молодцов – круглолицый, в ботиночках и в шапке с поднятыми ушами. Он был при мягкой окладистой бороде. Его высокий свежий голос пронзительно звенел, косоватые озорные глаза посверкивали.

– Идёт. А как поделимся?

Молодец почесал за ухом и выдал:

– Да хотя бы так: в одну команду – те, у кого уши шапок подняты, в другую – у кого опущены.

Все запереглядывались, стали считать. Чудно: оказалось почти поровну. Только с поднятыми ушами на двоих больше.

– Так и быть, пойду за вислоухих, – вызвался один из зимостойких и скорёхонько закрыл свои уши, которые до этого потирал украдкой.

На площадке размером с волейбольную команды обозначили ворота, разошлись по сторонам. Каждый, будто впервые увидев, с любопытством рассматривал и своих, и противников. Никто из них никогда не выделял людей по этому признаку – способу ношения шапок, но вот теперь увиделось, что каждая из разведённых друг против друга сторон явила собой какую-то общность, родство. Носители шапок с поднятыми ушами выглядели более задиристо, моложе и бесшабашнее, а «вислоухие» тоже как на подбор, с угрюминкой и решимостью не уступить. Не потому ли и назва-

ния команд – «Петушки» и «Таксы» – нашлись сразу и не вызвали возражений, только смешки.

Игра началась с бурных атак малиноволосых «петушков», одетых более легко и ярко. Но их скоростной и напористой игре «таксы» сразу – будто век играли вместе – противопоставили глухую защиту. На ограниченной площадке она была в самый раз. Прорить сплошную стену полушубков, валенок, унтов – всего этого у «такс» оказалось несравненно больше – практически было невозможно. И в атаку они ходили плотной тевтонской «свиньей» – раскидывая, раздвигая менее сплочённых и сыгранных «петушков». Счёт хоть и медленно, но неудержимо пополз в пользу вислоухих.

В один из сумбурных моментов игры, всё более смахивающей на регби, мяч вдруг потерялся. Лишь немногие заметили, что он влетел между ног одному из «вислоухих» – коротышке в унтах. Не растерявшись, игрок зажал его крепче и в сумятице запрыгал, как конь со спутанными ногами, к воротам противника. Все непонимающе смотрели на прыгуна, а тот доскакал до самой линии ворот, раскинул полы пальто и с ходу пробил по выпавшей груше. Вислоухие загоготали, заухмылялись и по-хоккейному облепили коротышку, похлопывая его и друг друга по покатым местам.

«Петушки» приуныли, но тут, едва игра возобновилась с центра, их капитан – тот самый, что был при бороде и с молодыми глазами, – прыгнул к мячу и с криком, заставившим вздрогнуть, ринулся к воротам мимо опешивших «такс». «Гады! Мафиози!» – выкрикивал он так зло и громко, что было не понять: заблажил или взъярился на самом деле. «Го-о-ол!» – заорали «петушки», и их крик тут же слился с сиреной автобуса, подкатившего к воротам.

Напоследок кто-то пнул подальше грушу, кто-то проворчал на него, мол, лучше бы взять её с собой на всякий случай – ещё неизвестно, как там, на полигоне, придётся время коротать.

Хотя игра прекратилась, но команды так и держались порознь, они и на посадку ринулись всяк по-своему и всяк в свои двери. И что же? В то время как «петушки» друг за дружкой споро заскакивали в салон, голову «свиньи» вислоухих

напрочь заклинило в дверях. Когда же после титанического напора пробку пропихнули и первые помятые «таксы» скорее вползли, чем вошли в салон, «петушки» приветствовали их с кресел дружным и насмешливым «ко-ко-ко». Лишь трое из сидевших удручённо помалкивали – это была та самая троица, что проникла в автобус отдельно от всех и которой «петушок» в солдатской тужурке пророчил неминуемую кару. Похоже, она свершилась: в отличие от разгорячённых футболистов трое сидели кислые, с серыми лицами. Как оказалось, автобус загнали на ремонт в сильно загазованный бокс – вот они и наглотались гари до помутнения во взоре...

Один за другим автобусы пошли по разбитым дорогам окраины на загородную магистраль. Мы ехали на стрельбище. Мы пока играли в военных, в тех, кто, прогреми на границе гром, обязан явиться в назначенный день и час к месту сбора и получить уравнивающие с другими оружие, сапоги, шинель и шапку, уши которой будешь поднимать или опускать только по команде.

Пассажиры снова мотало и разом подкидывало на ухабах, но мне уже не приходила мысль о той единой одинаково мыслящей и двигающейся группе, что привиделась вначале. Всех этих людей я немножко, очень немножко, но узнал. В голову лезла другая навязчивая, но не вполне этичная мысль: а как повели бы себя эти едущие на стрельбище мужчины у огневой черты? Не начнётся ли и там негласное деление на «петушков» и «такс», не найдутся ли среди них двое-трое, кто и на войне отыщет тёплое местечко? Ну а ты сам? О себе-то подумал?..

Но задумываться о себе всегда что-то мешает. Вот и на этот раз на задней площадке произошло какое-то движение, привлёкшее внимание остальных. Оглянулся и я и увидел, как коротышка в унтах, тот, что прыгал с мячом, зажатый между ног, взбирался под одобрительные реплики и смешки на «плацкарт» – площадку у большого заднего стекла. Весело уместился и, сделав плутовскую мину, изрёк, покачивая ножкой:

– Смотрите на Венеру Милосскую!

Юрий ЧЕРНОВ

ЛЕС «ТИХОГО ДОНА»

На территории Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова заложен и развивается эколого-литературный лесопарк «Жемчужина Евразии». Он включает в себя 100 участков, на которых высажены растения, наиболее типичные для 50 регионов России и 50 ведущих стран Европы и Азии. Работа по созданию парка начата в 2013 году и в настоящее время продолжается. Значительная часть территории парка посвящена творчеству М. А. Шолохова – мастера пейзажа, певца донской природы.

Сотрудники музея провели анализ флоры, изображённой в романе «Тихий Дон», частотность описания тех или иных деревьев и трав. На основе этих исследований мы создали эталонный участок, где можно увидеть все виды и все пейзажи шолоховской степи, а также Лес «Тихого Дона», где растут все 26 видов древесно-кустарниковых пород, упоминающихся в романе. Лес, в котором каждое дерево так или иначе связано с героями романа, их чувствами и переживаниями.

Трудно представить литературное произведение, где бы писатель не обращался к описанию пейзажа. Роль пейзажа при рассказе о месте и времени изображаемых событий весьма велика.

Во многих произведениях художественной литературы картины природы играют большую роль: описание пейзажа – это фон, на котором происходят описываемые события, это одно из главных средств раскрытия душевных переживаний героя. Автор, используя пейзаж, выражает свою точку зрения на происходящие события, представляя их читателю. Пейзажные зарисовки имеют и композиционное значение

при описании и раскрытии характеров героев, предваряя какие-либо события в жизни персонажей произведений в будущем. И в то же самое время скрупулёзное, достоверное описание пейзажа может играть и ещё одну, не менее важную, на наш взгляд, роль, помогая восстанавить исторический ландшафт той местности, на которой происходят эти события.

Творчество Михаила Александровича Шолохова являет собой самый благодатный материал для этой работы, представляя огромную культурно-историческую и художественную ценность. Пейзаж Шолохова не имеет анало-

гов в мировой литературе по своему многообразию, тесной связи с характерами и происходящими событиями.

«Тихий Дон» – грандиозное произведение русской литературы XX столетия, наиболее полно и зримо выразившее величие и трагедию исторического пути нашего народа в минувшем веке. М. А. Шолохов раскрывает миропонимание, устои и быт донского казачества, связанного кровными узами с родной природой, со своей землёй. Природа в произведениях Шолохова составляет огромный и разнообразный мир. Только в романе «Тихий Дон» насчитывается около 250 развёрнутых описаний природы.

«Вера в единство человека и природы составляет главную причину того, что произведения Шолохова, особенно «Тихий Дон», насыщены аналогиями, соотносящими поступки человека и его внутренние переживания с миром природы», – пишет Г. С. Ермолаев, посвятивший природе специальный раздел в своей книге «Михаил Шолохов и его творчество». Соотнесённость жизни людей с миром реальной природы пронизывает прозу Шолохова. Например, чувствам главных героев «Тихого Дона» Григория и Аксиньи соответствуют такие образы природы, как лес, степь, Дон, которые всё время изменяются в унисон с их чувствами и переживаниями. В описании природы уделено внимание цвету, звукам, температуре.

Г. С. Ермолаев отмечает, что одной из наиболее заметных особенностей шолоховского языка является его образность. Сравнения он считает основным тропом при исследовании этого феномена. Употребление сравнений в «Тихом Доне» он сопоставляет с употреблением их в «Войне и мире» Л. Толстого и в «главных произведениях шести советских писателей». Выделяя в особую группу «человек – природа» наиболее яркие по форме сравнения в «Тихом Доне», Ермолаев пишет, что в основе

этих характеристик лежит авторская концепция единства человека и природы. В «Тихом Доне» он выделяет 274 сравнения, «Войне и мире» – 63, в «Пирующей весне» А. Весёлого – 88, в «Докторе Живаго» Б. Пастернака – 76, у остальных – меньше. Итак, исследователь, насчитав в романе Шолохова наибольшее количество описаний природы, констатирует: «Такое изобилие является красноречивым доказательством любви писателя к природе и знания им природы, особенно природы его родной донской земли».

Отличительной особенностью пейзажей М. А. Шолохова является их научная достоверность. В текстах описаны представители флоры донской степи, при этом заметна информационная полнота и точность их представления. При описании степи он уделяет пристальное внимание травяному покрову: отмечает виды трав, цвет, структуру и т.д.

Вот, например, описание степного участка из «Тихого Дона»: «Травы от корня зеленели густо и темно, вершинки просвечивали на солнце, отливали медянкой. Лохматился невызревший султанистый ковыль, круговинами шла по нему вихреватая имурка, пырей жадно стремился к солнцу, вытягивая обзерненную головку. Местами слепо и цепко прижимался к земле низкорослый железняк, изредка промереженный шалфеем, и вновь половодьем расстилался взявший засилие ковыль, сменяясь разнотравьем: овсюгом, желтой сурепкой, молочаем, чингиской – травой суровой, однолюбой, вытеснявшей с занятой площади все остальные травы».

Исследователи отмечают, что Шолохов соединяет в своём творчестве восторг художника с зоркостью опытного естествоведа.

Михаил Александрович представил читателям растительность разнотравно-типчакowo-ковыльной степи, так же как и лесов Подонья.

В творчестве многих русских писателей символ дерева играет важную роль. И в этом случае, чтобы вникнуть в глубинный смысл произведения, нужно проанализировать «язык

деревьев», их символический смысл, понять, какую смысловую нагрузку несут деревья, к описанию которых обращается автор.

Человек и природа: в произведениях М. А. Шолохова это неразрывное единство проявляется также в том, что он как бы добавляет штрихи к судьбам людей через призму изображения жизни деревьев как значимой части шолоховских пейзажей.

«Над могилой Петра шумел молодыми ветвями посаженный недавно тополь: на вершинке его наступающая осень уже окрасила листья в желтый, горький цвет увядания. Через разломанную ограду, между могил телята пробили тропинки; около ограды проходила дорога к ветряку; посаженные заботливыми родственниками покойников деревца – клены, тополи, акация, а также дикорастущий терн – зеленели приветливо и свежо; около них буйно кучерявилась повитель, желтела поздняя сурепка, колосился овсюг и зернистый пырей...».

В этом пейзаже – единение начала и конца жизни: «горький цвет увядания» и «деревца – клены, тополи, акация, а также дикорастущий терн – зеленели приветливо и свежо».

Сравнение внешнего вида человека с деревом также рисует яркую картину: «Как страшно переменялась Наталья за одну ночь! Сутки назад была она, как молодая яблоня в цвету, – красивая, здоровая, сильная, а сейчас щеки ее выглядели блее мела с Обдонской горы, нос заострился, губы утратили недавнюю яркую свежесть, стали тоньше и, казалось, с трудом прикрывали раздвинутые подковки зубов». Здесь противопоставление жизни и смерти усиливается описанием цветущей яблони...

«Свахи, обнявшись, сидели на сундуке, глушили одна другую треском голосов. Ильинична поыхала вишневым румянцем, сваха ее зеленела от водки, как зашибленная морозом лесная груша-зимовка».

Образность сравнений потрясающая – читателю портреты двух подвыпивших свах предстают как на полотне талантливого художника.

И яблоня, и вишня, и лесная груша-зимовка – одни из самых распространённых плодовых деревьев в начале прошлого века на Дону. Менее распространённым по сравнению с вишней в садах казаков был абрикос, но и он появляется на страницах романа:

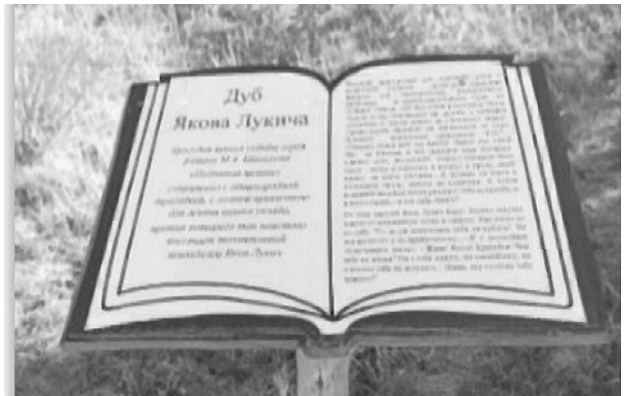
«Над хутором оранжевым абрикосом вызревало солнце, под ним тлели, дымясь, облака. Резкий морозный воздух был насыщен сочным плодовым запахом...»

Шёл 1916 год, тревожные предчувствия предстоящих перемен витали в воздухе. Не от того ли такой пейзаж появляется на страницах романа: тлеющие облака, не «вызревшее» ещё солнце?

Деревья, лес – их описания зачастую исполняют важную роль не просто и не только в раскрытии душевного состояния героев, но и предвещают, предсказывают предстоящие события. Вновь обратимся к роману «Тихий Дон».

«В погожий сентябрьский день летала над хутором Татарским молочно-радужная паутина, тонкая такая, хлопчатая. По-вдовьему усмехалось обескровленное солнце, строгая девственная синева неба была отталкивающе чиста, горделива. За Доном, тронутый желтизной, горюнился лес, блекло отсвечивал тополь, дуб ронял редкие узорчато-резные листья, лишь ольха крикливо зеленела, радовала живучестью своей стремительный сорочий глаз».

Лес жил как бы в предчувствии надвигающейся беды. Краски тополя поблели, дуб, олицетворяющий мощь, теряет жизненную силу, роняя «редкие узорчато-резные листья», лишь ольха, как легкомысленная женщина, ни о чём не печалится. Этот пейзаж предвещает последующие печальные события. В этот день Пантелей Прокофьевич Мелехов получил пись-

мо из действующей армии о том, что его сын, Григорий, погиб.

Следующее описание осеннего пойменного леса достаточно выразительно – одно-два предложения, и вся картина в подробностях встаёт перед глазами: «За Доном в лесу прижилась тихая, ласковая осень. С шелестом падали с тополей сухие листья. Кусты шиповника стояли, будто объятые пламенем, и красные ягоды в редкой листве их пылали, как огненные язычки. Горький, всепобеждающий запах созревшей дубовой коры заполнил лес...».

Этот пейзаж служит фоном размышлений Пантелея Прокофьевича о бренности человека, эфемерности его жизни...

И уже совсем иная картина, и описание деревьев здесь жизнеутверждающее, оно идёт вразрез с военными событиями, развёртывающимися на страницах романа, со смертью, которую несёт война. Этот контраст как бы подчёркивает, что жизнь превыше смерти, которую несёт сам человек: «А весна в тот год сияла невиданными красками. Прозрачные, как вытекленные, и погожие стояли в апреле дни... На вербах зеленели сережки, липкой духовитой почкой набухал тополь.

Надо отметить, что выражению чувств Аксиньи в романе часто сопутствует, раскрывая их читателю, именно лесной пейзаж.

«Предутренняя тишина и голубой туман стояли над лесом. Клонились к земле отягощенные росой травы. В музгах недружно квакали лягушки, и где-то, совсем неподалеку от землянки, за пышно разросшимся кленовым кустом скрипуче кричал коростель.

Аксинья прошла мимо куста. Весь он, от самой макушки до сокрытого в густейшей травяной поросли ствола, был оплетен паутиной».

Ничто не трогает чувств Аксиньи в этом лесу, живущем своей жизнью, совсем не нужен ей Степан, к которому она приехала в лагерь. Она сама, как тот кленовый куст, опутана паутиной тяготящей её связи с мужем...

Но мысль, что, возможно, ждёт её Григорий в Вёшенской, преображает лес: он скинул с себя пелену тумана и горестного равнодушия, он ожил: *«...и мир открылся Аксинье в его сокровенном звучании: трепетно шелестели под ветром зеленые с белым подбоем листья ясе-*

ней и литые, в узорной резьбе, дубовые листья; из зарослей молодого осинника плыл слитный гул... С тополевых веток капал сок. А из-под куста боярышника сочился бражный и терпкий душок гниющей прошлогодней листвы».

Аксинья по тому же осеннему лесу возвращается в станицу. Уставшая, засыпает. И лес меняется, кажется, природа о чём-то хочет предупредить Аксинью.

«Сильнее дул ветер, клонил на запад вершины тополей и верб. Раскачивался бледный ствол ясеня, окутанный белым кипящим вихрем мечущейся листвы. Ветер снижался, падал на доцветающий куст шиповника, под которым спала Аксинья...»

М. А. Шолохов, описывая душевное состояние и настроение главной героини после болезни, предельно приближает её к природе.

«Бездумно наслаждаясь вернувшейся к ней жизнью, Аксинья испытывала огромное желание ко всему прикоснуться руками, все огля-

деть. Ей хотелось потрогать почерневший от сырости смородиновый куст, прижаться щекой к ветке яблони, покрытой сизым бархатистым налетом, хотелось перешагнуть через разрушенное прясло и пойти по грязи, бездорожно, туда, где за широким логом сказочно зеленело, сливаясь с туманной далью, озимое поле...»

Красоты природы не оставляют равнодушным и Григория, потомственного казака-воина, которому, казалось бы, не до сентиментальностей такого рода. Но вот он «залюбовался росшим на склоне буерака кустом черноклена. Опаленные первыми заморозками листья его светились дымным багрянцем, словно присыпанные пеплом угли затухающего костра».

В одном из эпизодов такой же куст черноклёна отвлекает от размышлений и его отца. «Несказанно нарядный, он весь сиял под холодным осенним солнцем, и раскидистые ветви его, отягощенные пурпурной листвой, были распахнуты, как крылья взлетающей с земли сказочной птицы. Пантелей Прокофьевич долго любовался им».

Эти эпизоды «любования» позволяют Шолохову ещё раз обозначить близость казаков к природе. Картины природы служат фоном, подчёркивающим, усиливающим чувства и переживания Григория. Несмотря на уговоры Аксиньи, он едет из Вёшенской в хут. Татарский проводить детей, и «воспоминания хмелем ударили в голову». Вспомнил он и «шатристое деревцо калины», которое «стоит на отшибе, одинокое и старое. Его видно с мелеховской база, и каждую осень Григорий, выходя на крыльцо своего куреня, любовался на калиновый куст, издали словно охваченный красным языкастым пламенем».

Его зовёт отчий дом, и изображение «шатристого деревца калины» неподалёку от усадьбы Мелеховых, такого привычного и родного Григорию, как бы подчёркивает это.

Михаил Александрович Шолохов с любовью рисует лес в каждое время года. И делает это он по-научному точно и подробно, как ху-

дожник – вдохновенно и красочно, трогательно до глубины души, скрупулёзно подмечая все особенности и характеристики объекта.

И здесь не лишним будет ещё раз подчеркнуть историческую ценность изображения деревьев, равно как и травяного покрова степи, в произведениях Шолохова, потому что это даёт возможность восстановить ландшафт вековой давности. На страницах романа «Тихий Дон» предстают перед нами разные деревья с различной частотой: дуб – 40 раз, верба – 37, тополь, ива, береза, тёрн – 14, шелюга – 12, ольха, боярышник – 10, калина – 9, яблоня – 8, сосна, груша, шиповник – 7, вяз, клен – 5, ясень, вишня, акация – 4, абрикос – 3, осина, шелковица, смородина – 2, чернотал, белотал, слива – 1.

Читая шолоховские строки, так легко представить всё описанное и на основе этого воссоздать именно тот лес, который видел Михаил Александрович – Лес «Тихого Дона». Заложенный на территории парка, он – пример практического использования литературного ландшафта. Здесь высажены все виды древесно-кустарниковых пород, которые упоминаются на страницах романа.

Мы наверняка не могли бы знать, какой видели люди природу, как к ней относились лет сто назад, но мы можем это представить благодаря шедеврам мастеров слова. Воссозданные ландшафты стали своего рода музейными экспонатами. Они вошли в экскурсионные эколого-литературные маршруты, проложенные по территории парка. Все желающие могут пройти по этим маршрутам, ознакомиться не только с творчеством гениев литературы, но и с воссозданным ландшафтом их исторического времени. Литературные деревья вошли в реальную жизнь со страниц книг. У каждого из писателей, которые представляют тот или иной регион в нашем лесопарке, может быть свой, литературный, лес. Лес из тех деревьев, которые «растут» на страницах их произведений.

Тарас ТУРЧИН

Его имя сегодня знакомо практически всем жителям Чувашии. Его хорошо знают и уважают и в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, и в Государственной Думе Российской Федерации, и в Представительстве Президента России в Приволжском федеральном округе...

Сегодня он в Чебоксарах, завтра – в Москве, послезавтра – в Нижнем Новгороде. Вчера по его инициативе в Чебоксарах появилась «космическая» аллея, сегодня он сопровождает известного российского космонавта в его поездке в село Шоршелы Мариинско-Посадского района Чувашии – на родину Космонавта-3 А. Г. Николаева, а завтра...

Речь, конечно же, идёт о председателе Союза садоводов Чувашской Республики Юрии Соколове.

Юрий Анатольевич возглавил самую многочисленную общественную организацию Чувашии (объединяет 354 тысячи садоводов) относительно недавно – в январе 2014 года. Но сколько добрых и масштабных дел уже сделано за этот непродолжительный период Союзом садоводов, Юрием Соколовым и его командой!

Активную жизненную позицию и самоотверженный труд Юрия Соколова, направ-

ленный на благоустройство исторических мест Чувашии и России, в последнее время заметили и оценили по достоинству и в руководстве Чувашии, и в руководстве Приволжского федерального округа, и в Государственной Думе России, и, конечно же, в отряде космонавтов в Центре подготовки космонавтов имени Ю. Гагарина.

А вот перед нами автограф прославленного лётчика-космонавта России, начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина Юрия Лончакова: «Юрию Анатольевичу с благодарностью и уважением, настоящему Гражданину России, настоящему патриоту своей Родины с пожеланиями добра, мира, успехов во всём. История нашей России многогранна и величественна. Спасибо Вам за ту память, которую Вы храните в наших сердцах! Ю. Лончаков».

Искренне поддержали инициативы и плодотворную деятельность главного садовода Чувашии и депутаты Государственной Думы Иосиф Кобзон, Олег Валенчук и Алексей Воевода.

Чувашская Республика свято чтит память легендарного земляка Андрияна Николаева. В августе 2017 года, в честь 55-летия первого космического полёта А. Г. Николаева, в саду «Покорителям космоса» под руководством Юрия Соколова состоялась торжественная закладка аллеи из 25 голубых елей – по количеству мужчин-космонавтов в первом отряде, их было 20 человек, и зачисленных в него в 1962 году пяти женщин-космонавтов. Высажено также 550 фруктовых деревьев – яблонь и груш.

В последнее время не только в Чувашии, но и за её пределами стала проводиться работа по увековечению подвига космонавтов. Инициатор и автор проекта – советник директора главного ботанического сада имени Н. В. Цицина Российской академии наук, координатор группы волонтеров, поддерживающих создание парков и площадей имени Ю. Гагарина по всему миру, председатель Союза садоводов Чувашской Республики Ю. А. Соколов. Это большая и трудоёмкая работа по установке стел и памятников, закладке аллей в честь героев космоса – первого отряда космонавтов. Программа включает в себя целый комплекс мероприятий, посвящённых подвигу покорителей космоса.

12 апреля 2017 года на территории культурно-выставочного центра «Радуга» в Чебоксарах состоялась торжественная закладка аллеи «Они были первыми» в честь первого отряда космонавтов и 55-летия полёта в космос нашего прославленного земляка Андрияна Николаева. Инициатором её появления выступил председатель Союза садоводов Чувашии Юрий Соколов. Вместе с воспитанниками чебоксарской кадетской школы № 14 и учениками чебоксарской школы № 10 имени лётчика-космонавта А. Г. Николаева они высадили 25 голубых елей – по количеству космонавтов в первом отряде, их было двадцать мужчин, и зачисленных в него в 1962 году пяти женщин-космонавтов.

Энтузиасты во главе с Ю. А. Соколовым в мае 2017 года установили стелу и заложили аллею в честь первого отряда космонавтов в Новочебоксарске.

Команда садоводов во главе с Ю. А. Соколовым весной 2017 года побывала в Мемориальном комплексе космонавтики на родине А. Г. Николаева, в селе Шоршелы, организовала встречу Героев России с юными жителями села. Позднее в торжественной обстановке гости и хозяева музея участвовали в посадке деревьев в аллею в честь космонавтов.

Благодаря стараниям Ю. А. Соколова весной 2017 года появилась аллея в честь первого отряда космонавтов в ботаническом саду города Чебоксары Чувашской Республики.

На территории Центра по подготовке космонавтов имени Ю. А. Гагарина весной 2017 года по инициативе председателя Союза садоводов Чувашской Республики Ю. А. Соколова высадили аллею из элитных деревьев – красных дубов, лип и голубых елей – количеством 100 штук на месте, откуда традиционно провожают экипажи на Байконур. Также на территории 8-й АДОН высажена аллея из элитных сортов лип и голубых елей, всего в количестве 100 штук.

В деревне Крикаасы состоялось открытие сада «Покорителям космоса». В саду установлены восьмиметровые стелы к 90-летию лётчика-космонавта дважды Героя Советского Союза А. Г. Николаева, 85-летию первого космонавта планеты Земля Героя Советского

Союза Ю. А. Гагарина, в честь наших земляков-космонавтов Героя РФ Н. М. Бударина и Героя Советского Союза М. Х. Манарова. Также был открыт стодвадцатитонный гранитный памятник, посвящённый первому отряду космонавтов.

Право открыть сад «Покорителям космоса» и памятник первому отряду космонавтов представилось почётным гостям – лётчикам-космонавтам Героям РФ О. Г. Артемьеву и А. И. Борисенко.

Со словами благодарности выступил лётчик-космонавт Герой Российской Федерации О. Г. Артемьев: «Благодаря таким людям, как Юрий Соколов, сад "Покорителям космоса" не только первый в России, но и первый в космической системе, во Вселенной. Создав подобные общественные "космические" пространства, важно их в дальнейшем развивать». Лётчик-космонавт Герой Российской Федерации А. И. Борисенко также высказал слова поддержки в адрес инициатора, автора и исполнителя проекта Ю. А. Соколова.

Губернатор Московской области Андрей Воробьёв двадцать первого сентября дал старт экологической акции «Наш лес». Герои-космонавты для посадки деревьев и кустарников выбрали именно Звёздный городок, поскольку с ним связана вся их жизнь.

Высадка деревьев прошла на одном из знаковых мест Звёздного городка – на Аллее Героев. Это главный «звёздный путь» небольшого городка. Именно здесь провожают и встречают космонавтов после возвращения с орбиты и проводят парады Победы. Именно эта аллея ведёт к памятнику Юрия Гагарина. А кедр для аллеи тоже выбрали не случайно. «Кедр – это был позывной первого космонавта Земли Юрия Гагарина», – напомнил Андрей Воробьёв.

Глава Звёздного городка Евгений Баришевский подчеркнул важность этого события, поблагодарил почётных гостей и всех присутствовавших, объявил благодарность Юрию Соколову за большой вклад в развитие комфортной среды и озеленение городского округа Звёздный городок.

9 октября 2020 года, когда в Чувашской Республике проходила Всемирная неделя кос-

моса, Юрий Анатольевич организовал высадку именных деревьев в саду «Покорителям космоса» совместно с гостями.

9 марта к 86-летию со дня рождения первого космонавта планеты Земля Юрия Гагарина Ю. А. Соколов организовал посадку деревьев в саду «Покорителям космоса» близ деревни Крикаасы. Высадили семиметровый 37-летний кедр.

В 2020 году отмечалась 75-я годовщина окончания Второй мировой войны и победы над нацизмом. Особенно широкие масштабы празднование юбилея принимает в Российской Федерации и ряде стран СНГ, где это событие отмечают в первую очередь как 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал указ о проведении в России Года памяти и славы и призвал организовать празднование 75-летия Победы на высоком уровне.

Союз садоводов Чувашской Республики тоже решил не оставаться в стороне. Ю. Соколов к 75-летию Великой Победы подготовил саженцы 8-летних яблонь и груш в количестве 75 штук. Юрий Анатольевич открыл Аллею Победы с высадкой плодоносящих деревьев и возложением памятного гранитного камня в саду «Покорителям космоса», он является автором, инициатором и исполнителем этого глобального проекта.

Осенью 2020 года Юрий Анатольевич привёз на Урал, в Челябинскую область, в подарок 75 000 саженцев кедров, дубов и лип к 75-летию Великой Победы.

Благодаря Юрию Соколову по России высажено 34 аллеи, три памятника, три стелы, посвящённые космонавтам, а также сад «Покорителям космоса», где уже высажено 2 600 плодоносящих деревьев и голубых елей, дубов, лип, а в Греции, на острове Ираклион, в монастыре Святого Пантелеймона, – ещё аллея, посвящённая первому отряду космонавтов.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextib.ru